

ПОРОГ-АК

АЛЬМАНАХ

ВЫПУСК 26

В ВЫПУСКЕ:

Нереал:

Наталья Павлова. Зеркало Близнецов	5
Анастасия Шацкая. Призрачный мир	9
Игорь Мосунов. Дьявол и Достоевский	12
Владимир Булат. Антиутопия	21
Д. В. Амурский:	
Ку цзин гань лай	23
Кавайонские дыни	32
На острие иглы	44
Карьера под чужим небом	63
Виктор Банев. Сватовство Нидуса Пеннета	83
Стефан Брег. Демон	95
Екатерина Алексенцева. Кошмар	97
Станислав Никишкин. Письмо из будущего	103
Вадим Чеботарев. Системный трепет	106
Екатерина Филиппова. Укротители драконов	114
Владимир Торин. Лемони	125
Александра Ковалевская:	
Звездовоз, который всегда опаздывает	141
О политике с чистыми руками	147
Ангелы играют за «Всевидящее око»	151

Поэзия:

Николай Проценко. Охота на человека:	
Полночь	90
Шорох	91
Юлий Шанс. Три стихотворения:	
Черемуха	92
Гудбай	93
Кармен	94

* * *

Авторы о себе	157
---------------------	-----

Украина
Кропивницкий
(Кировоград)
2017

**Учредитель-издатель-редактор
АЛЕКСЕЙ КОРЕПАНОВ**

<http://www.korepanow.narod.ru/>

«Порог-АК». Выпуск 26. Альманах зарегистрирован в Главном управлении юстиции в Кировоградской области. Свидетельство о государственной регистрации КГ № 480/58Р от 17.01.2008 года.

E-mail: porog-anturage@yandex.ru

Телефон: (0522) 36-23-43

Почтовый адрес: 25006, Украина, г. Кропивницкий, а/я 5-50.

Технічний редактор О. Корепанов
Оформлення обкладинки – Ю. Тарасова.
Підписано до друку __.11.2017. Формат 60x84/16

Наталья Павлова
ЗЕРКАЛО БЛИЗНЕЦОВ

Это действительно то самое зеркало! Наконец-то я нашла его! Подумать только, в запаснике обычного областного музея, в самом дальнем чулане, среди гор всякого хлама пылится Зеркало Близнецов. О нем писала Блаватская, им интересовались члены Аненербе...

Ошибки быть не может: овальное зеркало в рост человека с искусным изображением мифологических близнецов и кусающего себя за хвост змея Уробороса на раме. Всё, вплоть до мельчайших деталей, в точности соответствует описанию.

Я решила записывать то, что будет происходить. Сразу, по свежим следам. Думаю, эти записи будут интересны не только специалистам.

От восторга мысли путаются, сложно сосредоточиться. Как же хочется начать обряд прямо сейчас! Но такие дела наспех не делаются. Начинать надо с ясной головой, а не после трудового дня. Приступлю к этому завтра.

11 марта

Это зеркало – удивительное творение! Оно живое, как бы безумно это ни звучало. Зеркало или сущность, заключенная в нем, живо отзывается на все мои действия. С утра, придя в музей, я начала подготовку к ритуалу. В источниках сказано, что это займет примерно три дня. Нужно сделать все по правилам, нельзя допустить ошибку. Вызов Близнеца не терпит спешки или неаккуратности. Все должно быть исполнено в точности!

Итак, при первых же пассах я почувствовала отклик. Не могу точно описать, что это было. Визуально ничего не изменилось: в зеркале по-прежнему лишь мое отражение, поверхность его все такая же неподвижная, холодная и гладкая, но я определенно ощущаю какой-то энергетический ответ. Зеркало хочет, чтобы я продолжала, оно просит... Но на сегодня все. Да, я счастлива, но чувствую полнейшее изнеможение... И все-таки заставила себя сделать записи!

12 марта

Второй день моей работы с зеркалом. Сегодня я увидела результат! Это вдохновляет и пугает одновременно. Все дело в отражении: оно движется независимо от меня! Звучит бредово,

но это так. Сначала все выглядело как легкая рассинхронизация: я поднимаю руку, а мое отражение чуть запаздывает. Но потом... потом оно начало шевелиться само, без моего участия. Отражение поворачивает голову, и мне очень хочется повторить его движение. Это страшно... Я начинаю путаться, кто из нас реален, а кто просто отображение этой реальности.

И опять изнуряющая усталость. Мне еле хватило сил сесть за стол, чтобы записать все, что произошло сегодня. Завтра последний день подготовки к обряду. Надо отдохнуть...

Да, чуть не забыла! Утром я обратила внимание на странные пятна на поверхности зеркала. Темные, будто прожженные, они разбросаны по стеклу без всякого порядка. Мне кажется, что вначале они были меньше и бледнее. Всего этих пятен семь.

13 марта

Я решила остаться в запаснике на ночь. Завтра в музее выходной, и мне никто не помешает. Да и сил уже не хватает уходить по вечерам домой... Обмануть директора было легко: она хоть и смотрит на меня с подозрением, но ни о чем не спрашивает. Наверное, думает, что молодость и весна мне крышу сносят. Ха! Знала бы она... Но это неважно, все ерунда.

Зеркало говорило со мной! Это не слова, произносимые вслух; конечно же, нет! Мысли, телепатический сигнал... точное название этого явления я не знаю. В моей голове хор голосов. Мужские и женские, чистые молодые и со старческим дребезжанием, они говорят на разных языках, иногда по очереди, но чаще все одновременно, поэтому я почти ничего не понимаю. Губы моего зеркального двойника шевелятся, слова пробираются в голову, минуя уши. Иногда мне кажется, что это безумие, но я успокаиваю себя тем, что все и должно быть странно и невероятно, очень похоже на сумасшествие. Становится легче, но ненадолго.

Один из мужских голосов звучит по-русски и сводит меня с ума больше всего. Этот голос то грубо и повелительно прогоняет меня, то умоляет бежать и спастись. Он грозит страшными карами, говорит о вечном плене и забвении, рассказывает такие кошмары, которые мне страшно вспоминать. Самое ужасное, что выглядит это так, будто со мной говорит мое же отражение, мои губы производят слова чужим голосом. Наверное, так люди сходят с ума...

14 марта

Подготовка закончилась, осталось ждать. Это самое трудное. Спасает то, что сил уже почти нет. Я постоянно проваливаюсь в какую-то дрему, полусон-полуявь. Становится сложно отделить приснившееся от того, что происходит взаправду.

Пятна на зеркале стали больше и темнее. Черные раны на гладкой поверхности...

Всю ночь голоса говорили особенно громко. Дикая какофония, лингвистический хаос... Кажется, они чем-то возбуждены, взволнованы. Тот самый голос заклинал меня «бежать, пока еще не поздно, пока еще есть шанс». Он почти уговорил меня. С трудом удалось заставить себя остаться. Это последняя проверка зеркала, и я должна ее выдержать.

А потом все закончилось. Мой Близнец развернулся и ушел в свое Зазеркалье... Никогда не думала, что увижу, как мое отражение поворачивается ко мне спиной и уходит. Мне кажется, что ушла часть меня. Такого не может быть! Как будто это не я, а она глядела в зеркало, а потом ей надоело. Когда смотрю в эту пустую гладь, по коже бегут мурашки, как если бы я с высокой крыши поглядела вниз. Безотчетный страх живого перед смертью...

Комната, музейная рухлядь на заднем плане, все это осталось, а вот меня нет. То есть нет ее, я-то, конечно, существую. Хотя без меня ее не может быть. Или может? Ха! Я сумасшедший вампир! Несу бред и не отражаюсь в зеркале...

Завтра все должно решиться. Или уже сегодня? Не знаю, который час. Телефон сел, а наручных часов у меня нет. С рассветом, все придет с рассветом... Мой двойник, мой близнец, мое отражение. Я увижу его утром. Я в это верю, я знаю это... Такая же, как я, и при этом абсолютно иная... Сущность из другого мира, обратного нашему. Мы сможем объединить свои знания, чтобы достичь гармонии.

Пальцы уже не держат ручку, еле вывожу какие-то каракули. Надо поспать... Нет, надо бодрствовать, чтобы не прозевать... Хотя разве можно такое пропустить! В голове все перепуталось... Я жду.

* * *

peskar1981
21:17, 20. 03. 2016

Саша, здравствуй!

Знаешь, у нас есть очень интересное поступление. Думаю, тебе для диссертации эта история подошла бы отлично. Расскажу вкратце, а там смотри сам.

Пять дней назад к нам в стационар привезли молодую девушку с симптомами шизофреноформного расстройства. Она была задержана, когда выносила из областного музея старинное зеркало XVII века. Эта девушка, Промыслова Елена Александровна, учится на истфаке, а в музее проходила практику.

У больной наблюдаются также отдельные признаки расщепления личности. Она утверждает, что является Синявским Алексеем Петровичем 1875 года рождения, медиумом и спиритом, который в 1908 году при проведении некоего мистического обряда был якобы заключен в зеркало (тот самый экспонат, который пациентка пыталась украсть), а теперь освобожден Промысловой. Больная также сообщает, что дух самой Промысловой теперь заключен в зеркало, где находятся еще семь жертв, попавших туда ранее. Доказательством этого она считает наличие восьми темных пятен на зеркальной поверхности. Пациентка рассказывает о голосах, которыми якобы разговаривают с ней из зеркала эти несчастные. Промысллова путается, то заявляя, что в ее теле заключена душа Синявского, «сбежавшего», по ее словам, из зеркала, то утверждая, что «это тело стало добычей темной силы другого, чуждого людям мира».

Примечательно, что говоря о себе, как о Синявском, она ни разу не перепутала окончания, всегда употребляя именно мужской род. Также присутствует некоторая странность речи: она употребляет устаревшие речевые обороты и выражения. Промысллова почти совершенно незнакома с техникой: мобильный телефон, телевизор, даже лифт удивляют ее. Знаешь, я еще ни разу не сталкивался с таким стойким и причудливым расстройством идентичности и таким точным в мелочах воспроизведением личности вымышленной. Беспокоит и то, что за все время нахождения в стационаре у пациентки ни разу не было фазы возврата к своему настоящему «я».

Сам видишь, случай редкий и крайне необычный. Если тебе он интересен, напиши, помогу по старой дружбе.

До связи!

Антон.

Анастасия Шацкая ПРИЗРАЧНЫЙ МИР

Я проснулся однажды и понял, что одинок. Не просто одинок, как бывает с «существами не от мира сего», одиночество которых воспринимается окружающими как болезнь. Я стал вдруг одинок в прямом смысле – вокруг никого не было. Пустые улицы, слепые окна, тихие дороги и переулки, безлюдные дворы, гулкие трубы подземных переходов, мерцающие неонами вывески и витрины, откуда застывшими взглядами следили за мной манекены. Толпы, бродившей здесь, заполнявшей своими звуками все время и пространство, больше не существовало.

Не могу сказать, что меня огорчило это обстоятельство. Люди весьма утомительны в своей суете. Они, как пыль, умудряются со своей заботой пролезть в самые недоступные уголки души. Не единожды я мечтал о том дне, когда проснусь в полной тишине, один, свободный, как птица. И вот этот день настал – кругом ни души. Я могу жить и творить. Творить свой мир, сам себя...

Шагая по пустынным улицам, я, казалось, слышал голоса прохожих, гудки автомобилей. Наверно, это моя память играла со мною шутки. Но через пару дней я привык к потусторонним звукам и уже не замечал их; они постепенно исчезли из моего сознания, остались где-то на поверхности восприятия, не отвлекая меня от созерцания своего собственного, опустевшего мира. Господи, благодарю тебя за тишину и одиночество!..

Когда я хотел есть, то заходил в ближайший магазин – и услужливый автомат выдавал мне все необходимое. Никогда не задумывался над тем, почему он всегда дает мне правильную сдачу с крупных купюр и говорит: «Спасибо за покупку! Приходите еще». Наверно, он так запрограммирован. Правда, голоса автоматов казались мне знакомыми: в моей прошлой жизни они принадлежали живым продавцам и кассирам. Мудро поступили владельцы супермаркетов, сохранив интонации живых людей в недрах обслуживающей техники. Мир не кажется таким пустым... нет, мне не одиноко! Просто иногда холодок пробегает по спине, когда я оборачиваюсь – и не вижу вокруг никого. Лишь полупрозрачные тени прошлого идут на работу, садятся в автобусы, переходят улицы, заходят со мной в магазин, делают покупки – и спешат по своим делам. Они кажутся такими... реальными. Но это – призраки людей, исчезнувших в один воистину прекрасный день.

Правда, иногда мне кажется, что эти призраки вполне материальны. Поначалу такого ощущения не было, я даже перестал

замечать тени, как раньше – звуки. Но однажды, когда я решил сделать себе приятное и зашел в кинотеатр – меня привлекли звуки старого фильма, – я почувствовал на себе взгляды, словно в креслах сидели люди. А когда на экране герой нежно поцеловал героиню, я осознал, что на моей руке лежит чья-то теплая ладонь. Я даже не пытался выяснить, что за существо коснулось меня, и опрометью выбежал из кинозала. И после долго бродил по пустынным улицам города, шарахаясь от звуков, ставших вдруг такими ощутимыми, и все еще чувствуя тепло призрачной ладони.

С тех пор я избегал замкнутых пространств, где в прошлом мог встретить людей, а сейчас – призраков...

...Дни сменяли друг друга. Они не были однообразны: мне было о чем поговорить с самим собой, с окружающим меня безмолвием. Однажды дорожку мне перешел кот. Сначала это встревожило, но ведь коты – не люди. Пусть себе идет, мы не мешаем друг другу: в этом огромном опустевшем мире хватит места для нас обоих. Позже я встречал этого зверя частенько. И он не испытывал опасений при встрече – просто шел себе мимо. Я подумал, что неплохо бы приручить его – все-таки хоть какой-то собеседник. Не то чтобы мне не хватало партнера для беседы, но я так странно обрадовался живому существу, что решил – мне не мешаете толика общения хотя бы с бессловесной тварью. На очередную прогулку я захватил с собой кусочек колбасы, купленный специально для этого случая. Кот заинтересовался угощением, обнюхал, но есть не стал и пошел своей дорогой. Он был явно сыт и ухожен, я заметил, что на нем надет ошейник. Какое благородство – его хозяев больше нет, а он все еще хранит им верность...

...Я пытаюсь понять, почему иногда меня тянет туда, где я раньше мог встретить людей. Они ведь всегда мне так мешали. Я уставал от навязчивой заботы, непрерывного внимания к своей персоне, даже просто от их присутствия. И вот теперь меня тянет к ним, несуществующим. Я снова стал захаживать в тот кинотеатр, где когда-то теплая ладонь прикоснулась ко мне. Надеялся встретить его или ее, чье тепло все еще помнила моя кожа. Но не встретил – лишь чувствовал равнодушные взгляды да краем уха ловил невнятный настороженный шепот. Пару раз мне показалось, что кто-то издали произнес: «Не от мира сего». Неужели призраки понимают, что этот мир им чужд?..

Я настолько привык к тишине, что однажды, услышав на улице визг тормозов, подумал: это мне кажется. Но все равно обернулся. На тротуаре лежал человек. Настоящий – не призрак. Под ним растекалась лужица крови, и он едва дышал и стонал. А вокруг сновали призраки. Я бросился к нему... Боже, как мне хотелось

услышать человеческий голос! Вот только говорить он не мог, лишь хрипел, закатив глаза. Он умирал. Умирал у меня на руках! Единственный встреченный мной человек за все долгое время моего одиночества. Мой возможный друг, единомышленник. Я положил его голову себе на колени и поднял глаза на окружавшие нас равнодушные призрачные тени. Я звал их, просил помочь. Но они лишь столпились вокруг нас, а некоторые так и брели своей дорогой, уткнувшись в свои собственные мысли. Они не могли, наверно, вырваться из пелены своего потустороннего мира. Они же – не от мира сего. Не из этого мира, где нас только двое: я и сбитый призрачной машиной мой единственный собеседник, так и не сказавший мне ни слова...

Когда он перестал дышать, мне пришло в голову, что он никогда не был живым. Просто я настолько соскучился по настоящим людям, что принял призрачное событие за реальное. И кровь, оставшаяся на моих руках, – тоже призрачна, это моя фантазия. Навязчивая фантазия, которую пришлось отмывать дома под краном. Когда я вернулся на место, где оставил труп, – его уже не было. Потом я долго бесцельно бродил по городу, стараясь не слушать, что шепчут призраки. Зачем-то заходил в магазины, в музеи, сидел в скверах. А они все мельтешили вокруг, спеша куда-то по своим несуществующим делам...

...Я зашел в бар неподалеку от моего дома – и автомат выдал мне порцию двойного виски, не забыв точно отсчитать сдачу. Он о чем-то меня спросил, но я старательно не слушал шелест его речи. Это же все нереально! Этот голос не живой, просто звуковая программа, у которой произошел сбой, и она задает непредусмотренные вопросы. Я забрал свой стакан и ушел в самый темный угол, куда призраки редко заходят. Монеты в моей ладони были теплыми, словно их только что держал живой человек. И возмущенные слова автомата, брошенные мне вслед, звенели у меня в ушах:

«Странный он, молчит все время. И смотрит сквозь меня, как будто я – пустое место! Никакого уважения! Я что – автомат какой-то?»

Игорь Мосунов Дьявол и Достоевский

Из цикла «Тайная история русской литературы»

В последние годы своей жизни Федор Михайлович Достоевский испытывал душевные страдания и мучения. Произведения его не печатались, ухудшилось материальное положение. В обществе росло непонимание писателя. Достоевский все реже появлялся в редакциях литературных журналов, на встречах и приемах. Его перестали узнавать на улице, а узнавши – начинали подтрунивать над ним и смеяться. Молча сносил обиды и насмешки Федор Михайлович.

Ночами писателю не спалось. Незаметно выходя в кабинет, чтобы не разбудить жену Анну Григорьевну, Федор Михайлович пересматривал свои книги, открывал первые журнальные публикации, перелистывал, гладил книги руками и вспоминал. Вспоминал, какой успех вызывали его произведения в свое время, какие были споры, статьи, полемика... Часто плакал и засыпал в кабинете прямо в кресле.

Однажды, прогуливаясь перед ужином, Федор Михайлович проходил мимо уличной книжной лавки. Возле лавки была натуральная толкотня, оживление, крики.

«Пойду, погляжу, что это там творится. Может, писатель какой новый объявился», – подумал Федор Михайлович и направился к лавке.

На всякий случай, чтобы не узнали, надвинул на глаза картуз, ссутулился, с трудом протиснулся к торговцу и спросил:

– Скажите, пожалуйста, что, роман «Преступление и наказание» Федора Достоевского есть в продаже?

– Не имеем-с, – бросил ему торговец средних лет. – Не спрашивают. – И тотчас же повернулся в другую сторону, к протягивающим деньги.

Достоевский протиснулся с другой стороны.

– Будьте так любезны, а роман «Идиот» онгого же писателя у вас имеется?

Торговец как-то странно скривил лицо, всем видом показывая нелюбовь вопроса. В толпе засмеялись.

– Эх ты, шляпа, – пробасил рядом стоявший мужчина с рыжими всклокоченными волосами, потрясая прямо перед носом писателя какой-то толстой книгой в яркой обложке. – Жюль Верн! «Полет на Луну»! Слышал? Вот книга!

Стоявший слева от Рыжего тощий старикашка беспокоило размахивал тростью и кричал торговцу: «Мне две, пожалуйста!» – и совал деньги ему чуть ли не в руку. «Племянник ко мне собирается погостить, так я одну для него», – объяснял старикашка Рыжему.

Тот понимающе и одобрительно кивал.

Стоявшая справа дама завизжала и попыталась выхватить у торговца один из двух экземпляров, предназначавшихся для старикашки.

– Продавайте по одному! Вдруг всем не достанется? – истошно вопила она.

Шум стоял неимоверный.

Выбравшись из толчи, Достоевский отошел, отдышался и вытер лоб платком. Из толпы до писателя донеслось слово «идиот», затем последовал противный хохот Рыжего.

Совершенно растерянный, Федор Михайлович шел домой, хлопал по плечу идущих впереди людей и спрашивал: «Вы не находите, как-то странно сегодня на улице?» Люди, испуганно и ничего не отвечая, ускоряли шаг.

А на улице в тот вечер было действительно странно. Ветер внезапно стих, писателю были слышны какие-то шорохи и голоса. Вдруг...

Вдруг кто-то сзади похлопал по плечу нашего героя. Достоевский медленно обернулся. Перед ним стоял Иван Сергеевич Тургенев. Вроде бы и одет как обычно и улыбка на лице играет, а что-то не то. Как-то холодно смотрит и улыбается натянуто.

– Иван Сергеевич, вы ли это? – спросил Достоевский.

– А то кто же? – вопросом на вопрос ответил Тургенев. – Я, собственной персоной. Вот спешу передать вам привет от Полины Прокофьевны.

– Она не забыла меня? Что, все еще помнит? А я ведь ее часто вспоминаю. Очень часто. – Достоевский заплакал.

– Не плачь, Федор Михайлович, у тебя впереди целая эпоха, – загадочно произнес Тургенев. – Встретишь еще кого-нибудь.

– Да-да, конечно, – задумчиво ответил Федор Михайлович и поднял глаза на собеседника, желая что-то спросить. Глядь – а Тургенева и след простыл, словно и не было.

«Что же это такое? Батюшки... Куда же? – спрашивал сам себя писатель. – Не мог он так быстро уйти».

Боязно чего-то стало нашему герою, и пошел он домой. Опять поднялся ветер, а шорохи и голоса пропали.

Вернувшись домой и снимая ботинки, Федор Михайлович попытался опереться на стену, но что-то помешало.

В РУКЕ БЫЛА КНИГА.

Писателя передернуло. Поднес к глазам, прочитал: «Жюль Верн, "Полет на Луну"».

«Как же это? Я ведь не покупал. Чертовщина какая-то. А может, Тургенев незаметно подсунул?»

Теряясь в догадках, Федор Михайлович медленно прошел к себе в кабинет и положил книгу на стол.

– Феденька! Ужинать! – позвала писателя супруга.

Достоевский сидел на стуле и смотрел, как Анна Григорьевна наливает ему суп.

– А лук вареный ты из супа весь выловила?

– Весь, Феденька, весь.

– А вон, я вижу, плавает. Один, второй, третий... Не любишь ты меня, Анна, не любишь.

– Да что ты, Феденька, что ты? Да я сейчас же и выловлю.

– Хренку бы к супу, – Достоевский почесал бороду.

– Так ходил бы на базар, да и купил бы.

– Негоже мне. – Достоевский приосанился. – Я великий русский писатель. Али забыли уже?! – И стукнул ложкой по столу.

– Да ты что, Феденька, как можно? Вот наемдн встретила на лестнице нашу квартирную хозяйку. А она меня и спрашивает: «Как, – говорит, – здоровье вашего мужа, великого русского писателя Федора Михайловича Достоевского?» Вот.

– Так прямо и сказала? – прищурился Достоевский.

– Ну да. – Анна Григорьевна отвернулась будто бы по делу.

Пужинав, Достоевский отправился в кабинет.

КНИГА ЛЕЖАЛА НА СТОЛЕ И БЫЛА ОТКРЫТА.

Писатель похолодел.

«Я точно помню, что клал книгу на стол, но не открывал ее».

Подкравшись к книге, Федор Михайлович прочитал в начале страницы крупными буквами:

«НАДО ЛЕТЕТЬ!»

Писатель осторожно закрыл книгу. В небе была полная Луна. Достоевский встал, подошел к окну и долго смотрел на нее. Внезапно его так сморило, что он еле добрался до кровати и уснул как убитый.

Проснулся глубокой ночью оттого, что почувствовал, как на него кто-то смотрит. Прямо перед ним на кровати сидела Смерть. В саване, с косой, все честь по чести. Сидит, смотрит ему прямо в глаза, качает головой да приговаривает:

– Ох, Федор Михайлович, Федор Михайлович...

Потом помолчит, и опять заново. А писатель наш от ужаса и пошевелиться, и рта раскрыть не может.

Смерть провела рукой перед глазами Достоевского – тот и заснул снова. А наутро не мог уразуметь, сон ли это был или явь.

Покосившись на стол, герой наш увидел, что КНИГА ЛЕЖИТ НА СТОЛЕ, И ОНА ОПЯТЬ ОТКРЫТА. Жутко стало писателю. Закутавшись в одеяло от холода, Достоевский подошел к столу. Книга была открыта на том же самом месте – в начале страницы крупными буквами было написано:

«НАДО ЛЕТЕТЬ!»

Весь день просидел Федор Михайлович за письменным столом, вперив взор в книгу. А ночью все повторилось. Опять проснулся среди ночи и видит Смерть. А та, как в прошлый раз, все вздыхает и приговаривает:

– Ох, Федор Михайлович, Федор Михайлович...

Потом опять провела ему рукой перед глазами – и уснул Достоевский.

И опять весь день просидел наш герой за столом, ничего не делая. Анна Григорьевна стала тревожиться и побежала за доктором. Доктор велел лечь в постель.

На третью ночь все повторилось. Только на сей раз Смерть не выдержала, толкнула Достоевского коленом в бок и высказалась:

– Спишь, лежебока? Думаешь, мне больше делать нечего, как к тебе шастать? У меня дел по горло! – Потом встала, шагнула на подоконник, повернулась к Достоевскому и спросила: – А про Луну забыл? – и растворилась в воздухе.

Хотел было что-то сказать писатель, да только ртом воздух хватал. Заснуть больше так и не смог.

На следующий день, уже к вечеру, сделалось ему так холодно, как будто сердце из груди вынули, а вместо него лед положили.

– Зябко мне что-то, Анна, – обратился Федор Михайлович к жене.

Анна Григорьевна налила мужу полный до краев стакан водки и подала. Достоевский медленно выпил весь стакан, сел на стул и стал завороченно смотреть на Луну. Анна Григорьевна, заплакав, ушла к себе.

«Пожалуй, Анну Григорьевну не возьму на Луну. Оставлю дома на хозяйстве».

Подумав это, Достоевский встал, влез на подоконник, уронил на пол стакан и шагнул в пустоту. От звука разбившегося стакана в соседней комнате вздрогнула Анна Григорьевна.

Тотчас же в комнате появилась Смерть. Перегнувшись через окно и увидев мертвое тело писателя, она облегченно вздохнула:

– Ну наконец-то, отмучился наш Федор Михайлович, наконец-то...

Потом заполнила формуляр и отправилась к Дьяволу.

– Достоевский Федор Михайлович, – проговорил Дьявол, читая формуляр. – Хороший был писатель.

– Хороший, – с готовностью подтвердила Смерть. – А современники его не понимали, многие смеялись...

– Ничего, ничего. Дело обычное. Потомки поймут. У него теперь впереди целая эпоха.

– Да-да, – сказала Смерть и робко спросила: – Только зачем же так? Я ведь могла его во сне тихонько того...

– Так надо, – веско сказал Дьявол.

Затем подписал формуляр и поставил печать.

* * *

Достоевский очнулся в незнакомой комнате, в кресле. Недалеке потрескивал камин, горели свечи. Несмотря на то, что комната была большая, в ней чувствовался какой-то неуловимый уют. Может быть, из-за книг, которые были, казалось, повсюду. Напротив, также в кресле, сидел седовласый импозантный мужчина. Он произнес:

– Я рад приветствовать вас, Федор Михайлович, в своем скромном жилище.

– Где я? И кто вы? – спросил Достоевский, поежившись.

– Я – Дьявол, а вы у меня в гостях, – запросто ответил тот.

Достоевский опять поежился, почесал бороду, подумал и решил поверить.

– Скажите, я умер?

– Пока нет.

– Как же это?

– Неважно, – уклончиво ответил Дьявол. – Но я вижу, что вам холодно. Хотите выпить?

Достоевский снова подумал и ответил:

– Хочу.

– Водки? – спросил Дьявол и подмигнул.

– Да, пожалуй.

– Водка согревает.

Дьявол аккуратно налил писателю стакан водки из графина. Федор Михайлович выпил не спеша.

«А Анна Григорьевна водку получше приготавливает», – подумалось ему.

– Зачем я здесь? Последние события... Это все так странно...

– Что ж, перейдем к делу, – сказал Дьявол. – Я бы хотел вас, любезнейший Федор Михайлович, на некоторое время вернуть в прошлое.

Дьявол сделал неопределенное движение рукой, послышался негромкий хлопок – и...

Федор Михайлович проходил мимо уличной книжной лавки. Возле лавки была натуральная толкотня, оживление, крики.

«Пойду погляжу, что это там творится. Может, писатель какой новый объявился», – подумал Федор Михайлович и направился к лавке.

На всякий случай, чтобы не узнали, надвинул на глаза картуз, ссутулился и с трудом протиснулся к торговцу.

– Скажите, пожалуйста, что, роман «Преступление и наказание» Федора Достоевского есть в продаже?

– Не имеем-с, – бросил ему торговец средних лет. – Не спрашивают. – И тотчас же повернулся в другую сторону, к протягивающим деньги.

Достоевский протиснулся с другой стороны.

– Будьте так любезны, а роман «Идиот» онго же писателя у вас имеется?

Торговец как-то странно скривил лицо, всем видом показывая нелепость вопроса. В толпе засмеялись.

– Эх ты, шляпа, – пробасил рядом стоявший мужчина с рыжими всклокоченными волосами, потрясая прямо перед носом писателя какой-то толстой книгой в яркой обложке. – Жюль Верн! «Полет на Луну»! Слышал? Вот книга!

Стоявший слева от Рыжего тощий старикашка беспечно размахивал тростью и кричал торговцу: «Мне две, пожалуйста!» – и совал деньги ему чуть ли не в руку. «Племянник ко мне собирается погостить, так я одну для него», – объяснял старикашка Рыжему.

Тот понимающе и одобрительно кивал.

Стоявшая справа дама завизжала и попыталась выхватить у торговца один из двух экземпляров, предназначавшихся для старикашки.

– Продавайте по одному! Вдруг всем не достанется? – истошно вопила она.

Шум стоял неимоверный.

Выбравшись из толчеи, Достоевский отошел, отдышался и вытер лоб платком. Из толпы до писателя донеслось слово «идиот», затем последовал противный хохот Рыжего.

...Опять раздался хлопок, и Федор Михайлович оказался в таинственной комнате. Напротив сидел Дьявол и внимательно смотрел на писателя. Достоевский опустил глаза.

– А ведь я могу все изменить, – сказал Дьявол.

– Как изменить?

– Ну хотя бы так.

Дьявол сделал неопределенное движение рукой, снова послышался негромкий хлопок – и...

Федор Михайлович проходил мимо уличной книжной лавки. Толкотня стояла пуще прежней. Подойдя поближе, наш герой услышал названия своих романов и свою же фамилию, произноси-

мую довольно часто. На всякий случай, чтобы не узнали, надвинул на глаза картуз, ссутулился и с трудом протиснулся к торговцу.

– Держите его! – завопила дама. – Этот без очереди лезет!

Рыжий крепко схватил Достоевского за руку:

– Постой-ка, братец! Куда прешь, а?! Мы здесь с самого утра в очереди ожидаемся, а ты самый хитрый, значит?

Стоящий сзади Рыжего старикашка ударил Федора Михайловича тростью по голове и сбил картуз.

– Господа, господа, – изумился торговец, – да это же сам Федор Михайлович Достоевский! Точно, я узнаю его по портретам в книгах.

– И-и-и-и! – испуганно воскликнул Рыжий и стал поправлять на Достоевском одежду и отряхивать ее от невидимой пыли. – Что ж вы сразу не сказали?.. Простите великодушно, я ведь не знал... Сам Федор Михайлович Достоевский!

По толпе прокатился удивленный гул.

– Извините меня, – тихо проговорил старикашка и вручил писателю бумажный пакет. – Там конфеты, ко мне племянник приезжает, так я ему в «Елисейском» конфеток, вот, купил. Берите, берите, я еще куплю.

Кто-то в толпе робко осведомился:

– Федор Михайлович, а нельзя ли мне книжечку подписать на память?

– Ты что! – заорал на него Рыжий. – Федор Михайлович, верно, занят, ему не до нас. Он, может, спешит; может, роман новый сочиняет. А ну, дорогу!

Толпа послушно расступилась. Визгливая дама подарила Достоевскому на память цветок и чмокнула в щеку. Рыжий еще раз отряхнул писателя и поправил на нем одежду.

Обескураженный Достоевский отошел от лавки. В одной руке был подаренный визгливой дамой цветок, а в другой – старикашкин пакет с конфетами. Мимо проехал экипаж. Достоевский услышал:

– Ах, душенька, я бы полжизни отдала, чтобы хоть разок взглянуть на него.

За ним проехал второй.

– Бедный, бедный мой Феодор. Где же он теперь? А я была с ним так несправедлива.

Сердце писателя забилось.

«Это она, Полина, ее голос, ее... скорее за ней... скорее!»

Федор Михайлович бросился бежать за экипажем – и...

...И оказался все в той же незнакомой комнате. В одной руке по-прежнему был цветок, а пакет с конфетами странным обра-

зом очутился в руках у Дьявола. Дьявол с интересом развернул обертку и послал конфету себе в рот.

– А хотите, Федор Михайлович, я тотчас же верну вас на прежнее место? Вас будет ждать экипаж, и вы поедете за ней. Ну? Хотите?

– Погодите... погодите... – Достоевский обхватил голову руками и вжался в кресло. – Полина...

– Федор Михайлович, ведь вы же еле сводите концы с концами. Прежняя слава вернется, вас будут узнавать на улице. У вас будет собственный дом в Петербурге, собственный дом в Рязани. Или в Калуге? – Дьявол вопросительно посмотрел на писателя. – А может, вы предпочитаете собственный дом в Париже? О, это был бы прекрасный выбор! – довольный Дьявол откинулся в кресле. – И Полину рядом с вами поселим.

Достоевский сразу поднял глаза.

– Да-да, – покивал Дьявол, отправляя в рот очередную конфету. – Вам необходимо только лишь подписать договор, – он указал глазами на лист бумаги, лежащий на столе возле камина.

– Полину?... Против ее воли? – медленно спросил Достоевский.

Что-то в лице Дьявола изменилось.

– Какая вам разница?! – раздраженно и громко спросил он. – Вы ведь хотите, чтобы она была с вами, и она будет!

– Нет, – тихо, но уверенно проговорил писатель. – Нет. Не такой ценой.

Дьявол с трудом совладал с собой. Потом задумался и после некоторой паузы сказал:

– Что ж, Федор Михайлович... Будь по-вашему. Но прежде чем распрощаться, я хочу подарить вам одно желание. Советую вам выбрать жизнь.

Дьявол устало откинулся в кресле, доедая конфеты. Федор Михайлович потупил глаза и произнес:

– Не нужна мне такая жизнь. Пусть лучше у Полины все будет хорошо.

Лицо Дьявола перекошилось.

– Значит, вы предпочитаете умереть?! За этих вот людей?!

– Да, за этих людей.

– И за этого Рыжего?!

– Да.

Дьявол внимательно смотрел на Достоевского. Перед ним сидел великий русский писатель, гений, автор романов «Униженные и оскорбленные», «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Братья Карамазовы», которые в свое время будоражили умы всего русского общества. Арестованный в связи с «делом Петрашевского», приговоренный судом к смертной казни, по-

милованный в последний момент и отправленный в Сибирь на каторгу. Затем, по истечении четырех лет каторги, служивший рядовым в седьмом линейном сибирском батальоне.

Дьяволу было нечего сказать. Он задумался.

– Я не ошибся в вас, Федор Михайлович, не ошибся. Вы смелый человек... и настоящий. Людей такого склада я уважаю. Хорошо. Будет исполнено! А теперь ступайте, вы мне более не нужны.

– Куда же мне идти? – растерянно спросил Достоевский.

– А куда хотите. Да хотя бы к вашему Рыжему, – рассмеялся Дьявол.

И в воздухе раздался негромкий хлопок.

Федор Михайлович очутился на улице. В правой руке был подаренный дамой цветок, но совершенно высохший, а в левой снова оказался пакет, только уже пустой. Достоевский положил цветок в пакет и бросил под дерево. Потом похлопал себя по бокам и укусил за палец. Из пальца пошла кровь.

«Живой! Мать честная, живой!»

А вот и книжная лавка, из которой он только что выбрался.

...Достоевский отошел, отдышался и вытер лоб платком. Из толпы до писателя донеслось слово «идиот», затем последовал противный хохот Рыжего.

Писатель сжал кулаки и быстро зашагал по направлению к книжной лавке.

На ходу засучил рукава пиджака, снял картуз и бросил его на землю.

Ворвался в толпу, схватил Рыжего за грудки и крикнул:

– Кто сказал «идиот»?!!

Владимир Булат
АНТИУТОПИЯ

– Здравствуйте, Дмитрий Федорович! Как ваше самочувствие? Давайте карту.

– Плохо... Сердце по-прежнему сильно колотится, и эти... как вы их называли?... шумы... Поднимался вчера на свой пятый этаж – чуть не отдал богу душу... Одышка... И что-то колет вот здесь...

– Да... У вас и сейчас не все хорошо. Пульс...

– И еще вчера не мог досмотреть до конца новости... очень разволновался. Вы представляете, эта Гейропа окончательно решила отказаться от нашего газа... Я не понимаю... Что им от нас надо? Чего они от нас хотят?

– Я же вам говорил: не смотрите информационных передач, особенно на ночь. Потом будет трудно заснуть... Кстати, как лекарство, блор?

– Ой, не говорите... Не смог принять больше одного раза. От него, кажется, сердцу еще хуже становится. Вот...

– Хм... Это же не блор, а астиновебулятор!.. А я вам выписал блор. Где ваш рецепт?

– Отдал в регистратуре, но они мне выдали именно это... Я не знаю...

– Так... понятно... извините... Дмитрий Федорович, у вас есть полный тезка – тоже Дмитрий Федорович Васильев... В нашем микрорайоне живет... Это его лекарство – астиновебулятор. Вам по ошибке выдали не ваше лекарство, а его...

– Да как же это?..

– Ну, знаете, после запрета цифровой идентификации людей у нас начались проблемы – слишком много однофамильцев. Попадают даже такие уникамы, как вы с вашим тезкой... Как звали вашего деда?

– Деда?.. А... Игорь.

– Ну-ка посмотрим, что там у вашего тезки в медкарте. Вы знаете... у него тоже деда звали Игорь... Не получится вас различать по деду... А может, назовем вас Дмитрий Федорович Васильев-Первый, а его – Второй? Он младше вас.

– Но это ж тоже цифры...

– Ладно, вот вам рецепт на блор. Смотрите, не перепутайте...

– А это... это ничего, что блор – импортное лекарство?

– А что?

– Да вчера батюшка говорил, что все, кто лечатся у инородцев неправославных, в ад попадут. И лекарства тоже оттуда нельзя.

Вы не знаете, может, все-таки можно, если потом три раза сотворить молитву? Как вы думаете?

– Это уже за пределами медицины.

– Я бы корвалолом нашим родным лечился, но ведь не помогает ничуть. И тут такой соблазн для человека! Почему у нас наш русский православный блор не делают? Как вы думаете, может, освятить этот блор у нас в церкви?

– Хм...

– Нет, нельзя! Батюшка ругаться будет. Он и так вчера все утро ругался. Говорит, молодежь нынче не та пошла – свечку зажечь не умеют... Как вы думаете, американцы нас не расчленят? А почему китайцы нас предали?

– Дмитрий Федорович, вы слишком много думаете на политические темы. Вам ваше здоровье важнее или политика?

– Не знаю...

– Блор – хорошее средство. Как раз убирает шумы в сердце. Недавно получено в Англии. Называется по фамилии изобретателя.

– Вот это-то меня и смущает: не может англичанин что-то хорошее сделать русскому человеку за просто так. Импортное, да еще и дорогое. Жена говорит, что сердце оттого больное, что я в детстве пионером был. Так я говорю: нет, я пионером не был!

– Не дышите... Теперь дышите...

– И еще, говорят, что наш микрорайон выселять будут...

– Да, я в курсе.

– В деревню. Теперь мне придется к вам за тридцать километров ездить. И в собес... А вот вчера было в телевизоре...

– Лекарство будет стоить семьдесят пятьсот...

– И интернет у нас отключили, чтоб электронный концлагерь... Пилотный проект, написано на парадной. Я позавчера три часа отстоял на почте – платить за газ. У них там тоже что-то сломалось, и долго чинили...

– Вот чек.

Д. В. Амурский
КУ ЦЗИНЬ ГАНЬ ЛАЙ

– Матушка! Не кажется ли тебе, что наше пребывание на чужбине слишком уж затянулось?

– Ку цзинь гань лай.

– Я понимаю, матушка, но все же пора бы вернуться домой. Я обнаружил очень интересную информацию, которая поможет нам это сделать, если так будет угодно небу. И через тысячу преград вода течет в море.

Объявление висело на стенде «Аллеи славы», приклеенное к тыльной стороне металлического щита. На белом листе было напечатано крупным шрифтом: «Простые чудеса. Недорого». Ниже указывались номер телефона и адрес сайта в интернете.

Антон Смирнов беззвучно выругался:

«Ну что за идиоты? Ведь стоит одному паршивцу начать свинячить, как его тут же поддержат другие. И дня не пройдет, как всю заднюю поверхность щита заклеят рекламными объявлениями, а потом перейдут и на лицевую! Теория разбитых окон, мать ее так!»

Антон подошел к стенду и отодрал от него бумажку. Смирнов любил порядок и гордился этим. Урны поблизости не оказалось, поэтому объявление отправилось в карман куртки. Мужчина протопал через двор до подъезда, вход в который был увит разросшимся диким виноградом, потом поднялся на лифте на четвертый этаж. Не успел он вставить ключ в замок, как из квартиры послышались цокот когтей и возбужденное повизгивание. Когда дверь открылась, из-за нее вылетела белая короткошерстная собака с коричневыми пятнами на морде и спинке и начала прыгать вокруг Антона, пытаясь лизнуть его в лицо.

– Буська! Я тоже очень рад тебя видеть! Хорошая! Хорошая! Всё, не стой в дверях, заходи обратно.

Собака вошла в прихожую и сразу же села так, что хвост оказался на пороге.

– Глупое-глупое зверище! А если тебе хвост дверью прищемит?

Буська радостно замахала тем самым хвостиком, но с места не сдвинулась. Пришлось Антону подтолкнуть собаку сзади. Лишь после этого удалось закрыть дверь в квартиру.

Мишка уже вернулся с занятий и сидел за компьютером, рубясь в «Deus Ex» и одновременно слушая что-то на планшете.

Смирнов-старший громко спросил: «Кто сегодня с Буськой гуляет?» – но в ответ не донеслось ни звука.

– Понятно.

Тем временем собака принесла своему хозяину любимую игрушку, синий мячик, пищащий при нажиме, положила его у ног Антона и посмотрела преданным взглядом.

– Ну хорошо! Пару раз тебе брошу, а потом пойду переодеваться.

Мужчина катнул мяч по полу, и животное бросилось за игрушкой. Раздался писк, после чего Буська вернулась и беззвучно попросила повторить процедуру. Смирнов кинул еще раз, потом еще, плавно перемещаясь в спальню. А при четвертом броске рука пошла куда-то в сторону, и игрушка, вместо того чтобы упасть на пол, взвилась вверх и попала на стеллаж у кровати.

– О нет! Только не это! – взмолился Антон, но было уже поздно.

Мяч оказался на полочке среди миниатюрных статуэток, которые собирала Татьяна. Эта коллекция являлась предметом особого внимания жены. Больше всего супруга любила фигурки ангелов. И вот сейчас синяя игрушка Буськи покатилась по полированному дереву и спихнула несколько маленьких крылатых изваяний с полочки. Как при замедленной съемке, Смирнов наблюдал за падением керамических ангелов, не в силах что-либо предпринять.

– ...! Твою мать! – выругался он, глядя на осколки на полу. – Что ж я за debil! Надо же было уродиться таким криворуким!

Собрав в мешочек то, что осталось от маленьких фигурок, Антон сел прямо на пол. Тут же подбежала Буська и лизнула хозяина в лицо.

– Эх! Буська-Буська! Твой хозяин – идиот! Клинический!

Собака не поверила и лизнула Антона в ухо, потом в щеку.

– Танька и так сейчас какая-то потерянная. А если увидит этот разгром, то и вовсе впадет в депрессию, начнет искать в этом дурные знаки... Что делать, Бусь? Скажи, зверище!

Зверище бросилось в прихожую и притащило Антону его куртку, радостно помахивая хвостиком.

– Понятно, ты гулять хочешь.

И тут мужчина вспомнил про объявление, которое лежало в кармане. Он достал бумажку, расправил и снова окинул взглядом текст.

– Значит, говорите, чудеса? – и потянулся за телефоном.

Ответили ему почти сразу. Мужской голос на ломаном русском проговорил, что сможет принять Антона через полчаса. Идти нужно было на соседнюю улицу.

– Ну что, Буська? Пойдем за чудом, как Иванушка-дурочок?

Собака сразу же побежала в прихожую и улеглась перед дверью, демонстрируя свою готовность отправиться с хозяином хоть на край света. Смирнов накинул куртку, обулся. В правый карман положил полиэтиленовые пакетики, понятно для чего, в левый – синий мяч. Потом снял с вешалки рулетку с поводком и застегнул на терьерше ошейник.

– Миш! Мишка! Мы пошли гулять. Запри дверь!

Творец простых чудес обитал в убогой двушке, расположенной на первом этаже старой панельной пятиэтажки. Антону открыла узкоглазая тетушка неопределенного возраста. Она подозрительно зыркнула на Буську, потом указала мужчине на табурет в проходе.

Из комнаты доносились приглушенные голоса. Через несколько минут дверь комнаты распахнулась, и маленький коридор заполнила необъятная спина, обладатель которой, пятясь, благодарил кого-то:

– Спасибо вам, доктор Цзы!

А голос с иностранным акцентом отвечал с легким недовольством:

– Я не доктор. Я просветленный, я Цзюнь-цзы. А вы больше думать о свой ци, и не думать о еда!

Человек-слон прошествовал по коридору, едва не наступив на Буську, а Цзюнь-цзы, оказавшийся довольно высоким китайцем средних лет, пригласил Антона в комнату. Там он плюхнулся в потертое кресло, а посетителю предложил располагаться на выдавшем виды диване. Увидев Буську, китаец улыбнулся, после чего перевел взгляд на гостя:

– Рад вас видеть. Как вас зовут? Сколько вам лет?

Смирнов ответил. Затем Цзюнь-цзы поинтересовался, кем он работает, какая у него семья, как зовут собаку и какой она породы. И лишь выслушав все это, спросил, чем может помочь. Антон, чуть смутившись, рассказал о своей беде.

– В объявлении было написано: «Простые чудеса». Вот я и подумал... – тут мужчина замялся, подыскивая нужные слова.

Китаец терпеливо дождался, пока Смирнов закончит фразу, отчего хозяин Буськи смутился еще больше. И лишь после этого просветленный молвил:

– Вы не стыдитесь желания, если желания не вредить живое существо. Что вы хотите восстановить?

Антон протянул китайцу матерчатый мешочек. Тот заглянул в него, хмыкнул, положил на одну ладонь, другой прикрыл. Затем просветленный зажмурился и откинулся в кресле. Посидев так с минуту, Цзюнь-цзы вернул мешочек Смирнову.

– Что, ничего не получилось?

Китаец промолчал, лишь показал жестом, что надо открыть мешочек. Антон так и сделал. Фигурки ангелов оказались целыми, как будто и не падали на пол.

– Как вам это удалось?

– Вы не понимаете.

– Ну а всё же?

– Что вы знаете о дыхании природы? Что вы знаете о изначальном ци?

– Ничего.

– Тогда я слишком долго объяснять.

– Хорошо, – кивнул Антон, доставая кошелек. – Сколько я вам должен?

– Немного ваш юань-ци.

– А-а-а... а у меня разве есть такое?

Китаец, не говоря ни слова, протянул к Смирнову руки и проделал какие-то пассы вокруг головы своего гостя. Хозяин Буськи ничего не почувствовал, но просветленный кивнул, явно удовлетворенный результатом своих действий.

– Всё. Мы по рукам. Было приятно с вами познакомиться.

– А для чего вам моя ци?

– Я познаю дао весь мой жизнь. Я искать то, что утратил этот мир и хотеть дать гармония. Но для этого мне нужно много истинный ци. Я помогать вы, другой человек, третий человек, и брать немного ци взамен, а потом обращаться к Тайцзи и искать то, что пропадать в прошлое, чтобы улучшать будущее.

– Так вы, наверное, мудрец или как там у вас их называют?

– Нет, я не мудрец, я просветленный. Но я учиться у настоящий мудрец, пока мой папа не попасть в беда и мы с мама не бежать из Поднебесная. Хотя про это я не хотеть говорить...

Когда Антон вернулся домой, Татьяна уже хлопотала на кухне. Вымыв Буське лапы в ванной, мужчина отпустил собаку, и та помчалась к любимой хозяйке выпрашивать угощение. В этот момент можно было прошмыгнуть в спальню и осторожно вернуть фигурки ангелов на место.

«Фу-у-у! Пронесло!» – подумал Смирнов.

Но бумажку с номером телефона на всякий случай оставил.

И случай не замедлил представиться. На следующий день, в самый разгар совещания у шефа, где обсуждали коллекцию предметов, недавно найденных в одной из московских усадеб, смирновский телефон загрохотал «Имперский марш». Антон извинился и вышел в коридор.

В трубке послышался взволнованный голос Мишки:

– Алё! Па! Ты меня слышишь?

– Привет, студент! Чем порадуешь старика-отца?
– Па! У меня проблема!
– Да ну! А я-то думал, что ты меня вытащил с важного совещания у шефа, чтобы рассказать о том, какая сегодня прекрасная погода. Что случилось?

– Па! Меня к сессии не допускают. Зубов зачет не хочет ставить. Говорит, что я ему лабы не сдал, а я ему их все сдал до единой, просто он их не отметил. И вообще он какой-то злобный!

– Блин! Этого еще не хватало! Поменьше нужно на компе в игрушки играть! Провалил дурака весь семестр, а теперь у него Зубов злобный!

– Па! Но я ему всё сдавал!

– Ну так пойд и добейся зачета!

– Па! Он уперся, как баран, и не ставит.

– Ладно. Я подумаю и тебе перезвоню.

Антон сделал глубокий вдох, потом с шумом выдохнул воздух. Мишка, конечно, раздолбай еще тот, но, вполне возможно, что ему просто не повезло. В выпускном классе сыну как-то вклеили две двойки по физике за лабораторные. Физичка утверждала, что он их не сдавал, Мишка же бил себя пяткой в грудь, что он всё сделал и положил после урока на стол учительнице. В конце концов злополучные тетрадки нашлись, но для того, чтобы исправить двойки на четверки, понадобилось вмешательство классной руководительницы. А вот кто мог бы так же вступить за студента в институте, Антон себе даже не представлял. И тут он вспомнил про Цзюнь-цзы...

В назначенный час оба Смирнова сидели на табуретках в проходе той самой убогой двушки. Из комнаты доносились голоса. Через несколько минут дверь распахнулась и в коридор выскочила темноволосая женщина с перекошенным лицом.

– Я этого так не оставлю! Я на вас жаловаться пойду!

Потом она уставилась на Антона и гаркнула:

– Не ходите к этому шарлатану! Он обманщик!

Потом кинула взгляд назад и заторопилась к входной двери.

Мишка зашептал:

– Может, пойдём отсюда?

Но тут их пригласили в комнату. Китаец упал в кресло и указал посетителям на продавленный диван.

Антон тут же задал вопрос:

– А что она так кричала?

– Женщина очень просит меня навести порча на соседка. Я немножко разозлиться и показать, как порча падать на женщина. Женщина сильно ругаться. Наверное, это ей не нравится.

Затем просветленный познакомился с Мишкой, узнал, чем он занимается, и очень быстро выяснил суть проблемы. Китаец нахмурился, потом взглянул на Антона:

– Я помочь ваш сын, но я взять у вас обоих много юань-ци. Вы отдать столько много ци?

Мишка с удивлением воззрился на отца, а тот уставился на Цзюнь-цзы:

– А в чем проблема? Вчера вы не задавали такого вопроса.

– Я брать много ци – вы потом болеть. Плохо. Вы решать, я – делать.

– Ну что, студент? Рискнем здоровьем родителя ради твоего образования?

– Ну, можно попробовать...

– Решено. Берите у нас эту ци – как-нибудь переживем!

Китаец протянул руки к Антону, проделал манипуляции, потом повторил их над Мишкой. Затем он пристально взглянул на Смирновых и пробормотал:

– Завтра юноша идти в институт и говорить свой учитель. И все будет хорошо.

– Ты тратишь столько сил на этих лаоваев, сын. Знаешь ли ты, куда приведет тебя эта дорога?

– Матушка! Искушение сдаться бывает особенно сильным незадолго до победы. Но помни: то, что случается, случается вовремя. Мне кажется, что я вот-вот зачерпну воду, и луна будет в моей руке.

– Ку цзинь гань лай.

– Ты не представляешь, матушка, что я нашел! Теперь главное – не ошибиться, разыграть всё, как партию в го. Лучше, если не было и появилось, чем было, да исчезло.

Просветленный не подвел. На следующий день Мишка позвонил Антону перед обедом и, захлебываясь от восторга, рассказал, что Зубов таки нашел тетрадки с его лабами и поставил долгожданный зачет. Пришлось чуть умерить восторги сына и напомнить, что допуск к сессии еще не означает ее успешную сдачу.

Потом Антон сидел над фотографиями недавно найденных предметов и внимательно рассматривал мельчайшие детали. Получалась какая-то нелепица: не могли же в московской усадьбе XIX века появиться китайские артефакты шестого или пятого веков до нашей эры? Но эксперты из музея утверждали, что манера, в которой были выполнены бронзовые предметы, свидетельствовала о том, что их создали в период Весен и Осеней. А один специалист уверенно заявил, что в этой усадьбе останавливался

архимандрит Иакинф, возвращаясь из Пекина в Санкт-Петербург. Впрочем, коллеги его точку зрения не поддержали. Теперь предстояло решать, что делать с этими предметами и как это скажется на планах реконструкции усадьбы.

А к вечеру у Смирнова-старшего разболелась левая коленка. Давным-давно, когда Мишка только-только научился ходить и на прогулках предпочитал рыться в дворовых песочницах, Антон отсидел себе левую ногу. К травматологу он, конечно же, не пошел, и потом полгода чуть прихрамывал. Со временем коленка расходилась, но иногда напоминала о себе в самый неподходящий момент.

Буська же, как нарочно, в тот вечер носилась по соседним дворам, как безумная. Антон едва успевал за разгулявшейся собакой. Придя домой, он смазал колено лечебным гелем, но злополучный сустав продолжал побаливать. И тут Татьяна внезапно закатила скандал, которые она устраивала время от времени без всяких видимых причин. Сорвалась на Мишке, затем накинулась на Антона, вспоминая его прегрешения за все годы супружеской жизни. Швырнула на пол чашку, из которой пила кофе. Чашка, конечно же, разлетелась мелкими осколками, поцарапав паркет. Буська от страха забилась в щель между диваном и стеной, и там застряла.

За то время, что они были женаты, Смирнов испробовал разные линии поведения во время истерик Татьяны, но ни одна из них не оказалась удачной. Раз за разом эти нелепые свары продолжались часами, до предела выматывая обоих.

Антон вздохнул и попытался что-нибудь придумать, чтобы привести супругу в чувство. На душе было паскудно, настроение упало, как столбик термометра в ясную зимнюю ночь. И тут мужчина почувствовал, как сердце его екнуло, будто кто-то сдавил его невидимой безжалостной рукой. Смирнов попытался вдохнуть, но не смог. Его бросило в жар, потом на лбу выступила холодная испарина. Ноги сделались ватными, по телу разлилась слабость. Антон медленно осел по стеночке на пол. Все вокруг закружилось, и комната перед глазами начала темнеть...

Очнулся Смирнов от того, что его пальцев касались чем-то мокрым и шершавым. Он повернул голову и открыл глаза. Буська, взвизгнув от радости, потянулась к Антону, пару раз чихнув от избытка чувств и так сильно виляя хвостиком, что казалось, она сейчас взлетит. Собака лизнула хозяина в ухо, потом в щеку и в лоб. Смирнов хотел погладить терьершу, но рука была такой тяжелой, что не поднималась и на пару сантиметров.

Из коридора донесся какой-то шум. Грохнули двустворчатые двери, и в комнату влетел высокий мужчина. За ним зашла Татьяна с побелевшим от злости лицом.

– Значит, так, узкоглазый! Если сейчас же, немедленно не вылечишь моего Антона, я не знаю, что с тобой сделаю! И никаких отговорок!

– Но я же говорить, что мы с Антон по рукам. Он сам решать, он сам рискнуть здоровьем.

– Да я тебе сейчас глаза выцарапаю, шарлатан криворожий! Я сейчас так рискну твоим здоровьем, что ты забудешь, как рис есть палочками!

Буська на всякий случай спряталась под диваном. Китаец, наверное, увидел что-то ужасающее в лице Татьяны, потому что сразу перестал пререкаться и рванул к лежащему мужчине. Дрожащими руками он проделал пассы вокруг головы Смирнова, потом прислушался к чему-то и повторил процедуру. Мишка все это время простоял в коридоре, не решаясь войти в комнату.

Цзюнь-цзы испуганно глянул на Татьяну и обратился к Антону:

– Попробуйте встать.

Смирнов-старший оперся на руку китайца и приподнялся. Ему действительно стало получше. Поднявшись на ноги, Антон посмотрел на жену. Татьяна стояла, напрягившись, готовая в любую секунду наброситься на китайца. Маленький нахохлившийся воробушек рядом с ястребом. Ее глаза не обещали просветленному ничего хорошего.

– Милая, не сердись! Он тут ни при чем. Это я сам решил, а он даже предупреждал, что я могу заболеть...

Тут женщина не выдержала, устремилась к Антону, прижала руки к его груди и зарыдала на плече мужа. Сквозь плач доносились слова укоризны:

– Тошка-Тошка... Какой же ты дурной! Ну разве так можно? А обо мне ты подумал?..

А потом все вместе пили чай на кухне. Татьяна сгоняла Мишку в магазин за столь любимыми Антоном заварными пирожными. Китаец уплетал их за обе щеки. Буська дремала под сиденьем, поскуливая во сне от пережитого потрясения. Антон смотрел на жену, такую домашнюю, хрупкую и нежную, и вспоминал, как она орала на китайца. Просветленный, как будто прочитав мысли Смирнова-старшего, тоже глянул на Татьяну и заметил:

– У вас очень много истинный ци. Вы не хотите лечить других человек?

– Да куда уж мне. Кто бы меня вылечил!

– А что у вас болеть?

– Спина и шея. Иногда так прихватывает, что сил никаких нет!

– Можно я посмотреть?

– Попробуй... попробуйте.

Китаец встал со стула и подошел к Татьяне со спины. Подняв руки, он провел ими над головой и плечами женщины, не касаясь тела. Потом просветленный сделал несколько пассивных пассов правой рукой над позвоночником. Глаза Татьяны округлились:

– Ой! Отпустило! Легче стало, как после мази. Ну спасибо! Помог так помог! Помогли, спасибо!

Уходя, китаец очень тепло попрощался с каждым из семьи Смирновых. Он даже погладил Буську и почесал у нее за ушами.

Ночью Антону приснилось, что он идет куда-то по спящему городу вместе с женой и сыном. Сзади семенила терьерша. Смирнову захотелось спросить у Татьяны, куда они направляются, но, как это часто бывает во сне, тело не повиновалось его разуму. Все семейство кралось по темным мокрым дорожкам, избегая освещенных улиц. Шагали довольно долго и в конце концов очутились возле дворянской усадьбы с небольшим парком, огороженным забором.

Смирновы остановились у ворот, не зная, куда двигаться дальше, но тут Буська проскочила через отверстие в решетке. Спустя минуту щелкнул замок, и калитка открылась. Антон вошел первым и направился к особняку. Оказалось, что главный вход заперт, но Смирнов почему-то знал: нужно зайти сбоку, просунуть руку в водосточную трубу и взять там ключ от подсобики. Отперев дверь, обитую оцинкованным железом, все тихо проникли в хранилище хозяйственного инвентаря. Буська, вбежав в пыльное помещение последней, громко чихнула и возмущенно помотала головой.

Антон открыл шкаф, встроенный в стену, и нащупал заднюю панель. Он знал, непонятно откуда, что если надавить на нее посильнее, то откроется тайный ход. Так и произошло. Вскоре вся семья пробиралась по очень узкому коридору, в котором не подметали много-много лет. Тут уже чихала не только собака.

Проход закончился тупиком, в котором стоял огромный сундук. Антон с Мишей приподняли этот здоровенный ларь за один край, и Татьяна с Буськой пролезли в образовавшееся отверстие. Сразу после этого, чтобы не лопнуть от натуги, отцу и сыну пришлось опустить громоздкий предмет и ждать сигнала. Даже во сне чувствовалось, как ныли мышцы от чрезмерных усилий. Минут через пять раздался стук. Пришлось поднимать край сундука еще раз. Сначала выбежала собака с какой-то коробкой в зубах, затем выползла Татьяна, вся в пыли. И семья Смирновых в полном составе отправилась в обратный путь.

Антону очень хотелось глянуть, что за футляр сжимает в зубах терьерша, но снова ему что-то мешало. Идти, открывать и закрывать двери он мог, а вот сделать что-то другое не получалось.

Машинально переставляя ноги, Антон еще подумал, что этот сон какой-то очень странный, какой-то на редкость реалистичный.

Когда Смирновы оказались возле старой панельной пятиэтажки, Буська шмыгнула в подъезд и вскоре вернулась, но уже без коробки. И все зашагали по лужам в сторону такого знакомого подъезда, вход в который был увит разросшимся диким виноградом.

Поднявшись утром с кровати, Смирнов-старший ощущал себя совершенно невыспавшимся и разбитым. Мышцы рук и ног болели. Буська спала на одеяле между Антоном и Татьяной. Потянувшись, чтобы погладить собаку, Смирнов с удивлением обнаружил, что лапы терьерши мокрые...

– Ну что, матушка, похоже, наше изгнание закончилось. Не зря я говорил, что незнакомая собака в доме сулит благополучие. А с этой реликвией в руках мы сможем на родине выкупить отца у триад или попросить помощи у властей! Подумать только, найти кольцо самого Конфуция у лаоваев! В незнакомом месте хорошо зарабатывать деньги, в знакомом месте хорошо встречать Новый год.

– Ку цзинь гань лай.

Примечание автора: *Ку цзинь гань лай – на смену неудаче приходит удача (горькое иссякнет, сладкое придет).*

КАВАЙОНСКИЕ ДЫНИ

Посреди ночи зазвонил телефон. Я бы спокойно спал дальше, игнорируя любые посторонние звуки, но тут проснулась Галка и грозно рывкнула:

– Да возьми же ты наконец эту трубку!

А Рекс, лежавший у нас в ногах, тихо, но сердито зарычал, не меняя позы. Пришлось подчиниться воле большинства.

Какой-то невероятно знакомый голос гаркнул в ухо:

– Ваню! Говорят, ты во Францию собрался на чемпионат Европы. А в Марсель заезжать будешь?

– Какого черта? Кто говорит?

– Это я, Боря. Не узнал? Спал, что ли? Ну, ты суслик! Хватит дрыхнуть, всю жизнь проспай!

– Боря! А не пошел бы ты к лешему? – и я с грохотом бросил трубку.

– Кто это был? – спросила Галка.

– Березин.

– Боря – упрямец и с правилами хорошего тона не знаком. Сейчас перезвонит, вот увидишь!

Не успела супруга договорить эту фразу, как телефон снова затрезвонил. Я скорчил на лице самую зверскую гримасу, какую только смог, и взял трубку.

– Ваню! Не дуйся, я все равно уже тебя разбудил. И чем скорее ты услышишь мою маленькую просьбу, тем раньше сможешь вернуться ко сну. Ты собираешься во Францию на чемпионат Европы?

– Да.

– А в Марсель ты поедешь?

– Да.

– Ну вот и здорово! Привези мне из Марселя дюжину кавайонских дынь.

Я представил себе гору огромных желтых узбекских торпед в чемодане, а потом себя, скрючившегося под тяжестью бахчевых. Попросил Галку как можно плотнее закрыть уши подушками и с наслаждением, со всеми подробностями, которые только пришли мне в голову, высказал свое отношение к Боре, его ночным звонкам, его просьбе, а также, может быть, и незаслуженно, к дыням. Мой собеседник выслушал эту длинную тираду, ни разу не перебив, обескураженно помолчал и ответил:

– А я и не подозревал, что ты знаком с Петровскими Загибами. Ну прости, что разбудил и так разозлил. Но я же не просто так попросил, а по работе. Мне нужны кавайонские дыни. Позарез. Привези, пожалуйста!

– Боря, ты охренел! Сколько твои дыни весить будут? Тонну? Или две?

– Да не бойся, Ваню. Они же маленькие. Каждая в ладони помещается. Не можешь дюжину – привези хотя бы пару штук. Мне очень нужно для эксперимента!

– Какого еще эксперимента?

– А вот не скажу. Пусть это останется для тебя тайной, и пусть она будет мучить тебя всю поездку. Это моя маленькая месть за твои грязные ругательства. Вот когда привезешь, тогда и расскажу. Ну же, Ваня! Не изображай из себя злюку! Поддержи отечественную науку!

– Ладно, Боря. Я подумаю.

– Ну вот и замечательно! Я верил, что ты согласишься, ведь ты добрый и отзывчивый человек, если покопаться где-то в глубине души...

Я бросил трубку и рухнул в кровать. Галка ехидно посмотрела на меня и заметила:

– Ты никогда не мог переспорить Березина.

Проваливаясь в сон, я пробормотал:

– Эт точно...

* * *

Борька Березин был моим одногруппником в университете. Звезд он с неба не хватал, но экзамены сдавал без особых проблем. Борька очень любил рассказывать о том, как после школы год работал в конструкторском бюро – при этом важничал, делал умное лицо, шеголял жаргоном электронщиков. А еще Березин обожал розыгрыши, начиная с относительно безобидных шуточек с использованием будильника и заканчивая более неприятными действиями. Вершиной Борькиного злоторчества явилась проделка с автомобилем заместителя декана по учебно-воспитательной работе. Однажды, выйдя вечером из здания факультета, этот не особенно любимый нами преподаватель не нашел своих «жигулей» на обычном месте. Загадочным образом его «шестерка» перенеслась на крышу сарайчика по соседству. Как мы впоследствии узнали, Борька с кучкой таких же сорвиголов с нашего курса, используя материалы с ближайшей стройки, подняли автомобиль чуть выше крыши сараюшки, подставляя под колеса по кирпичику за раз. Потом подложили доски, аккуратно вскрыли дверцу машины, сняли «жигули» с ручника, выставили на нейтралку и осторожно скатили на сарай. Затем снова поставили авто на ручной тормоз, заперли – и унесли кирпичи и доски обратно на стройплощадку. И все это они умудрились провернуть за пару часов. О том, как выглядело лицо замдекана при виде легковушки на крыше сарая, на факультете рассказывали еще долго.

А потом, на втором курсе, перед зимней сессией, совершенно неожиданно для нас, Березина отчислили. Он стал единственным известным мне студентом, покинувшим университет из-за несданного зачета по физкультуре. Как это ему удалось, Борька объяснял очень путано, каждый раз предлагая новую версию событий. Затем он еще целый семестр обретался в общежитии, не желая возвращаться в родной город. Закончилось это в начале лета, когда за Березиным приехала его матушка, строгая немногословная женщина.

Борьку увезли домой, а вскоре его призвали в армию. Оттрубив два года в стройбате, мой бывший одногруппник устроился на работу в милицию техническим специалистом. Неизвестно, как бы сложилась его жизнь, если бы однажды Березин не познакомился с юной энергичной студенткой Мариной. Они сошлись на почве общих увлечений – обоим нравилась бардовская песня вообще и Окуджава в частности. Вскоре Борька вернулся в Москву и поселился в маленькой квартире родителей своей молодой жены. А тесть устроил его на работу техником в научно-исследовательский институт. Полтора года интенсивного математического образования не прошли даром – они привили Березину

системный образ мыслей. Новый техник быстро влился в коллектив биологов и стал в нем незаменимым человеком. Нужно было спаять на скорую руку какую-нибудь электрическую схему или разобраться с компьютером – все обращались к Борьке. А он между делом знакомился с предметной областью. Сейчас Березин числился старшим научным сотрудником и по слухам, о которых он с удовольствием рассказывал, значился первым кандидатом на должность заведующего лабораторией. Так что его просьба о дынях для эксперимента, с одной стороны, удивила меня, но, с другой стороны, находилась приблизительно в русле исследований Борькиного института. Вполне возможно, что эти кавайонские дыни действительно могли попасть в поле зрения биологов. Впрочем, я не исключал вероятности розыгрыша со стороны бывшего одноклассника.

* * *

Мы с Галкой не фанаты футбола, но когда выяснилось, что есть возможность совместить летний отпуск с чемпионатом Европы, решили купить билеты на несколько матчей в Ницце и Марселе. Мотаться по всей Франции, чтобы посмотреть самые важные игры, мы не собирались, поэтому ограничились городами, расположенными относительно близко друг к другу. Сначала остановились в Марселе, в гостинице с замечательным видом на Старый порт.

До сих пор вздрагиваю, когда вспоминаю, как мы добирались от нашего отеля до стадиона. Ехать на метро мне не захотелось – ведь мы же в отпуске! – и я проголосовал возле гостиницы. К нам тут же подлетел автомобиль с пластиковым знаком на крыше. Водителем такси был молодой коротко стриженный араб. Он сразу же представился: «Дани», и предложил садиться. Когда я сообщил ему, что нужно ехать на «Велодром», он улыбнулся, показав белоснежные зубы, и сказал, что на набережной Ке-де-Рив-Нёв и проспекте Прадо жуткие пробки. Увидев мое кислое лицо, Дани изрек, что понимает нашу страсть к футболу, поэтому быстро довезет по объездной дороге. И тут у Галки появились какие-то смутные подозрения. Она шепнула мне, что ей все это не нравится, и она лучше бы добралась на метро. Но было уже поздно.

Дани рванул с места и направил машину в сторону моря. Его «Пежо» стремительно набирал скорость. Увидев, что я озабоченно гляжу на спидометр, таксист самодовольно заметил:

– Движок два и два, но я его форсировал. Теперь моя ласточка просто летает!

Когда автомобиль выскакивал на полосу встречного движения, чтобы обогнать впереди идущие машины, мы с Галкой только глубже вжимались в сиденье. А Дани, похоже, ловил блаженство от экстремальной езды. Тут до меня наконец-то дошло, что мы в Марселе, и местный водитель подражает герою комедий Люка Бессона. На экране это смотрелось весело, а вот в реальной жизни оказалось пугающим. Страшнее всего нам было, когда «Пежо» несся по узкой дороге, проходящей в расселине между двумя высокими скалами. Дани нагло подрезал двухэтажный автобус, а потом продемонстрировал элементы слалома, чудом не врезавшись в другие автомобили и в высокий каменный забор. Я уже просто закрыл глаза и судорожно пытался вспомнить «Отче наш». До «Велодрома» лихой араб домчал нас за десять минут, но за это время мы с женой уже успели попрощаться с жизнью. После такой поездки драматические перипетии матча Англия – Россия казались скучными, лишенными малейшего драйва.

Выйдя со стадиона, я в шутку предложил Галке: «Ну что? Поедем на такси?» – и получил коварнейший удар кончиками пальцев между ребер. Елейным голоском супруга произнесла:

– Мне и на метро будет хорошо.

* * *

Мы замечательно провели время в Марселе и вспомнили о Борькиной просьбе уже перед самым отъездом в Ниццу. Можно было попытаться найти эти разнесчастные дыни там, но решили не рисковать. Вместо того чтобы помогать Галке укладывать вещи, я помчался на рынок. Вызвал такси – по закону подлости мне снова попался Дани. Обреченно вздохнув, сел к этому безумцу и отдался на волю случая. Те пять минут, когда «Пежо» мчался по набережной Ке-де-Рив-Нёв, а потом по улице Ла Канебьер, я сидел зажмурившись, изо всех сил вцепившись в ручку на дверце автомобиля. А потом Дани похлопал меня по плечу:

– Рынок Ноай. Выходите – я вас подожду.

Я выполз из такси, на негнущихся ногах направился к ближайшему прилавку и выпалил продавцу, смуглому дедуле в мятых шортах и замызганной футболке:

– Melon de Cavaillon.

Дедуля показал на коробку, в которой лежали маленькие желто-серые дыньки с зелеными полосками. Визуально эти полоски делят плод на десять долек. Я отобрал три дыньки, потом подумал, оценив небольшие размеры, и добавил к ним еще четыре. Стоило это сущие копейки. Сложив плоды в пакет, вернулся к Дани. Тот рванул с места еще до того, как я закрыл

дверь автомобиля. Вновь пять минут жуткого страха – и вот мы уже возле гостиницы.

Когда я вошел в номер, Галка удивленно воскликнула:

– Ты чего это вернулся – кошелек забыл? – Но заметив в моих руках пакет с дынями, тут же все поняла. – Опять тебя этот псих возил?

Одну дыньку мы потом взрезали в Ницце. Не могу сказать, что она мне понравилась. Я люблю узбекские торпеды, ароматные, сочные, источающие сладкий нектар. А кавайонская дыня оказалась какой-то суховатой, на любителя. Так что мы с Галкой без малейших сожалений отложили шесть оставшихся полосатых плодов для Бориса.

* * *

Отпуск пролетел кометой, как будто его и не было. И вот мы с женой уже стоим в дверях нашей квартиры. Только погладили ликующего Рекса, танцующего вокруг нас на задних лапах, только успели вручить Дениске две коробки с новыми наборами «LEGO», как в дверь позвонили. Я посмотрел в глазок – Березин.

Он влетел в прихожую и тут же выпалил:

– Ну как? Привезли мне кавайонские дыни?

Отдал я ему плоды. Борька вцепился в них, как клещ, и побежал на улицу. В этом – весь Березин. Ни «здравствуйте», ни «спасибо», ни «до свидания». Я крикнул ему в окно:

– А когда расскажешь, зачем они тебе понадобились?

А Борька только рукой свободной махнул: дескать, не приставай со всякими глупостями, некогда.

* * *

В следующий раз я увидел Березина в конце лета, на дне рождения наших одноклассников. Так уж случилось, что родились они с разницей в два-три дня, поэтому и праздновали всегда вместе. И повод хороший для нашей компании, чтобы собраться.

Улучив момент, я припер Борьку к стенке в коридоре:

– Колись, вражина! Говори, зачем тебе дыни из Марселя понадобились.

– Ну, Ваня, не ругайся! Давай выйдем на свежий воздух, и я тебе все расскажу.

Мы присели на скамеечку у подъезда. День стоял славный – не жаркий, но и не холодный. Березин вынул из кармана потрепанную записную книжечку в кожаном переплете и начал читать:

– Александр Дюма, «Большой кулинарный словарь»: «Однажды я получил письмо от муниципального совета Кавайона, в котором говорилось, что создавая библиотеку и желая составить ее из

самых лучших книг, какие только удастся достать, муниципальный совет просит меня прислать им два или три моих романа, которые, с моей точки зрения, являются наилучшими. У меня есть дочь и сын. Я считаю, что люблю их одинаково. У меня есть пятьсот или шестьсот томов написанных произведений, и мне кажется, что я отношусь к ним примерно одинаково. Я ответил, что не автору судить о достоинствах своих книг. Что я нахожу все мои книги хорошими, а кавайонские дыни – великолепными и, следовательно, готов послать городу Кавайону полное собрание моих произведений, то есть четыреста или пятьсот томов, если муниципальный совет согласится проголосовать для меня за пожизненную ренту в виде двенадцати дынь.

Должен сказать, что муниципальный совет Кавайона обратной почтой ответил мне, что моя просьба удовлетворена единогласно и что я буду иметь эту пожизненную ренту – она единственная, какая у меня, по всей вероятности, когда-нибудь будет.

Я получаю эту ренту вот уже лет двенадцать и должен сказать, что она ни разу не задержалась в сезон, когда созревают кавайонские дыни, которые поспевают несколько позже других. Не знаю, настолько ли муниципальный совет Кавайона любезен, чтобы выбирать и посылать мне дыни, которые он считает лучшими, но никогда я не ел ничего более свежего, сочного и вкусного, чем дыни из моей ренты. Так что я могу выразить лишь одно пожелание: чтобы мои книги всегда были столь же приятны для жителей Кавайона, как приятны для меня их дыни. Здесь мне предоставляется возможность выразить признательность моим добрым друзьям из Кавайона и одновременно объявить всей Европе, что их дыни – лучшие из тех, какие я когда-нибудь ел».

Борька многозначительно посмотрел на меня. Я пару раз моргнул и сказал:

– Ну, не знаю. Мы с Галкой попробовали эти дыни – ничего особенного. Как говорится, на вкус и цвет... А при чем тут Александр Дюма и как он связан с твоими экспериментами?

– Ты знаешь, что Дюма-отец обладал феноменальной работоспособностью? За свою жизнь он написал несколько сотен книг. Кто-то называл число шестьсот сорок шесть, хотя я в этом и не уверен. Но все равно получается в среднем по книге в месяц. Куприн писал, что Дюма мог работать сколько угодно часов в сутки, от самого раннего утра до самой поздней ночи, а иногда и больше. Понимаешь? Так вот, увидев эту статью из «Большого кулинарного словаря», я почувствовал, что она появилась неспроста. Вот ты стал бы с кого-то требовать дюжину дынь ежегодно?

– Я – нет, а вот насчет тебя – не уверен.

– Не ерничай. Вот я и подумал, что великий романист не просто так налегал на эти дыни из Кавайона. Он ел их для повышения работоспособности. И ведь помогало! Я начал наводить справки – и нашел другие интересные факты. Вот ты знаешь такое слово: «канталупа»?

Я ответил, что никогда не слышал его и не имею ни малейшего представления о том, что оно может означать. А Березин, оседлав любимую лошадку, продолжал:

– Это такой сорт дынь. Их завезли с Ближнего Востока во время крестовых походов. По легенде, монахи угостили ими римского папу, и тот признал эти дыни изысканнейшим десертом. По приказу великого понтифика семена были отправлены в имение Канталупо-ин-Сабина, где устроили бахчу. Отсюда и название сорта. Попытка оказалась удачной – с тех пор канталупы стали выращивать в Западной Европе. А потом папы переселяются в Авиньон. Жак д'Юэз, французский кардинал, отведав канталуп, добывает семена и отправляет своего слугу в Кавайон, городок в Провансе. Слуга купил небольшой домик, землю и начал выращивать на ней эти дыни. Через несколько лет, когда Жак д'Юэз стал римским папой Иоанном Двадцать Вторым, к его столу регулярно поступали дыни из Кавайона. А надо сказать, что этот понтифик отличался завидным здоровьем и отличной работоспособностью. Ему хватало трех часов сна, остальное время он посвящал делам и довольно энергично совал свой нос во все европейские дела. Иоанн Двадцать Второй умер в возрасте девяноста лет, а его понтификат был самым длинным в четырнадцатом веке. Понимаешь, к чему я клоню?

– Ты хочешь сказать, что Дюма и этот папа особенно налегали на дыни из Кавайона и поэтому работали за троих?

– Именно! Говорят, что Павел Третий и Григорий Тринадцатый тоже знали про секрет кавайонских дынь, но никаких документальных подтверждений, заслуживающих доверия, я не нашел.

– Ну а что за эксперимент ты собирался провести?

– Понимаешь, наша лаборатория сейчас занимается пептидами, а точнее – нейропептидами. Это такие соединения, которые синтезируются в нейронах и обладают сигнальными свойствами. Среди всего прочего, они влияют на центральную нервную систему и могут стимулировать высшую нервную деятельность. Так вот, некоторые вещества способны усиливать синтез нейропептидов. При оптимальном сочетании, такое воздействие могут оказывать омега-ненасыщенные жирные кислоты и фолиевая кислота.

– А при чем здесь дыни?

– А при том, мой дорогой Фома Неверующий, что, по некоторым данным, именно в кавайонских дынях названные мною

компоненты находятся в таких пропорциях, что могут стимулировать синтез нейропептидов! Вот я и задумал эксперимент над студентами. Буду подкармливать одних твоими дынями, других – смесью нужных кислот в тех же пропорциях, а третья группа будет контрольной. Потом проверим их работоспособность и количество нейропептидов в организме. Уже все готово – на днях начинаем.

Борька сиял, как начищенный самовар, а я все раздумывал, глядя в его счастливое одухотворенное лицо, говорит ли Березин серьезно или же загадка кавайонских дынь придумана бывшим однокурсником, чтобы меня разыграть...

Когда мы вернулись к друзьям, все уже расселись за столом. Началось празднество. Сначала пили за именинников, всех вместе и каждого в отдельности, потом, постепенно, в разных концах стола разгорелись дискуссии. Пашка с Женькой, как всегда, обсуждали, «что же будет с Родиной и с нами», Димыч трепался про НЛО и «Зону 51», а Валерка в своей излюбленной манере умудрялся встревать с ехидными замечаниями сразу во все разговоры. Больше всего досталось «летающим тарелкам». Потом мы несколько раз сыграли в «Мафию». В тот вечер одним из мафиози постоянно оказывался Борька, что вызывало бурную реакцию остальных. В конце концов Березин поругался с Женькой, да так крепко, что нам пришлось их разнимать.

* * *

Домой мы с Галкой вернулись за полночь и тут же легли спать. Мне приснился странный сон, в котором я парил над речной долиной; на востоке и юго-западе виднелись небольшие горы. Вот на глаза попало поселение с каменными и деревянными домиками, обнесенное валом и обведенное рвом. С двух сторон к нему примыкали полосы полей. Вдруг в небе над поселком появился серебристый диск с огнями. Сначала он казался маленьким, чуть больше птицы, но по мере того как диск снижался, размеры его все увеличивались и увеличивались. Когда мне стало ясно, что это просто жуткая махина, что-то полыхнуло, а затем раздался чудовищный взрыв. Диск разлетелся мельчайшей светло-серой пылью, дождем просыпавшейся на поля. Позже я увидел, как черные пашни отодвинулись от того места, где падал инородный порошок. Спустя большой промежуток времени появился некий человек – он копошился на пустоши, где почва имела сероватый оттенок. И вскоре пустошь зазеленела, а потом к ней потянулись крошечные повозки, запряженные какими-то животными. Двухолки, как по мановению волшебной палочки, наполнялись едва заметными желто-серыми шариками с зелеными полосками.

Только я захотел воскликнуть: «Вот оно что!», как поселение в речной долине и поля исчезли, а их место заняла лужайка на опушке леса. По зеленой траве нервно вышагивали две группки людей. Затем от каждой отделился один человек. Эти двое вышли в центр лужайки и остановились друг напротив друга. Один, очень высокий смуглый полноватый мужчина с голубыми глазами и вьющимися каштановыми волосами, был облачен в черный сюртук, из-под которого выглядывал мешковатый смокинг. Смуглый гигант бесстрашно и чуть насмешливо смотрел на своего визави. А тот, маленький и хилый, с бледным сморщенным лицом, злобно таранился снизу вверх подслеповатыми глазами. Голову его венчала высокая закругленная шапка, на плечах, поверх свободного белого одеяния, лежала короткая красная накидка с капюшоном, атрибут церковного иерарха.

– Вы готовы решить дело миром? – раздался чей-то голос.

Оба противника энергично выразили свое несогласие.

– Разойдитесь на десять шагов от барьера.

Медленно, враждебно поглядывая на соперника, Давид и Голиаф отошли друг от друга.

– Дыни!

К каждому дуэлянту подбежал секундант, держа на подносе разрезанную на десять ломтиков кавайонскую дыню.

– Начинай!

Смуглый мужчина быстро съел все ломтики со своего подноса и сделал шаг вперед. Церковный иерарх вкушал не торопясь, с видимым удовольствием. Справившись с последней долькой, он достал откуда-то белоснежный платок, вытер им пальцы и тоже шагнул к барьеру.

Главный секундант опять закричал: «Дыни!» – и его помощники поднесли дуэлянтам по новому подносу.

Я удивился такой странной дуэли, а потом увидел фигуру, крадущуюся по опушке леса. Присмотревшись, разглядел Борьку Березина. А он-то как здесь очутился? Борька, оглядываясь, пробиравшись к большой корзине с кавайонскими дынями, притороченной к одному из экипажей. Вот Березин тенью проскользнул за спинами секундантов, вот он склонился над плетенкой. Но тут над лужайкой раздался колокольный звон и все громко закричали...

* * *

– Ваня! Телефон звонит, возьми трубку! – укоризненно произнесла Галка, а Рекс глухо зарычал.

Я открыл глаза и попытался прийти в себя после странного сна. Потом потянулся к телефону.

– Ваню, слушай, а ты больше в Марсель не поедешь? – жалобно затараторил знакомый голос.

– Блин! Какой debil звонит посреди ночи?

– Это я, Боря. Слушай, у меня тут проблемы в лаборатории. Ты еще раз в Марсель не планируешь?

– Березин! Ты – сволочь! Еще раз меня разбудишь, я не знаю, что с тобой сделаю! И в Марсель я больше не собираюсь ехать!

– В ярости я бросил трубку и откинулся на подушку.

А Галка насмешливо произнесла:

– Не торопись засыпать – сейчас он снова позвонит.

И точно – через три секунды мне снова пришлось брать трубку.

– А у тебя никто из знакомых туда не поедет? – жалобно спросил Борька.

– Нет, не поедет. Неужели тебе дынь не хватило?

– Да ты не представляешь, какая беда приключилась! Утром эксперимент нужно начинать – а мне аспирант свинью подложил, зараза такая. Он в эти выходные, пока в лаборатории никого не было, девиц туда водил, Казанова марьинский. И, похоже, они там отрывались по полной. Пили, как сапожники, а закуси с собой взять ума не хватило. А дыни, которые ты мне привез и которые для эксперимента оставались, они как раз в лаборатории и хранились. Так этот Дон Жуан и его донны всё сожрали! Подчистую! Ни одной кавайонской дыни не осталось! А сейчас он протрезвел, понял, что натворил, и сразу мне позвонил, поганец такой. Прибью гада! На препараты покрошу! – осатаневший Березин просто ревел в трубку. А потом утих и жалобно спросил в очередной раз: – Так ты в Марсель в ближайшее время не поедешь?

– Нет.

– И никто из твоих знакомых туда не собирается?

– Нет.

– Ну, значит, мне кранты, – резюмировал Борька и, не прощаясь, положил трубку.

Я посмотрел на жену. Лицо Галки тронула легкая улыбка:

– Что, не судьба Березину стать завлабом?

– Похоже на то. Видимо, не дано ему разгадать тайну кавайонских дынь!

* * *

Прошел почти год. Вся история с дынями и Бориным экспериментом начала уже забываться, вытесняемая суровой прозой жизни. Рекс на прогулке порезал лапу, да так сильно, что пришлось вести терьера к ветеринару и зашивать раненую конечность. Заживало долго, почти месяц, опровергая известную поговорку. Дениска увлекся «Вархаммером» и теперь проводил

вечера за чтением кодексов и изучением тактических параметров юнитов этой игры.

Как-то вечером, с трудом согнав сына с компьютера, я уселся в кресло, чтобы поискать новые сериалы, и тут Галка принесла мне телефонную трубку.

– Догадаешься, кто?

Я лишь неопределенно пожал плечами, поскольку думал о другом. Супруга, плотоядно улыбаясь, приставила мне трубку к уху и стремительно удалилась.

– Ваню! – гаркнул в ухо какой-то до боли знакомый голос. – Ты телевизор смотришь?

– Не имею такой привычки! – обиженно ответил я, а потом на всякий случай осведомился: – А с кем я говорю?

– Это я, Боря. Не узнал? Галка мне не сказала, что ты спишь. Давай, продирай глаза и включай седьмой канал.

– Зачем?

– Увидишь!

По седьмому каналу шла передача «В мире ученых». Ведущий, коротко стриженный верзила с удивленным детским личиком, увлеченно разговаривал с каким-то головастиком в очках. Беседа шла на кухне типовой квартиры, на экране телевизора можно было различить электрическую плиту и окно с деревянным подоконником, крашенным белой эмалью.

– И кого я тут должен увидеть? – недовольно спросил я.

– Смотри на глисту в очках. Это мой бывший аспирант, тот самый, который заперол мне эксперимент. Видишь эту мерзкую рожу?

– А по какому поводу его по седьмому каналу показывают?

Тут, как будто специально для того, чтобы ответить на мой вопрос, внизу экрана показалась «бегущая строка». Там сообщалось, что передача «В мире ученых» находится в гостях у Сергея Никитовича Гермеляна, самого молодого члена-корреспондента РАН. И далее указывался возраст головастика – двадцать три года.

– Боря, а ты не жалеешь, что потерял такого перспективного аспиранта?

– Да не был он перспективным! Обычная посредственность, каких пруд пруди в любом институте. Да он даже сообразительностью не отличался...

Боря еще продолжал свой возмущенный спич, когда камера показала самого молодого члена-корреспондента РАН на фоне окна. И тут я увидел на подоконнике знакомые желто-серые плоды с зелеными полосками...

НА ОСТРИЕ ИГЛЫ

Заканчивался тринадцатый век. Крестоносцев изгнали из Палестины неверные, а в Малой Азии зарождалась новая сила, с которой вскоре пришлось считаться всем христианским владыкам. Португальцы освободили свою страну от мавров и договорились с кастильцами о границах. Шотландцы воевали с англичанами за независимость. Король Франции Филипп IV захватил Фландрию и попытался отнять у англичан Гиень. Затем он запретил вывоз из страны золота и серебра, чем вызвал к себе лютую ненависть со стороны папы римского. Бонифаций VIII, чтобы поправить свое финансовое положение, решил отметить юбилейный год. Генуэзец Франческо Гримальди под покровом ночи захватил крепость на скале Монако, в то время как сама Генуэзская республика воевала с Республикой Святого Марка. В битве при Курцоле адмирал Дориа потопил шестьдесят пять венецианских кораблей и захватил семь тысяч вражеских моряков. В числе пленных оказался капитан боевой галеры Марко Поло, который в генуэзской тюрьме начал диктовать истории о своих путешествиях другому заключенному, пизанцу Рустикелло. А сицилийский король Карл II Анжуйский безуспешно пытался вернуть себе Сицилию. Остров отпал от королевства после народного восстания, случившегося на Пасху в 1282 году, и отдался под власть арагонцев. При попытке отвоевать Сицилию в плен попал сын Карла Филипп, принц Таранто и князь Албании. По приказу короля на Амальфийском побережье заложили новые боевые галеры. Снаряжать их должен был местный Арсенал при поддержке гильдии купцов во главе с Доменико ди Амальфи. Сей почтенный негодник прославился тем, что выписал из Неаполитанского университета глоссатора Орнаро, ученика самого Аккурсия, и тот записал на побережье сорок пять пунктов морских и портовых правил, завершив тем самым Амальфитанские таблицы...

* * *

– Флавио! Хватит уже пялиться на залив! Очнись, красавец! Хватайся за сеть, не то, клянусь мощами святого Андрея, я больше никогда не выйду в море с тобой!

– Эх, Сильвио! Посмотри, какой сегодня красивый рассвет! Сильвио, неужели тебе не нравится, как солнце подсвечивает эти облака, как веером разбегаются волшебные лучи? Смотри – небо наливается золотом, и гигантский яркий диск выплывает из-за горизонта...

– Предпочитаю, чтобы золотом наливался мой кошелек, и туда попало множество карлино с Девой Марией и архангелом

Гавриилом. Но если ты и дальше будешь любоваться небесами, мы не получим сегодня ни единого пикколо.

Флавио тяжело вздохнул, но тут же взялся за сеть. Брат был прав, тысячу раз прав. Как говорил кто-то из великих, каждому делу – свое время. Рассвет, конечно же, прекрасен, но рыба ждать не станет.

Снасть поддавалась тяжело – видимо, с уловом в этот раз все складывалось удачно. Вокруг лодки, беспокойно крича, летали чайки. Наглые птицы собирались поживиться свежей рыбкой. Наиболее смелые сидели на воде возле самой лодки и пялились на братьев черными блестящими глазами-бусинками. Подтянув сеть к планширу, братья поднатужились и вывалили улов между банками.

– Ого! Смотри, кто нам сегодня попался! – Сильвио показал на длинную веретенообразную рыбу с большой головой, темно-синей спиной и серебристым животом. – Это же голубой тунец! За него можно получить не меньше дюжины сольдо!

Бережно уложив трепещущегося тунца в самую большую корзину, братья рассортировали остальной улов. Крупных сардин закинули в одну плетенку, мелких – в другую. Затем прибрали лавраков, зубанов и луфарей.

– Ставим парус, Флавио! Идем в Амальфи.

Годы расцвета морской республики остались далеко позади, но вид на славный город с моря не мог никого оставить равнодушным. Горы, местами поросшие лесом, громоздились, как спины исполинских драконов, опустивших хвосты в лазурную воду. Между двумя горбатыми каменными тушами примостились белоснежные домики с черепичными крышами, лепящиеся друг к дружке и карабкающиеся на склоны, где только возможно. На верхушках горных отрогов, примыкающих к городу, высились сторожевые башни из темно-серого камня. Внизу, у самого берега, тянулись склады и приземистые постройки амальфийского Арсенала. А перед ними стояли на рейде корабли. Тут были и высокобортные нефы с похожими на башни надстройками на носу и корме, и разнообразные галеры с поднятыми вверх длинными веслами и невысокими мачтами, к которым крепились длинные наклонные рю. Нашелся даже массивный византийский дромон с развешивающимся на топе красным вымпелом с желтым крестом.

Сильвио мастерски провел лодку между кораблями и причалил к рыбной пристани. Оставалось выгрузить корзины и поднести их к свободному прилавку. Затем братья в два голоса начали расхваливать свой товар. Можно выловить самую лучшую рыбу залива, но если не сообщить об этом во всеуслышание – покупателей не дождешься! Вскоре к их прилавку подошла дородная женщина в

высоко подпоясанном зеленом платье. Темные волосы покупательницы были прикрыты светлым платком в знак замужества. С важным видом заглянув в каждую корзину, женщина заявила:

– Возьму все, если поможете мне донести до дома.

– А сколько заплатите, почтенная донна? – осведомился Сильвио.

– Не обижу, – коротко ответила она.

Братья переглянулись, и Флавио пожал плечами. Сильвио вздохнул и с сомнением в голосе спросил:

– А далеко идти?

– От собора вверх по улице три дюжины шагов. Таким молодцам, как вы – в два счета обернуться. А то смотрите – пойду к другим рыбакам, поищу кого-нибудь поговорчивее...

Угроза подействовала. Прицепив корзины к двум длинным жердям, братья взвалили ношу на плечи и направились за женщиной. Выйдя за линию портовых сооружений, они зашагали по утоптанной тысячами ног земле. На Соборной площади уже кипела жизнь. Крестьяне, привезшие в город свежие овощи и фрукты, раскладывали свой товар на прилавках. Страстно переругивались две женщины, не поделившие место на рынке. По главной улице одна за другой шли в порт повозки со строевым лесом, двуколки, груженные лимонами с плантаций за городом или коробками со знаменитой амальфитанской бумагой.

Обогнув недавно построенную колокольню собора, покупательница свернула направо и начала подниматься на пригорок. Сильвио и Флавио, пыхтя, последовали за ней. Вскоре они уже взбирались по ступенькам солидного трехэтажного дома.

– А теперь – вниз! – скомандовала женщина.

Все трое прошли по коридору, и попали в просторную кухню. Свет в нее проникал через маленькие окна под самым потолком.

– Высыпайте рыбу в корзины на столе!

Потом женщина достала из рукава потрепанный кошелек, отсчитала двадцать сольдо и вручила Сильвио.

– Маловато будет! – возмутился парень. – Клянусь мощами святого Андрея, я за одного тунца получил бы больше!

– Эти сказки будешь рассказывать своей бабушке, красавчик! – огрызнулась женщина, но добавила две серебряные монеты. – Могу вам еще налить по стаканчику белого из монастыря святого Антония.

Вино было прохладным и прекрасно утоляло жажду. Когда Флавио допивал последние капли, на кухню вбежала девушка, стройная, как лань, и гибкая, как пантера. Лучик солнца из окна осветил очаровательное личико, от чего оно стало похожим на образ Мадонны с иконы.

– Джулия! А что ты сегодня приготовишь на обед?
Заметив парней, кареглазая прелестница вдруг засмушалась, зарделась и рванула обратно.

– Кто эта прекрасная синьорина? – выпалил Флавио.

– Анжела, дочь господина Доменико, – с нежностью ответила Джулия. Потом строго посмотрела на братьев: – Допили вино? Деньги получили? Большое вам спасибо, что помогли, а теперь будьте любезны, ступайте по своим делам. Мне еще готовить на все семейство, – и она выставила парней в коридор.

Отходя от дома синьора Доменико, Флавио оглянулся. Ему показалось, что в одном из окон он увидел очаровательную голловку Анжелы, но брат уже тянул его за руку:

– Всё, хватит пялиться. Нам еще до Конки доплыть.

Спускаясь с пригорка, они повернули не в ту сторону и в результате вышли не на главную улицу Амальфи, а в переулок за бумажной фабрикой Чимино. Там, в тихом тенистом уголке за аркадами, трое мужчин с самыми бандитскими физиономиями обступили почтенного седовласого господина, не давая ему выйти на улицу.

– Смотри, Сильвио! Похоже, они собираются ограбить этого синьора. Неправильно это, клянусь святым Януарием! Давай вмешаемся!

Отбросив корзины и перехватив жерди половчее, парни направились к аркадам.

На ходу Флавио крикнул:

– А Бернардо сейчас будет здесь со стражниками!

Увидев братьев, уверенно держащих в руках длинные палки, бандиты моментально поняли, что ситуация изменилась, и если что – драться придется не с пожилым человеком трое на одного, а в гораздо менее выгодных условиях. Неприятные мужчины переглянулись и начали пятиться вдоль стен, а потом и вовсе разбежались.

– Почтенный синьор, вы не пострадали? – осведомился Сильвио.

– Нет, добрый юноша. Вы с другом появились вовремя, как будто вас направил сам апостол Андрей. Надо будет поставить свечку в соборе перед его образом и помолиться о моем чудесном спасении. Могу ли я узнать, как зовут вас, отважные молодые люди?

– Я Сильвио Джойя, рыбак и сын рыбака из Конки. А это мой брат Флавио.

– Очень рад нашему знакомству. Меня зовут Паоло Камуччи. Я механик, гравер и ювелир милостью божьей. Сегодня утром меня вызвали на бумажную фабрику посмотреть привод с водного

колеса на измельчители, который якобы сломался. Я пришел, но на фабрике никаких поломок не было, и фабричный старшина поклялся мощами святого Андрея, что никого за мной не посылал. А на обратном пути меня ждали эти трое...

– Наверное, это не просто бандиты.

– Думаю, что вы правы, проникательный юноша. Недавно я рассчитал своего помощника, потому что он стал подворовывать. Наверняка тут замешан этот ушлый малый. Видели бы вы, как он смотрел на меня, когда я выставил его из мастерской. Кстати, молодые люди, а вы не желаете пойти ко мне в ученики? Я вижу, что у вас обоих умные глаза и сильные руки. Думаю, что из вас могли бы получиться неплохие мастера.

– Благодарю покорно, синьор Паоло, но я привык уже к жизни рыбака, и мне тяжело будет от нее отказаться. А вот брат мой Флавио имеет склонность к размышлениям, любит и ценит красоту. Да и грамота далась ему лучше, чем мне. Если кому и пойти к вам в ученики, так только ему. Что скажешь, Флавио?

– Любезный синьор! Я почту за великую честь сделатья вашим учеником. Но мы живем в Конке, и добираться в Амальфи каждый день мне будет затруднительно. Найдется ли у вас уголок, в котором я мог бы ночевать?

– Конечно же! Вы сможете с удобством расположиться в каморке прежнего моего помощника.

* * *

Так Флавио сделался учеником ювелира. С рассвета до заката он помогал синьору Камуччи в его трудах и постепенно знакомился с благородным ремеслом. А вечерами, когда глаза старого Паоло уставали после дневных трудов, механик и ювелир рассказывал своему новому помощнику какие-нибудь истории из своей долгой жизни. А Камуччи повидал немало: он объездил все Сицилийское королевство и земли Святого Престола, бывал и в имперских городах, и во Франции.

Однажды мастер Паоло попросил Флавио отнести готовый заказ в собор отцу Амвросию. Над тяжелым серебряным потиром с восьмиугольной ножкой, украшенным прихотливой резьбой и зернью, инкрустированным драгоценными камнями, ювелир работал больше месяца. Когда юноша отдавал священный сосуд клирику, тот внимательно посмотрел на Флавио и спросил, умеет ли он читать. Услышав утвердительный ответ, отец Амвросий разразился пространными речами о славе господней, кознях дьявольских, спасении и о том, сколько ангелов может поместиться на кончике иглы. Под конец он предложил Флавио подумать о духовной карьере.

Смутившись, юноша ответил неопределенно и постарался как можно скорее покинуть церковь. Богословие никогда не интересовало его, но обидеть священника тоже не хотелось. Затем Флавио сбежал по ступенькам и помчался в порт, чтобы вдохнуть полной грудью морского воздуха. Юноша попытался представить себе ангельское воинство во главе с самим архангелом Михаилом на острие маленькой швейной иголки, и у него с непривычки закружилась голова.

Придя в себя, он вдруг увидел на главном причале Анжелу, дочь господина Доменико. Ее длинное бежевое платье с узкой полосой золотого шитья по верхнему краю развевалось на ветру. Широкие висячие рукава не мешали любоваться нежными изящными руками. Темные волосы Анжелы были уложены в прихотливую прическу из сплетенных кос, удерживаемых гребнем слоновой кости.

У Флавио перехватило дыхание от избытка чувств. Он, не понимая, что делает, бросился к девушке со всех ног и, не добежав до нее несколько шагов, остановился, цепenea от внезапно нахлынувшей робости.

Анжела взглянула на юношу и насмешливо произнесла:

– Вы так бежали ко мне, юный синьор, как гончая по следу, но остановились, будто пораженный молнией. Неужели я вас так напугала, что вы забыли про лань, которую преследовали?

– Что вы, прекрасная синьорина! Вы так обворожительны, что у меня от восхищения захватило дух! А еще мне понадобилось прикрыть руками глаза, чтобы не потерять зрение от вашей ослепительной красоты!

– Да вы не охотник, а коварный искуситель, пытающийся смутить неопытную девушку льстивыми речами! Как вам не стыдно, молодой синьор!

– О прелестная Анжела! Простите меня за дерзкие речи, я вовсе не хотел вас смутить, но от лицемерия ваших чудесных глаз я совсем потерял голову!

– Вы знаете, как меня зовут?

– Я видел вас в вашем доме, когда вместе с братом заносил кухарке рыбу.

– Так это были вы? Значит, вы простой рыбак?

– Да, я сын рыбака. Но сейчас я ученик мастера Паоло Камуччи. Если мне достанет мудрости и старания, я смогу стать ювелиром.

– Ювелир звучит лучше, чем рыбак.

Тут над самым ухом Флавио раздался строгий голос:

– С кем это ты тут любезничаешь, Анжела?

Юноша оглянулся и увидел высокого мощного господина в бархатной шапочке. На плечи гиганта был наброшен темный плащ

с широкими рукавами. Флавио подумал, что такой плащ больше похож на судейскую мантию. На шее пышущего здоровьем синьора висела массивная золотая цепь.

– Батюшка, это новый ученик мастера Паоло Камуччи. Он сражен моей красотой и готов стать моим верным поклонником.

Гигант смерил юношу тяжелым взглядом и подозрительно спросил:

– Как тебя зовут, парень, и откуда ты родом?

– Флавио Джойя из Конка-дей-Марини.

– Из Конки? Наверняка, ты сын рыбака, который захотел пробиться в люди! Знай же, ученик ювелира, что я отдам руку своей дочери только человеку благородного звания, в кошельке у которого будет много золотых карлино. Анжела привыкла жить в достатке, и я никому не позволю ввергнуть ее в нищету, клянусь мощами святого Андрея! Ты это понял, Флавио Джойя?

– Да, синьор Доменико.

– Я тебя больше не задерживаю.

Когда Флавио вернулся в мастерскую, ювелир выбрал его за долгое отсутствие. Пришлось юноше рассказать о встрече с отцом Амвросием.

Камуччи выслушал своего ученика с интересом и тихо рассмеялся:

– Значит, этот старый казуист уже попытался переманить тебя? Что скажешь, Флавио? Прельстила тебя духовная карьера?

– Нет, мастер Паоло. Это не для меня. К тому же священникам нельзя жениться.

– Ну да, такому красавцу, как ты, наверняка уже приглянулась какая-нибудь девушка. Я прав?

Флавио чуть смутился, но потом собрался с духом и ответил:

– Мне кажется, что я влюбился в синьорину Анжелу, дочь синьора Доменико.

– Дочь синьора Доменико? Эх тебя угораздило, Флавио! Со-мневаюсь, чтобы этот почтенный негодник согласился выдать свою дочь за тебя.

– Он сказал мне, что отдаст руку Анжелы только богатому дворянину.

– Тебе можно только посочувствовать.

Ночью юноше приснилась Анжела. Девушка что-то шила золотыми нитками, а на кончике ее иглы плясали серафимы и херувимы. Флавио сначала не мог понять, как они там помещаются, но потом разглядел, что ангелы раскачиваются на едва заметной доске, прикрепленной к острию иглы. Доска раскачивалась и крутилась, а Анжела загадочно улыбалась...

* * *

Однажды старый ювелир принес в мастерскую какой-то странный прибор. Плоский бронзовый диск, испещренный множеством знаков, символов и линий, имел в верхней части ушко, ныне обломанное, и планку, вращающуюся вокруг стержня в центре. На концах планки были приделаны пластины с отверстиями.

– Что это? – спросил Флавио.

– Это астроябля. Прибор сей придумали нечестивые сарацинские мудрецы, дабы галеры неверных могли находить путь в открытом море на погибель христианам. Но наши моряки выпытали секрет астроябляии у пленных сарацин, и теперь этот прибор служит во славу Иисуса Христа.

– А откуда она у вас?

– Капитан Джованни Ланца попросил ее починить. Вот мы с тобой сейчас этим и займемся. Готовь тигель. Нужно будет сделать новое ушко для этой астроябляии, а потом припаять его. Знай же, что нам потребуется правильный припой. Для него необходимо взять одну часть меди и две части серебра...

Когда с починкой астроябляии было покончено, мастер Паоло внимательно осмотрел место спайки и остался доволен результатом.

Утром Флавио понес отремонтированный прибор в порт и нашел на берегу таверну «Дельфин». Поднявшись по скрипучей деревянной лестнице на второй этаж, юноша постучал в дверь «капитанской» комнаты. Оттуда раздались ругательства, потом грубый голос предложил войти.

Худой загорелый мужчина в мятой камизе и широких брэ неопределенного цвета сидел, склонившись над столом, на котором стояли плошки с водой, лежали кусочки дерева и пробки, иголки, пара странных предметов из железа и черный камень размером с ладонь. Не поднимая головы, мужчина гаркнул:

– Мария, ставь вино на стол и проваливай! Я занят!

– Вы капитан Джованни Ланца? – нерешительно осведомился Флавио.

Мужчина поднял голову и пронзил юношу колючим взглядом.

– А ты кто такой?

– Я от ювелира Паоло Камуччи, принес вам астроябляию. Вот, можете посмотреть: мы припаяли к ней новое ушко. Теперь будет служить вам не хуже, чем раньше!

Темные глаза капитана чуть потеплели. Он взял в руки прибор, внимательно осмотрел его со всех сторон и положил перед собой.

– Ну что же, этот Камуччи действительно знает свое дело. Я не зря отдал ему целый карлино. На тебе сольдо за труды, юноша, – и Ланца снова склонился над столом, считая разговор оконченным.

Но Флавио уже заинтересовался теми предметами, что лежали перед капитаном, поэтому он набрался мужества и спросил:

– Простите, сеньор Джованни, а что это за диковинные приборы вы изучаете?

Ланца приподнял голову, и по вспыхнувшим глазам можно было заключить, что он очень хочет выругаться. Но капитан, сделав видимое усилие, сдержался и произнес спокойным голосом:

– Это каламиты разного вида. Ты слышал о них?

– Нет, сеньор капитан.

– Но в море же ты бывал?

– Да, сеньор Джованни. Я сын рыбака и сам ходил в море до тех пор, пока мастер Паоло не сделал меня своим помощником.

– Тогда представь себе, что твой корабль попал в густой туман, и нет никакой возможности увидеть солнце или звезды. Как ты тогда определишь направление? Как сможешь не налететь на прибрежные скалы?

– Ну, не знаю. Нужно помолиться святому Николаю?

– Вот же bestолочь! Молиться он будет! Да святому Николаю других дел нет, кроме как водить тебя по морю! Для таких-то случаяев и нужна каламита! – Ланца потер иголку о черный камень, воткнул ее в кусочек пробки и осторожно опустил в плошку с водой. – Смотри!

Иголка немножко покрутилась в воде, а потом остановилась. Капитан отклонял ее пальцем, но через некоторое время упрямый предмет возвращался к своему первоначальному положению.

– Она указывает направление на Полярную звезду. Зная это, ты сможешь привести корабль в нужное место, даже если не видишь ни берега, ни солнца, ни звезд.

Флавио, раскрыв рот, смотрел на иголку в плошке. Это было настоящим чудом!

Вернувшись в мастерскую, он рассказал об увиденном старому ювелиру. Тот покивал в ответ:

– Да, я слышал о каламитах. Иногда это иголка, которую нужно потереть о черный камень, воткнуть в пробку и опустить на воду. Можно даже использовать обычные портняжные ножницы, чтобы подготовить иглу. Но некоторые делают стрелку из особого железа из Магнезии или полую рыбку из этого редкого материала. Если такую рыбку опустить в воду, то она, успокоившись, всегда будет указывать на Полярную звезду. Всё это чудеса, дарованные нам господом Иисусом, но они хороши только на берегу. В море, когда корабль качает, особенно в шторм, от этих заморских игрушек мало толку...

Через пару дней ювелир отправил Флавио на рынок купить провизии и разных мелочей в мастерскую. Пройдя по рядам, юноша уже приметил, у кого что брать, но тут его внимание привлекла суматоха у соседнего прохода. Раздался грохот, прозвучало громкое ослиное ржание, а потом все люди вдруг бросились бежать в разные стороны. Проход между прилавками в один миг опустел. Флавио с ужасом заметил, как передние конечности большого сардинского осла взметнулись над головкой упавшего ребенка и, не раздумывая ни мгновения, рванулся к малышу. Время как будто замерло. В отчаянном прыжке юноша успел выхватить дитя из-под копыт взбесившегося животного буквально за миг до рокового момента. Падая на спину, Флавио бережно прижимал к груди спасенного мальчонку. А рядом бесновался осел, которому, наверное, что-то острое попало под хвост.

Потом, конечно же, животное успокоили и увели с рынка. Нашлась и мать ребенка. Рыдая, она приняла сына из рук Флавио и долго горячо благодарила юношу. Затем подошел рыночный голова, одобрительно похлопал парня по плечу и назвал героем. Его примеру последовали соседние торговцы.

Устав от многочисленных похвал, Флавио отошел в сторону, и тут заметил Анжелу. Девушка смотрела на него с восторгом и обожанием. В ее карих глазах юноша увидел столько симпатии и доброжелательности, что даже немного смутился. Но когда он наконец решился подойти поближе, Анжела уже исчезла...

На следующий день, когда Флавио возвращался в мастерскую после встречи с очередным клиентом, его нагнала Джулия, дородная кухарка синьора Доменико, и вложила в ладонь сложенный вчетверо листок бумаги.

– Что это? – спросил юноша.

– Молчи, несчастный! – зашипела женщина. – Зайди в укромное место и раскрывай только там, где никто не сможет увидеть тебя.

Вернувшись в дом ювелира, Флавио забился в свою каморку, закрыл дверь и достал листок. От бумаги пахло розовым маслом. Развернув листок, юноша увидел строчки, аккуратно выведенные искусной рукой:

*Кто ведать мог, что сердцу тихий стон
в себе несет мучение такое,
что слезы из очей текут рекою
и гибель вождедена, как блаженство?
Но не найти душе моей покоя
с тех пор, как я синьором пленена*

*и мне Амур шепнул: «Обречена.
Его необоримо совершенство»*.*

Под стихотворением была начертана буква «А», украшенная затейливыми завитушками. Еще ниже стояла приписка: «Подателю сего можно доверять так же, как и автору».

Сердце Флавио забилося с бешеной скоростью. Это письмо от Анжелы. Значит, он ей не безразличен. Неужели эта прекрасная девушка его любит? Неужели ему так повезло?

– Флавио, где ты? – Дверь открылась, и в каморку заглянул мастер Паоло. – Да ты, никак, любовное послание получил?

– Почему вы так решили, синьор Камуччи?

– Ты считаешь, что я неспособен заметить лист бумаги у тебя в руках и почувствовать запах розового масла? А письмо в стихах?

– Да, мастер Паоло.

– Значит, тебе тоже придется отвечать стихами, чтобы не разочаровать свою даму. Ты умеешь слагать сонеты и писать канцоны?

– Нет.

– Тогда пойдем в мой кабинет. У меня есть списки стихов Ринальдо д'Аквино, Якопо да Лентини и Пьетро делла Винья. Ты можешь выбрать из них те, которые понравятся, и использовать в своем ответном послании.

Написав вечером ответ Анжеле, юноша еще до рассвета спрятался за углом возле дома синьора Доменико. С трудом дождавшись Джулии, идущей на рынок, он вручил ей свое послание, а затем, набравшись смелости, спросил, как бы ему увидеться со своей любимой.

Кухарка насмешливо глянула на Флавио и быстро произнесла:

– Приходи в воскресенье в собор на мессу. Там увидишь и Анжелу, и ее отца.

Ждать оставалось целых три дня. За это время Флавио просто извелся. Он был невнимателен в работе, за что его не раз выбил мастер Паоло, он наткался на столы и верстаки и даже опрокинул на себя тигель с раскаленным содержимым. Видя такое состояние помощника, ювелир отправил юношу на денек в Конку, проведать семью.

Очувтившись в родном доме, Флавио обнял мать, поцеловал в макушки сестер, а затем вышел в сад поговорить с братом.

– Сильвио, ты не представляешь! Она меня любит!

– Ну, может быть, и представляю. А кто она?

– Помнишь ту прелестную девушку, которую мы видели на кухне синьора Доменико?

– Его дочку Анжелу?

* Стихотворение Гвидо Кавальканти в переводе Яны Токаревой (Прим. авт.)

- Да. Она призналась мне в любви, и я без ума от нее!
- И как же ей это удалось? Клянусь мощами святого Андрея, я бы с удовольствием посмотрел на такое!
- Анжела отправила мне письмо с кухаркой.
- Как романтично! Вы с ней встречались?
- Да, в порту. Но ее отец сказал мне, что отдаст свою дочь в жены только богатому дворянину. Сильвио, что мне делать?
- А ты уверен, что письмо было от Анжелы?
- От бумаги пахло розовым маслом. И там были стихи, такие чудесные стихи!
- О да. Стихи. Это, несомненно, подтверждает то, что письмо было от нее! Флавио, не будь таким глупцом! Это все пахнет тухлой рыбой! Ты уверен, что тебя не разыграли?
- Записка была подписана буквой «А». И передала мне ее Джулия. И она сказала, что я смогу увидеть Анжелу в соборе на воскресной мессе. И тухлой рыбой пованивают твои шуточки!
- Ну ладно. Допустим, что записку действительно писала Анжела. И что с того? Ведь ее отец ясно выразился, что не отдаст ее тебе.
- Сильвио, скажи, что может сделать простой рыбак, чтобы стать нобилем и получить кучу денег?
- Принести папе Бонифацию на блюде голову французского короля Филиппа! Можешь посыпать тертым сыром и шафраном, чтобы не так пахло мертвечиной.
- Сильвио, не шути так – не дай бог услышит кто! Ведь ты же знаешь, что наш король Карло приходится Филиппу двоюродным дядей.
- Да бог с ними, с королями. Мы о тебе толкуем. Ты можешь поступить на службу к королю Карло и завоевать ему Сицилию. За это он точно сделает тебя бароном и осыплет всяческими милостями, клянусь мощами святого Андрея!
- Сильвио, опять ты надо мною издеваешься!
- Ну а кто, кроме меня, вернет этого глупого мальчишку из мира грез на грешную землю? С тех пор как наш батюшка пропал в море, я тебе заместо него.
- А расскажи, как пропал наш отец!
- Ты же это слышал много раз! Ну ладно... Была зима. Вечером отец с дядей Марко ушли в залив ловить рыбу, а ночью на море опустился туман. Он был таким густым, что с мыса Конки не было видно даже развалин сарацинского форта. И наш отец вместе с дядей Марко пропали навсегда. Никто не знает, что с ними случилось – может быть, они напоролись на скалы, а может, их захватили сарацинские пираты.

– Знаешь, Сильвио, я тут узнал, что есть такая штука, называется каламита. Так вот, она помогает морякам найти путь даже в самый сильный туман. Каламита всегда указывает на Полярную звезду.

– Слышал я про такое, рыбаки в трактире говорили. Только баловство это – нужна плошка с водой и спокойное место. А когда тебя качает на волнах и ветер рвет паруса, никакая каламита не поможет.

– А если сделать такую каламиту, чтобы работала всегда, даже в шторм? Как думаешь, за такое король Карло может сделать меня нобилем?

– Дались тебе эти нобили! Ну, может быть, и сделает. Король – он что угодно может сделать, если захочет и если у него на-строение хорошее.

Братья еще долго разговаривали, сидя у стены родного дома, примостившегося недалеко от обрыва. А внизу плескалось море, такое спокойное и прозрачное. Но Флавио прекрасно помнил, как оно преобращалось во время штормов...

* * *

Рано утром в воскресенье юноша почистил башмаки и надел поверх самой чистой камизы свой самый лучший котт. Затем пригладил волосы пятерней и вышел из дома. К собору Флавио направился не по главной улице, а переулками. Вскоре он уже вошел под сень колонн галереи на высоком крыльце храма. Сквозь ажурные стрельчатые арки виднелась главная площадь просыпающегося Амальфи. Тяжелые бронзовые двери, отлитые в самом Константинополе, уже были распахнуты. Юноша стремительно прошел через нартекс и направился в левый неф. Там он укрылся между колоннами так, чтобы видеть передние скамейки, и принялся ждать.

Храм быстро наполнялся прихожанами, пришедшими на мес-су. И вот наконец-то Флавио заметил Анжелу. Она следовала за своим отцом по центральному проходу между скамейками. Ее синее блио с коротким шлейфом и вышитым бисером поясом благочестиво скрывало плавные изгибы девичьего тела. Волосы Анжелы покрывал тонкий голубой платок, ниспадающий на плечи. Рядом с высоченным суровым синьором Доменико девушка казалась ангелом, сошедшим с небес.

«Как же она прекрасна! – подумал Флавио, пожирая глазами возлюбленную. – Она само совершенство! Клянусь святым Яну-арием, я сделаю все, чтобы она стала моей женой!»

Как будто услышав юношу, Анжела подняла глаза и посмотрела в ту сторону, где стоял Флавио. На лице девушки появилась загадочная полуулыбка.

Глядя на любимую, Флавио не заметил, как началась месса. Опомнился юноша лишь тогда, когда хор пропел «Gloria in excelsis Deo», а отец Амвросий с чувством произнес коллекту и приступил к чтению отрывка из Ветхого завета. Певучий голос клирика разносился по всему собору. Флавио вспомнил слова священника об ангелах на кончике иглы в тот день, когда он заносил отцу Амвросию потир. И тут юношу осенило: он понял, как усовершенствовать каламиту. Незаметно выскользнув из собора, Флавио бросился в мастерскую.

– Синьор Паоло, а есть у вас железо из Магнезии? – крикнул юноша с порога.

– Где-то было. А зачем оно тебе?

– Я придумал, как сделать каламиту без плошки с водой, «сухую» каламиту! И я сделаю это, клянусь святым Януарием!

– Интересно будет посмотреть. Приступай. Тебе потребуется моя помощь?

– Да, обязательно!

Вместе они изготовили тончайшую стрелку-указатель, в один конец которой был вмонтирован кусочек железа из Магнезии. Центральная часть стрелки имела выемку. Затем, установив вертикально на подставке тонкую иглу, указатель надели выемкой на острие. Сразу стало ясно, что стрелку нужно тщательно уравновесить, чтобы она могла спокойно вращаться на кончике иглы. Без помощи старого ювелира Флавио никогда бы не справился с этим, но опыт мастера Паоло помог совладать с капризной деталью.

И вот наконец-то у них получилась стрелка, которая могла легко крутиться на кончике иглы. Затаив дыхание, синьор Камуччи и его ученик ждали, когда указатель остановится, но тот все никак не желал замирать.

Первым догадался Флавио:

– Это сквозняк! Нам потребуется футляр, который закроет стрелку от любых движений воздуха.

Мастер Паоло подошел к комоду и выудил оттуда небольшую коробочку из полированного дерева. Подставка с иглой и стрелкой как раз поместилась в этот футляр.

Ювелир задумчиво произнес:

– А сверху потом можно будет прикрыть тонкой пластинкой прозрачной слюды.

Стрелка в футляре остановилась довольно скоро.

– Она указывает в сторону, противоположную берегу. Значит, это действительно направление на Полярную звезду. Но ведь как-то нужно различать разные концы стрелки. А давай-ка, Флавио, мы покрасим один конец указателя. Тогда сразу станет ясно, где находится Рим, а где – сарацинские земли Африки.

Они провозились над устройством до позднего вечера. Флавио не верил собственным глазам: с помощью ювелира он сделал то, что не удавалось ни сарацинским мудрецам, ни морским капитанам. Эта коробочка со стрелкой была значительно удобней, чем любые каламиты. Оставалось лишь домыслить разные мелочи.

Утром на свежую голову Флавио придумал, что нужно под стрелкой закрепить кусочек бумаги с нанесенной на него розой ветров, как на портоланах. А мастер Паоло предложил наклеить этот рисунок на тонкий слюдяной диск, чтобы бумага не сгибалась. Усовершенствованное таким образом устройство было удобно использовать совместно с картой.

– Отлично, Флавио! У тебя получилось! А ты придумал, как назовешь свой прибор?

Юноша задумался, а потом предложил:

– Как вам название буссола*?

– Буссола... Просто, но звучно. Ну что же, мне нравится. Пусть это будет буссола. А ты не задумывался, что будешь делать дальше с этим прибором?

– Ну, не знаю... Наверное, нужно показать его королю Карло.

– Верно мыслишь, юноша. Его величество сейчас пытается вернуть себе Сицилию, а то ему очень не нравится быть сицилийским королем и не владеть этим островом. Недавно в битве при Фальконаре его армия была разбита арагонцами, а его сын Филипп попал в плен. Теперь король Карло готовит новую армию и строит новый флот, чтобы вернуть и сына, и Сицилию. Думаю, что буссола ему наверняка пригодится.

– А где сейчас наш король?

– В Неаполе. Если ты надумал показать прибор королю Карло, то позволь мне сделать кое-что еще.

И почтенный ювелир изобразил на бумаге, наклеенной поверх слюды, золотую лилию – так, чтобы она указывала главное направление, на Полярную звезду.

– Королевская лилия?

– Да, юноша. Ты знаешь, откуда у французских королей этот знак?

– Нет.

– Когда король франков Хлодвиг по настоянию жены своей Клотильды и молитвами святого Ремигия обратился в истинную веру христианскую, явился ему ангел господень и дал ему лилию золотую в знак очищения от грехов. И король Хлодвиг сделал золотую лилию своим знаком. Гуго Капет, предок всех французских королей, в память об этом носил корону с тремя золотыми лилиями. И с тех пор все его потомки почитают этот знак.

* *Компас по-итальянски – la bussola. Это слово происходит от латинского *buxula*, что означает «ящик, коробочка». (Прим. авт.)*

Быстроходная королевская галера скользила по водам Неаполитанского залива. Флавио стоял на палубе и смотрел по сторонам. По правому борту виднелась огромная двуглавая гора, у вершин которой собирались облака. Это Везувий, неугасимая гора, грозный вулкан. Сейчас он спал, но все знали, что в любой момент этот колосс может проснуться. У подножия вулкана раскинулся по берегу залива древний город, который был старше самого Рима, но по какой-то непонятной причине назывался Новым.

Когда галера достаточно приблизилась к берегу, юноша разглядел с левой стороны порта серую громаду замка на островке. Над башнями мрачной крепости развевались синие флаги с золотыми лилиями.

Флавио обратился с вопросом к стоящему рядом с ним члену команды:

– В этом замке пребывает его величество король Карло?

– Нет. Это замок-яйцо, его построили норманны. Здесь сейчас находятся королевский суд и казна. А его величество избрала своей резиденцией новый замок, вон там, – и моряк указал прямо по курсу галеры, где выше мачт разнообразных кораблей поднимались цилиндрические башни и крепкие стены на высоком каменном основании.

Благодаря протекции мастера Паоло, Флавио получил рекомендательное письмо от начальника амальфийского Арсенала. Это письмо позволило юноше подняться на борт королевской галеры, следующей в Неаполь. И вот теперь, менее чем сутки спустя, перед Флавио развернулась впечатляющая панорама столицы королевства. Кораблей в порту стояло раз в десять больше, чем ему доводилось видеть в Амальфи. За лесом мачт громоздились бесконечные склады, занимавшие почти весь видимый берег. Правее раскинулись бесчисленные светлые домики под черепичными крышами, перемежающиеся шатрами колоколен и фронтонами дворцов и церквей. Слева поднимался зеленый холм с оливковыми рощицами и маленькой белой часовней на вершине.

Галера причалила, и Флавио, заранее собравший все свои нехитрые пожитки, тут же сошел на берег. Продираясь сквозь толпу купцов, моряков, грузчиков и просто уличных зевак, ученик ювелира зашагал к новому замку. Казалось, что тот совсем близко, но юноше пришлось изрядно протоптать по муравейнику порта, чтобы достигнуть рва вокруг мощного каменного основания, а потом еще и обойти почти половину периметра стен, чтобы очутиться у входа. Здесь через обширный канал был перекинут подъемный мостик. К счастью для Флавио, ворота

замка оказались открыты. На входе юноша показал стражнику рекомендательное письмо. Ратник в стальном шлеме грамотой не владел, но печать королевского Арсенала произвела на него впечатление, и он позвал сержанта. Тот пробежал взглядом по бумаге и разрешил Флавио войти.

Юношу охватили трепет и волнение, когда он ступил под своды королевского замка. От того, в каком настроении будет король Карло, захочет ли он принять неизвестного просителя и захочет ли его слушать, зависела судьба Флавио. Сердце колотилось так, будто хотело навсегда вырваться из груди. Остановившись, юноша прислонился к стене, чтобы перевести дух, и увидел во внутреннем дворе серую каменную часовню с окном-розой. На негнущихся ногах Флавио зашел в святилище и заметил образ святого Януария на стене. Истиво помолившись небесному покровителю Неаполя, юноша заодно попросил о помощи еще и апостола Андрея. Это помогло хоть немного успокоиться и без дрожи добраться до помощника камерария. Тот записал его имя и вопрос, с которым Флавио собирался обратиться к его величеству.

Когда юноша попал в галерею для просителей, там уже собралось немало людей. Судя по одежде, это все были лица благородного звания либо богатые негоцианты. Среди них ученик ювелира ощущал себя нищим и боялся даже поднять глаза.

Время шло, в малую приемную одного за другим вызывали посетителей, а Флавио все ждал в дальнем углу галереи. Наконец вышел слуга в ливрее и громко произнес:

– На сегодня прием окончен. Его величество устал. Следующая аудиенция состоится через неделю.

Открылись двери приемной и оттуда выступили двое рослых стражников в мундирах с золотыми лилиями и с алебардами на изготовку. За ними, чуть прихрамывая, шел король, окруженный ближайшими советниками. Увидев, что государь уходит, Флавио в отчаянии бросился в ноги Карлу и взмолился:

– Ваше величество, умоляю вас, выслушайте меня! Может быть, это окажется полезным вашему величеству...

Карл остановился и недоуменно глянул на распростершегося перед ним юношу.

– Кто ты, дерзкий юнец? Встань и держи ответ за свои слова! Что окажется мне полезным?

– Ваше величество, простите меня за дерзость! Меня зовут Флавио Джойя, я сын рыбака из Конка-дей-Марини и ученик ювелира из Амальфи. Я придумал, как сделать плавание по морям не таким опасным, – и юноша достал из-за пазухи коробочку из полированного дерева.

– Что это? – удивленно спросил король.
– Буссола – прибор, который показывает направление на Полярную звезду.

Карл взял коробочку в руки, откинул крышку и взглянул на стрелку. Его глаза потеплели, когда он увидел золотую лилию, и король перевел взгляд на одного из своих спутников:

– Что скажешь, Захария?

Суровый мужчина со шрамами на лице подошел поближе и принял коробочку у короля. Посмотрев на стрелку, он выглянул в окно, затем повернулся с прибором в руке.

– Юнец не солгал, ваше величество. Эта штука действительно указывает на Полярную звезду. Я таких еще не видел, но, думаю, что это похоже на каламиту, только без воды.

– И как ты считаешь, Захария, этот прибор может быть полезен?

– Безусловно, ваше величество! Этой коробочкой пользоваться гораздо удобнее, чем каламитой. Думаю, что она должна быть на каждом корабле, а учитывая экспедицию, которую мы с вами планируем...

– Достаточно, Захария, я тебя услышал, – прервал его Карл и повернулся к Флавио. – Юноша, я прощаю тебе твою дерзость. Проси, что ты хочешь за свой чудесный прибор.

– Ваше величество! Я люблю Анжелу, дочь купца Доменико из Амальфи. Но синьор Доменико сказал, что отдаст свою дочь только за человека благородного звания. Ваше величество! Можете ли вы сделать меня нобилем?

Король улыбнулся и обратился к одному из своих приближенных:

– Бенедетто, подай мой меч! – Потом строго глянул на Флавио:
– Ты свободный человек?

– Да, ваше величество.

– Становись передо мной на колени!

Взяв в правую руку большой меч с навершием в форме плоского диска и изогнутой крестовиной, Карл поднял клинок и обратился к юноше:

– Будь храбрым, будь честным, люби господа нашего Иисуса Христа. Говори правду всегда, даже если это приведет тебя к смерти. Защищай слабых и убогих и не твори зла. Будь верен своему королю и бейся за него со всей отвагой, на которую способно твое сердце!

Король возложил клинок на правое плечо Флавио, затем поднял его над головой юноши и опустил на левое плечо. Прodelав все это, он отдал меч Бенедетто и произнес:

– Встань, шевалье Флавио Джойя. Отныне ты нобиль Сицилийского королевства и нобильями будут твои дети и дети их детей. Не посрами свое благородное звание!

– Ваше величество, я обещаю служить вам до гробовой доски! – пылко произнес Флавио. – Я клянусь, что не посрамлю вашего доверия и никогда не запятнаю себя позором.

– Хорошо. Луиджи, проследи, чтобы в канцелярии юноше выдали консигнацию нобилитета и оформили нашу высочайшую привилегию на изготовление этих приборов для амальфийского Арсенала. Как ты их назвал, шевалье Джойя?

– Буссола.

– Пусть будет буссола. Берешься обеспечить мой флот буссолами до весны?

– Да, ваше величество!

– За деньгами можешь обращаться к начальнику Арсенала. И да, Луиджи, пусть канцелярия выпишет наше высочайшее дозволение на брак шевалье Джойя и девицы Анжелы, дочери негодьянта Доменико ди Амальфи, – и Карл одарил Флавио улыбочкой, сделавшей его носатое лицо почти красивым.

Когда король удалился вместе со свитой, к юноше подошел камерарий и окинул Флавио любопытным взглядом.

– Ты сегодня поймал удачу за хвост, юноша. Наш король порой бывает великодушным, как сегодня. Но знай, что он очень не любит, когда его распоряжения не выполняются. Пойдем в канцелярию, я прослежу, чтобы тебе выправили все необходимые бумаги, а потом устрою тебя на ночлег.

* * *

А через месяц в соборе святого Андрея венчались Флавио и Анжела. Невеста в красном атласном платье и белой накидке без рукавов, расшитой жемчугами, выглядела настоящей королевой. Ее роскошные темные густые волосы, ниспадающие почти до талии, были украшены живыми цветами. Укрытая полупрозрачным покрывалом, Анжела напоминала лесную фею. Флавио, над костюмом которого трудились лучшие портные Амальфи, был достоин своей невесты. Даже синьор Доменико смотрел на будущего зятя почти приязненно. Почтенного негодьянта немного огорчило королевское дозволение на брак его дочери – он строил другие планы, в которые Флавио Джойя не входил. Но воля короля – закон для подданных.

После того как отец Амвросий обручил молодых, новобрачные вместе с родственниками и всеми гостями направились в открытый сад возле мэрии. И там был устроен пир, надолго запомнившийся всем жителям Амальфи.

Флавио с помощью ювелира Паоло Камуччи изготовил около сотни буссол для флота Сицилийского королевства. И весной, когда победоносный Карл Валуа повел совместную франко-неаполитанскую армию на завоевание Сицилии, на каждой галере имелся прибор, который помогал ориентироваться в открытом море. Благодаря буссолам союзники не потеряли ни одной галеры.

Но даже это не помогло Карлу Второму Анжуйскому вернуть власть над островом. Армию Карла Валуа поразила чума. Не в силах более противиться божьему промыслу, главнокомандующий заключил мир в Кальтабеллотте, по которому Сицилия осталась под властью арагонцев. Единственное, что смог сделать Валуа для Карла Второго – освободить его сына Филиппа из плена.

Зато моряки всего мира получили благодаря Флавио Джойя простой, удобный и надежный прибор, который помогал им найти путь в открытом море – компас.

КАРЬЕРА ПОД ЧУЖИМ НЕБОМ

Часть 1. Куми

Завыла сирена, замигали лампы сигнализации. Вся команда исследовательского звездолета «Венге» разбегалась по местам, предписанным аварийным расписанием. Куми, как самому бесполезному, следовало дежурить в спасательной капсуле номер три. Юный лингвист, размышляя о том, что, наверное, капитану понадобились учения, чтобы личный состав не расслаблялся, пронесся по инженерной галерее и подскочил к шлюзу. Набрать стандартный код и юркнуть внутрь – дело трех секунд. Потом еще столько же, чтобы попасть в капсулу.

Не успел Куми пристегнуться к ложементу, как суденышко резко трянуло, затем погас свет.

«Ого! – подумал лингвист. – Похоже, у нас и в самом деле проблемы».

Включилось автономное освещение, и капсула дернулась еще сильнее, чем в прошлый раз. На пульте замигала пиктограмма «Экстренный запуск», и суденышко отделилось от шлюза. Куми вывел на экран вид с внешних камер и обомлел: плавные обводы «Венге» были обезображены вмятинами и прорехами в обшивке со стороны главного двигательного отсека. Неужели не сработала противометеоритная защита?

Куми решил связаться с командной рубкой звездолета.

– Шале-три вызывает Симбу, Шале-три вызывает Симбу. Прием!

– Шале-три, действуйте по плану «Тофаути». Повторяю, действуйте по плану «Тофаути»!

У Куми неприятно засосало под ложечкой: план «Тофаути» подразумевал отход от звездолета на максимально безопасное расстояние и самостоятельное движение по околопланетной орбите, по крайней мере, на протяжении одного витка. А это означало, что на «Венге» сложилась очень опасная ситуация.

А ведь так хорошо все начиналось! Экспедицию к недавно открытой планете с азотно-кислородной атмосферой и водой в жидком состоянии возглавил сам Саге Кванза, один из известнейших ученых Дунии. Его теория о независимом конвергентном развитии разумной жизни во Вселенной пользовалась большим авторитетом в научном мире. А заместителем стал Чави Пили, ярый сторонник доктрины «Предтеч-сеятелей». Оба ученых надеялись на новые данные, которые помогли бы им подтвердить свои научные взгляды. Оба жаждали лично увидеть перспективный мир, получивший неофициальное название «Терони».

Еще когда «Венге» только вышел на высокую эллиптическую орбиту вокруг Терони, исследовательский коллектив обнаружил, что на планете имеется белковая жизнь. Чувствительные датчики засекли микроорганизмы в верхних слоях атмосферы. Затем, после перехода на низкую орбиту, были найдены объекты неприродного происхождения, предположительно – постройки аборигенов. Весь экипаж звездолета ликовал, ведь миры с разумными обитателями удавалось найти редко. Пусть даже степень развития цивилизации на этой планете оказалась не слишком высокой.

На совещании, созванном сразу же после этого открытия, Саге Кванза предложил не разбрасываться по всей поверхности Терони, а сосредоточить все усилия экспедиции на дотошном и тщательном исследовании какого-нибудь изолированного объекта. Это позволило бы минимизировать риск обнаружения и уменьшить вмешательство в жизнь аборигенов. Чави Пили, к удивлению всех собравшихся, согласился со своим вечным оппонентом и порекомендовал начать с цепочки вытянутых островов у восточного побережья самого большого массива суши на планете. И все приступили к работе, той самой работе, ради которой каждый из ученых и отправился в эту экспедицию.

Теронцы оказались невероятно похожи на дуниан. Кванза не верил своим глазам, а Пили попросил генетиков как можно скорее сравнить структурные единицы наследственности обитателей Терони и жителей родного мира. Чави был почти уверен, что скоро он сможет подкрепить фактами свою любимую доктрину и посрамить оппонента.

Куми с воодушевлением изучал язык аборигенов с помощью автономных миниатюрных летающих аппаратов. Он быстро справился с фонетикой, которая оказалась несложной. Обитатели этих островов использовали в речи пять гласных звуков, два переходных и четырнадцать согласных. Установив это, лингвист начал разбираться с лексикой. Потребовалось загрузить в имплантат-ассистент виртуального ксеноэтнолога, без которого эта проблема никак не могла быть решена. И когда первая версия переводчика с языка островитян была близка к завершению, объявили аварийную тревогу.

Лингвист бросил взгляд на экран, и ему сделалось совсем нехорошо: «Венге» вдруг рассыпался на части, как будто внутри произошел страшный взрыв. Обломки корабля разлетались в разные стороны. Куми на всякий случай вызвал командную рубку, но никто ему не ответил. Тогда он в отчаянии попытался связаться с каждой из спасательных капсул. Откликнулась только Шале-4. Геолог Шока севшим от ужаса голосом прорыдала в микрофон:

– Куми, что же мы будем делать?

Лингвисту и самому хотелось рыдать. Он никогда не видел смерть так близко. Перед мысленным взором возникали лица участников экспедиции. Еще совсем недавно они жили, любили, чего-то хотели и добивались. Каждый из них являл собой целый мир, единственный и неповторимый. А теперь никого из них нет. Просто нет и всё. От этого становилось так больно, так жутко...

Когда Шока немного пришла в себя, они обсудили стратегию выживания. Было ясно, что придется опуститься на поверхность Терони и ждать помощи с Дунии среди аборигенов. Наверняка «Венге» успел послать сигнал бедствия перед взрывом! Шока предлагала сразу же открыться теронцам, но Куми, получивший некоторое представление о жизни островитян из их лексики, считал, что безопаснее раствориться среди жителей этого мира. И лингвист настаивал, что лучше обосноваться в том месте Терони, которое экспедиция хоть немного изучила. В итоге решили опуститься в центральной части самого большого острова, в районе залива, глубоко вдающегося в сушу. После этого предстояло утопить спасательные капсулы с включенными маячками на небольшой глубине, а затем искать безопасную для жизни местность.

Но что-то у Шоки пошло не по плану. Когда Куми приводился, второй капсулы поблизости не обнаружилось. Телемат показал ему на экране, что суденышко геолога сильно отклонилось от курса и, скорее всего, опустилось у берегов большого полуострова к западу от архипелага. Связаться с Шокой не удалось.

Куми вздохнул, взял мешок с аварийным запасом продуктов и комплектом для выживания и выбрался из капсулы. Утопив

суденышко возле приметного маленького островка, лингвист выбрался на берег с густой растительностью.

Главное сейчас – разобраться в здешней жизни, и желательное – оставаясь незамеченным, не обращая на себя внимания аборигенов.

Пробравшись сквозь заросли, Куми вышел к полю, на котором, частично погруженные в воду, росли какие-то зеленые пучки. В отдалении виднелись местные жители: согнувшиеся, полуодетые, в круглых головных уборах. Даже с такого расстояния было заметно, как они похожи на дуниан. На всякий случай лингвист решил далее идти через заросли, пока не закончатся поля.

Продираясь сквозь густую растительность, он услышал истошные крики. Куми добрался до ближайшего просвета и увидел, что на обочине дороги несколько местных жителей в одинаковых одеяниях избивают длинными палками аборигена поменьше. Тот был облачен в грязную рвань, и при каждом ударе истошно вопил. Казалось, что его вопли лишь раздражают аборигенов с палками, и избивание продолжалось довольно долго. Наконец маленький теронец рухнул в грязь и затих. Мучители стукнули его еще по разу, после чего обменялись довольными репликами и медленно удалились.

Куми никогда еще не видел, чтобы разумные существа творили насилие над себе подобными. Зачем? Почему? Эти вопросы не выходили из головы.

Когда аборигены с палками пропали из вида, лингвист выбрался из зарослей и подошел к невысокому теронцу. Зверски избитый, тот лежал без чувств. Куми достал из мешка аптечку и попытался хоть как-то помочь аборигену. Имплантат-ассистент подсказал, что делать. Вскоре теронец открыл глаза и что-то произнес. Вот он, удобный случай для проверки лексики и фонетики языка островитян. Хорошо, что лингвист не поленился загрузить себе последнюю версию словаря, намереваясь поработать над ней в каюте перед сном.

Раненый абориген тем временем повторил свои слова:

– Кто ты?

– Я Куми, – ответил лингвист. – А почему они тебя избивали?

Звуки чужого языка давались с трудом. От непривычных фонем слегка сводило губы. Теронец не сразу понял речь Куми. Пришлось повторить вопрос, и тогда абориген ответил:

– Я Хиёси, сын Киноситы Яэмона. Мой отец был асигару Оды Нобухидэ. Я хотел пойти на службу к его сыну Оде Нобунаге, но воины даже не подпустили меня к своему даймё. Когда же я попытался прорваться через них, они схватили меня, отвели сюда

и отлупили пиками... А-а-а-а!!! – абориген отчаянно взвыл, неудачно повернув сломанную правую руку.

Куми ввел ему еще обезболивающего и зафиксировал перелом шиной. Когда теронец немного успокоился, лингвист продолжил задавать вопросы. С каждой новой фразой его произношение улучшалось, и вскоре раненый мог понимать его с первого раза, без повторов.

Обычаи страны, в которую попал юный дунианин, были очень жестокими. Большинство здешних жителей влачили жалкое существование. Несмотря на то, что они трудились в поте лица от восхода до заката, жить им приходилось впроголодь, потому что почти все результаты своего труда эти люди отдавали сборщикам податей. Куми удивился таким порядкам, но Хиёси сказал, что так было всегда. Крестьяне должны трудиться, кормить даймё, всю их челядь и войско. А даймё воюют между собой за территории, в ходе военных действий ненароком разрушая дома, обирая и убивая их жителей. От услышанного у лингвиста волосы становились дыбом, но избитый теронец рассказывал о зверствах и несправедливости абсолютно спокойным голосом. Он жил в этом страшном мире и считал его обычаи единственно возможными.

За разговорами прошел остаток дня. Когда стемнело, Куми достал продукты из мешка и приготовил поесть. Кусок не лез ему в горло от всего, что произошло, от того, что он увидел и услышал. А Хиёси уплетал за обе щеки. Видно было, как этот теронец изголодался. А потом он вдруг схватился за живот и упал на спину. Из рта раненого пошла кровь. Абориген дернулся, булькнул и затих.

Куми не мог отвести взгляд от Хиёси. Лингвиста трясло от ужаса. Он снова видел смерть, да еще так близко. Имплантат-ассистент подсказал, что, скорее всего, абориген скончался от повреждений внутренних органов, вызванных жестоким избиением. А обильная трапеза лишь усугубила состояние раненого, спровоцировав сильное внутреннее кровотечение. И тут Куми разрыдался. Слезы дождем лились из глаз, да так, что дунианин не мог остановиться. Он оплакивал Хиёси, Шоку и всю команду «Венге». Ему было страшно и ужасно одиноко под этим чужим небом...

Часть 2. Хиёси

Когда рассвело, Куми набрался мужества, раздел мертвого аборигена и внимательно осмотрел тело. Имплантат-ассистент запечатлел внешность теронца и выделил самые приметные детали. Сразу после этого армия микроскопических искусственных органоидов в теле дунианина принялась за работу, делая Куми как можно более похожим на Хиёси. Где-то было достаточно электростимуляции мышц, но чаще всего органеллы создавали в

подкожных тканях коллагеновые структуры, изменявшие пропорции тела. Затем преобразившийся лингвист оттащил погибшего в большую рытвину, прикрыл его камнями, хворостом и забросал землей. Еще Куми пришлось выстирать обноски теронца в ручье, высушить их и починить с помощью инструментов из комплекта для выживания. Когда одежда подсохла, лингвист кое-как облачился в нее и вышел из зарослей. Вскоре он уже шагал по дороге вглубь острова.

Несколько дней Куми переходил из одной деревни в другую, наблюдая за тем, как живут здешние крестьяне, совершенствуя свое знание языка и обычаев аборигенов. Если его спрашивали – назывался именем Хиёси. Потом, осмелев, дунианин стал заходить и в города. Увиденное привело его к мысли, что желание Хиёси поступить на службу к даймё было вполне оправданным.

Имплантат-ассистент оценивал стратегию поведения, выбранную Куми, как разумную и обеспечивающую выживание с вероятностью более семидесяти процентов, тогда как пассивное ожидание спасателей с Дунии давало вдвое меньшие шансы на успех.

Куми осторожно разузнал, кто такой Ода Нобунага. Этот молодой владетель успел прославиться вспыльчивостью и эксцентричным поведением, за что некоторые называли его «большим дураком из Овари». Вот только как знать, насколько устойчива власть этого даймё? Но Куми решил рискнуть...

По дороге двигался конный отряд. Всадники с длинными луками из бамбука, дерева и кожи, а также конные пикинеры сопровождали своего господина. Он ехал в середине кавалькады, облаченный с редкой для этих мест роскошью. Его шелковое кимоно отливало золотом, на кимоно была наброшена накидка из леопардовых шкур. Блестел на солнце край седла, инкрустированный перламутром.

«Это Нобунага, только он одевается так ярко! Пора! – подумал Куми. – Либо сейчас, либо никогда».

Он выскочил из зарослей, в которых прятался, и бросился к всадникам. Имплантат-ассистент просчитывал траекторию и давал в нужный момент советы. Ловко увернувшись от острия одной длинной красной пики, дунианин поднырнул под вторую и упал на колени перед даймё, не дожидаясь, когда в него вонзится третья.

– Господин! Умоляю! Прошу вас! Молю!

Владетель поморщился:

– Что это за обезьяна?

Тут же трое воинов спешили и подскочили к Куми, доставая на ходу кинжалы, но господин их остановил:

– Не трогать! – Затем он строго глянул на дунианина: – Говори!

Имплантат-ассистент спрогнозировал самую безопасную линию поведения, и лингвист начал изъясняться:

– Господин, возьмите меня к себе на службу! Умоляю! Я буду служить вам верой и правдой, и готов отдать за вас жизнь! Мой отец служил вашему отцу простым асигару, но всегда был верен ему. Я же молю вас в память о моем отце принять меня и обещаю, что такой верности вы не найдете ни у кого!

Он бормотал что-то в том же духе, вспоминая все, что рассказал ему Хиёси, пока даймё не остановил его полубессвязные речи взмахом руки.

- Как звали твоего отца?
- Киносита Яэмон.
- Как зовут тебя?
- Хиёси.
- Ты знаешь какое-нибудь ремесло?
- Нет.
- Так зачем же ты мне нужен?
- Мой господин, я клянусь, что сделаю для вас все, что только будет в моих силах! И даже то, что выше моих сил!
- Ладно. Ты какой-то странный, не от мира сего, но я принимаю тебя на службу. Можешь бежать за всадниками в хвосте колонны.

В замке Куми выдали одежду такого же цвета, как и у всей челяди даймё. Затем дунианина определили носить сандалии за своим господином. Нелегко было юному лингвисту стать слугой в этом жестоком обществе. Но он терпел, ведь лучших вариантов выживания пока не обнаружилось. Благодаря виртуальному ксеноэтнологу, загруженному в имплантат-ассистента, Куми удавалось разобраться в хитросплетениях местной социальной организации. Слуга, носящий сандалии, находился на низших ступенях замковой иерархии, но являлся более важной персоной, чем крестьянин, ремесленник или даже торговец.

Внешность Куми, несмотря на деятельность микроскопических органоидов, почему-то забавляла обитателей замка. Дунианина прозвали Обезьяной. Но именно из-за этого прозвища он оказался самым близким к даймё слугой. Ода Нобунага чаще всех звал к себе именно Обезьяну. Возможно, лишь потому, что вспоминать имена других прислужников ему было лень.

Ношение сандалий и сосуда с водой для господина отнимало не так уж много сил, но требовало постоянно находиться возле даймё. Благодаря этому за несколько месяцев Куми изучил письменность островитян. Знаки кандзи и кокудзи, несмотря на всю их экзотичность, можно было понять и классифицировать. Возникали трудности лишь с тем, каким из возможных способов

их следовало читать. Но и с этим дунианин справился. Более того, овладение местной системой письменности заставило лингвиста гордиться собой. Ведь это было его первым самостоятельным полевым исследованием, да еще проведенным в таких экстремальных условиях.

Однажды, когда Куми, забывшись, спросил что-то по поводу иероглифической надписи у самого Оды Нобунаги, тот поразился вопросу слуги:

– Обезьяна! Ты разве обучен грамоте? Так что ж ты мне сразу не сказал?

Вскоре даймё посвятил Куми в самураи и дал ему новое имя – Токитиро Киносита. После этого он назначил дунианина помощником управляющего замком Киёсу. Ода считал расточительством не использовать грамотного человека должным образом.

Часть 3. Токитиро Киносита

Управляющий не особенно обрадовался, узнав, что ему подчинили молодого выскочку-грамотея из крестьян. Поэтому он тут же спровадил Куми разбираться с самым гиблым, с его точки зрения, местом замка – кухней. В темном, пропахшем дымом и пригоревшей едой помещении священнодействовал одноглазый Ёсемон. Он справлялся с кормежкой воинов Оды Нобунаги, но между собой те ругали его последними словами за качество еды.

Куми добросовестно обследовал замковую кухню и все, что относилось к ведению повара. Дунианин обнаружил, что Ёсемону часто приходится готовить из недоброкачественных продуктов. А это происходило из-за того, что всего закупалось слишком много и закупщики не проверяли качество. Затем Куми осмотрел амбар и заметил, что крыша его прохудилась, а одна стена протекает. Потому так много провизии и портилось раньше времени.

Новоявленный самурай доложил даймё о том, что увидел на кухне и получил разрешение Нобунаги действовать по собственному усмотрению. Куми обошел всех поставщиков продуктов, поговорил с ними и выбрал тех, кто пообещал привозить только самую свежую и самую качественную провизию. Заодно он обмолвился, что если кто-то из них поможет с ремонтом амбара, то не пожалеет об этом. Тут же нашлись кровельщики и строители, родственники одного из поставщиков, которые быстро отремонтировали крышу и стену. Когда Куми привел десятника строителей на кухню, чтобы угостить сакэ, тот предложил прорезать в стене окна, чтобы избавиться от постоянного чада и улучшить освещение. На удивление, даже суровый Ёсемон одобрил эти меры. Вскоре в стене появились новые проемы, а качество готовки одноглазого стало удовлетворять даже самых привередливых воинов.

Через пару месяцев управляющий с удивлением докладывал Оде Нобунаге, что благодаря новому помощнику расходы на кухню уменьшились, а самураи перестали жаловаться на еду. Довольный даймё нашёл для Токитиро Киноситы новое поручение: разобраться с отоплением замка Киёсу. Нобунагу выводили из себя большие расходы на дрова, но у владетеля все никак не находилось времени заняться этим вопросом.

Куми взялся за дело с той же дотошностью. Он изучил расходные книги, взятые у управляющего, и обнаружил, что траты на отопление увеличивались с каждым годом, хотя гарнизон замка Киёсу не менялся. Затем он нашёл всех поставщиков дров. Те, как сговорившись, уверяли дунианина, что зимы становятся суровее с каждым годом, поэтому и расход дров в замке все увеличивается.

Куми обследовал казарму. Воины, которые в ней жили, утверждали, что если не обогревать казарму все время, то помещение быстро выстужается. При этом никто из них не упоминал о протекающей крыше и прохудившихся стенах. Воспользовавшись имплантат-ассистентом, Куми разработал метод учета топлива с помощью таблиц, которые чертили угольком на побелке. Теперь даже неграмотные слуги могли записать, сколько дров было принято от поставщиков и сколько выделено в казарму. Затем дунианин, улучив удобный момент, поговорил с даймё. Ода Нобунага согласился с тем, что воинам лучше быть все время на учениях и тренировках на свежем воздухе, чем сидеть в казарме. Те же самые кровельщики и строители привели в порядок крышу казармы и негодную стену. В результате, весной управляющий замком докладывал своему господину, что дров стало уходить значительно меньше.

Десятник строителей, благодарный Куми за заказы, заметил, что стена замка Киёсу, обрушившаяся после зимних бурь, так и не была восстановлена. Мастер сказал, что мог бы справиться с этим заданием за неделю. Дунианин, поблагодарив десятника за предложение, направился напрямик к Нобунаге.

– Господин! Могу ли я задать вам вопрос?

– Спрашивай, Обезьяна.

– А что бы вы сделали, если бы увидели, что у вражеской крепости обвалилась стена и никто ее не приводит в порядок?

– Я бы решил, что владетель этой крепости слаб, и напал бы на него при первом удобном случае!

– Господин, а как вы считаете, лазутчики Имагавы Ёсимото уже доложили своему хозяину, что замок Киёсу месяц стоит без одной из стен, и уже месяц никто ее не восстанавливает?

– На что ты намекаешь, Обезьяна?

– На то, что ваши враги не дремлют!

– Ямабути Укон надзирает за работами, а это значит, что скоро стена будет отстроена заново.

– Ямабути Укон хороший самурай и опытный воин. Но он ничего не смыслит в строительстве. За месяц его мастера еще даже толком не приступили к работе!

– Ты считаешь, что справишься быстрее?

– Да, господин. Мне хватит трех дней.

– Обезьяна, ты уверен?

– Я сделаю то, что обещал!

– В таком случае – иди! Я назначаю тебя главным смотрителем за работами. Через три дня приду проверять, и если увижу, что ты попросту хвастал... Ты знаешь, как я поступаю с теми, кто не исполняет свои обещания!

Куми вышел во двор и отправился к рухнувшей стене. По дороге имплантат-ассистент составил примерный план разговора.

На площадке у обрыва лениво копошились строители. Новый главный строитель позвал к себе всех десятников и заявил им, что даймё просил нанять новых работников, а старых прогнать и не расплачиваться с ними. Сразу же поднялся шум. Мастера кричали, что это нечестно, и что они так не договаривались. Куми выдержал паузу, дожидаясь, пока все выскажутся, затем отругал десятников самыми последними словами. Он говорил негромко, но строители слушали его, затаив дыхание. Их разгоряченные лица вытягивались и грустнели. А дунианин вдобавок упомянул, что в военное время такая отвратительная работа может быть приравнена к измене, и что даймё может подумать, что они ему не верны. Затем Куми надолго замолчал и начал пристально смотреть в глаза сначала одному десятнику, потом другому, третьему и так далее. Никто не мог выдержать его взгляда, все опускали головы. Наконец, когда дунианин обвел взором всех, он так же негромко произнес:

– Но я уговорил нашего господина дать вам последний шанс. К вечеру придут строители из другой артели и возьмут на себя половину работы. Кто из вас быстрее построит свой участок – тому и дадут заработок. Победитель получает все! Проигравшего прогонят, не заплатив ничего. Вам понятно?

Десятники молча закивали.

– Можете возвращаться к работе.

Потом Куми отправился к десятнику, отремонтировавшему казарму, и предложил ему отстроить половину обрушившейся стены. Тот с радостью согласился. К вечеру на площадке у обрыва кипела работа. Две строительные артели наперегонки вели клад-

ку из камня. Они не прервались даже в сумерках и остановили работу только тогда, когда наступила полная темнота.

Следующие два дня прошли в таком же напряженном труде. Куми не уходил ни на мгновение, стараясь предусмотреть все, что потребуется строителям, чтобы работа не прекращалась...

– Обезьяна! Как тебе это удалось?

Ода Нобунага обходил площадку, где еще недавно была настоящая свалка материалов и инструмента. Теперь там высилась лишь ровная каменная стена высотой в десять кэн. Все пространство перед ней было очищено от каменных обломков и даже аккуратно подметено. В углу, замотавшись в циновки, спали рабочие.

– Где Обезьяна? Где Токитиро Киносита?

Одна из циновок приподнялась, и из-под нее выполз Куми. Глаза его были красными от недосыпа, а лицо – серым от усталости.

– Господин, я здесь. Все сделано, как я и обещал.

– Молодец, Обезьяна! Но как тебе это удалось?

– Я лишь объяснил строителям, что им стоит постараться ради собственного блага.

– Что ты хочешь за эту работу?

– Я прошу, чтобы вы заплатили обеим артелям. Они очень хорошо потрудились за эти дни...

Вскоре Куми стал личным помощником Нобунаги, советником по хозяйственным вопросам. Поставщики рода Ода боялись Токитиро Киноситы, как огня. Он легко разоблачал любые махинации. Кроме того, дунианину пришлось руководить всеми строительными работами в провинции Овари. После Киёсу он обновил и другие крепости. Куми уже не ждал спасателей с Дунии. Он решил, что помощь с родины не придет никогда, и ему нужно рассчитывать лишь на собственные силы.

А через пару лет началась война с Имагавой Ёсимото. Этот могущественный даймё объединил под своей властью три соседние провинции и очень хотел присоединить к ним четвертую. Собрав огромную армию, он выступил в поход. Союзники Имагавы без боя захватили крепость Одака, в то время как главная армия Ёсимото двигалась маршем на Киёсу.

Пришлось Оде Нобунаге сзывать все войска и двигаться против Имагавы. Правитель Овари не мог похвастаться большой армией. В лучшем случае, под его командованием находилось тридцать сотен бойцов. Силы Ёсимото были раз в десять больше. После неудержимого утреннего штурма пали форты Васидзу и

Маруне, защищавшие подступы к Киёсу. Путь вглубь провинции Овари был открыт.

Имагава решил отпраздновать удачное начало кампании, и его армия расположилась на отдых на невысоком холме Окэахадзама у подножия горы Дэнгакухадзама. Ода же повел своих воинов напрямиком на гору. Среди прочих шли на верную смерть и тридцать асигару под командованием Куми. Никто не спрашивал дунианина, хочет ли он идти на войну. Нобунага вызвал его к себе и сказал: «Поведешь три десятка копейщиков».

И Куми не мог возразить. Здешние порядки просто не допускали этого. Токитиро сделали самураем, поэтому он обязан был пойти за своим господином даже в огонь. И лингвист шел, хотя всю дорогу его мучил невероятный страх. Осознание того, что он шагает напрямиком на бойню, переমেжалось с ужасом при мысли о том, что, скорее всего, ему самому придется убивать других. Дунианина мутило, он с трудом передвигал ноги, словно брел по колену в воде. Несмотря на жуткую жару, Куми до костей пробирал озноб. А Ода все торопил и торопил свою армию, крича, что отстающих ждать не нужно.

Когда отряд Токитиро наконец-то вскарабкался на гору Дэнгакухадзама, в просвете между деревьями показался неприятельский лагерь. Палатки усыпали весь холм Окэахадзама и всю долину возле него.

«Неужели Нобунага сошел с ума? – с замиранием сердца подумал Куми. – Ведь это же самоубийственно – воевать при таком соотношении сил!»

А Ода тем временем скомандовал:

– Ставить флаги на гребне горы!

– Господин! Но как же мы узнаем, где свои, а где чужие, если наши нобори останутся на горе?

– Как-нибудь разберемся. Все нобори – на гребень. Нарубите шесты, приделайте к ним какие-нибудь тряпки – и тоже выставьте их на гребень.

А потом внезапно набежали тучи, и пошел сильнейший ливень. Все воинство Имагавы укрылось в палатках. И вот тогда Нобунага приказал атаковать. Маленькая армия Овари понеслась по склону Дэнгакухадзама. Воины поскользнулись на мокрых камнях и грязи, валились с ног, но снова вставали и бежали за своим даймё.

Вот и долина. Игнорируя все прочие палатки врага, самураи Оды начали взбираться на холм, туда, где сквозь плотные струи дождя едва виднелись обвисшие знамена самого Ёсимото. Уставшие, перепачканные грязью воины увидели наконец ясную и понятную цель, к которой и устремились изо всех оставшихся сил. Еле живой Куми бежал вместе со всеми. На пути ему встре-

тился здоровенный асигару с эмблемой Имагавы на одежде. Этот воин, отдыхавший в палатке за чашечкой сакэ, выскочил на шум и пытался понять, что же происходит в лагере. Дунианин не смог вернуться, толкнул здоровяка плечом и повалил в свежую грязь. Бегущий следом копейщик Оды проткнул врага своим оружием, и у того выступила на губах кровавая пена.

«Вот я и стал убийцей...» – тоскливо подумал Куми, но, охваченный всеобщим порывом, продолжал карабкаться по склону холма Окэахадзама.

Когда ливень прекратился, вся армия Овари оказалась в центре вражеского лагеря. Выскакивавших из палаток вражеских воинов сразу закалывали, палатки подрубали. В стане Ёсимото воцарилось смятение. Внезапно затрубили мальчишки, оставленные Нобунагой возле флагов. Звуки рогов хорагай заставили солдат Имагавы посмотреть на вершушку горы и увидеть там трепещущие на ветру нобори. У них создалось впечатление, что враг повсюду. Это усилило панику в большой армии. Самураи трех провинций мужественно сражались, но асигару начинали потихоньку разбегаться. А когда знамена самого Ёсимото упали, подрубленные кем-то из воинов Оды, копейщики Имагавы помчались прочь, бросая на ходу оружие.

Нобунага, сражавшийся рядом со своими самураями, как сам бог войны, ревел:

– Ёсимото! Не дайте сбежать Ёсимото! Убейте его!

Куми на бегу кого-то толкал, от кого-то отбивался копьем. Тошнота и вялость не проходили. Если бы не имплантат, дунианин давно бы уже погиб. Но неутомимый ассистент вовремя предупредил своего хозяина, когда нужно пригнуться или уклониться от смертельного удара. Сзади, тяжело дыша, торопились асигару из отряда Токитиро. Их оставалось чуть больше дюжины.

Но вот уже не в кого стало бить копьем. Куми без сил упал прямо в грязь.

– Командир! Господин Киносита! С вами все в порядке?

Над ним склонился, придерживая коническую шляпу из дубленой кожи, седоусый асигару в забрызганном кровью нагруднике.

– Мы победили?

– Да, господин Киносита. Посмотрите, там, на пике, – голова Ёсимото. А рядом стоит наш владетель, господин Нобунага.

И тут Куми наконец-то стошнило...

Часть 4. Хасиба Хидэёси

Военный совет продолжался с самого заката. Армия Оды Нобунаги вошла в провинцию Мино и захватила город Иногути. Но местный даймё Сайто Тацуоки отступил вместе со всеми

воинами в замок на горе Инаба. И дотянуться до врага, засевшего в орлином гнезде, пока никак не получалось. Непрístupные укрепления возвышались над окружавшей гору равниной более чем на сто сорок кэн. Когда самураи Оды пытались преодолеть крутой склон, воины Сайто отстреливали их из мушкетов одного за другим. Ода, увидев бесполезность лобового штурма, приказал прекратить атаку.

– Что скажешь, Курода?

Ёситака без раздумий ответил:

– Если мы будем снова штурмовать Инабаяму, то только зря погубим армию. Предлагаю осаду.

– Твое мнение, Садакацу?

– Осада.

– А ты что посоветуешь, Сибата?

Суровый Кацуиэ, которого враги называли «Сибата-демон», свирепо оглядел всех собравшихся и рубанул рукой воздух:

– Я бы еще раз попытался атаковать!

Нобунага окинул его долгим взглядом и продолжил:

– Сакума?

– Осада.

– Нагахидэ?

– Штурм.

– Харада?

– Осада.

Когда высказались все самые доблестные самураи клана Ода, даймё поискал взглядом своего главного строителя:

– А ты что молчишь, Хасиба?

С тех пор как Куми за сутки с небольшим возвел форт на болоте возле слияния рек Кизу и Нагара, его не звал Обезьяной даже Нобунага. Даймё пожаловал своему главному строителю новое имя: Хасиба Хидэёси, которое включало в себя по иероглифу из имен двух самых доблестных воинов Овари – Нивы Нагахидэ и Сибаты Кацуиэ. А замок Суномата стал опорной точкой для вторжения в провинцию Мино.

Куми отошел от стены, где скрывался за спинами славных воинов, и заговорил:

– Штурмовать нет смысла – вы сами это видели сегодня. Только армию зря погубим. Осада – дело хорошее, но ведь нам в тыл могут ударить враги из Оми или Исэ. Остается лишь одно: сделать невозможное, тайком пробраться в замок, открыть ворота и тем самым предотвратить напрасную гибель множества доблестных воинов как с нашей стороны, так и со стороны противника. Ведь если Инабаяма падет, некоторые самураи Тацуоки смогут перейти к нам без потери чести.

– И кто сделает невозможное? Снова ты? – Нобунага с сомнением поглядел на Куми.

А тот поклонился со всем почтением и вышел из комнаты.

Сразу после военного совета дунианин отправился в Иногути и зашел в неказистый домик с красным бумажным фонарем у входа. В идзакая «Кава» кормили просто, но очень вкусно. Щедро расплатившись за ужин, Куми поблагодарил госпожу Эми за еду, а потом осторожно осведомился, кто приносит в заведение свежую дичь. Оказалось, что это охотник Хорио Йошихару, живущий на соседней улице.

Ночью маленький отряд с Хидэёси во главе отправился к северному склону горы Инаба. По едва заметным тропинкам их вел Хорио Йошихару, знавший здешний лес лучше, чем пальцы на своих руках. При свете полной луны они долго шагали под кронами больших деревьев, пока не подошли к утесу.

– Ждите меня здесь, – молвил охотник и начал карабкаться по отвесному склону.

Куми сначала даже не понял, как это ему удастся, но, приглядевшись, заметил, что Хорио пользуется трещинами в камне. Вот фигура Йошихару появилась на вершине скалы. Вниз полетела толстая пеньковая веревка. Один за другим воины Хидэёси взбирались на утес. Куми поднимался последним. Непривычному к таким упражнениям дунианину веревка изрезала обе руки, а на последнем участке восхождения из-под ноги выскочил камень.

«Ну всё! – подумал Куми. – Сейчас нас заметят!»

И сердце его тревожно екнуло.

Но звук от падения обломка приглушила листва деревьев. Когда взмокший от волнения командир вскарабкался на скалу, Хорио шепнул, что все в порядке. Зайдя в рожицу, они устроили короткий привал.

Отряду Хидэёси пришлось забраться еще на один утес, к которому примыкали стены замка Инабаяма. Потом было проще. Два воина из Овари перерезали глотки часовым, и путь в замок оказался свободным. Но Куми не торопился к воротам: до рассвета еще оставалось время. Он внимательно оглядел двор замка и заметил склады.

– Где-то здесь они хранят порох. Если всё поджечь, то им будет уже не до нас.

Хорио начал высекать огонь, но тут один из воинов Куми, ни от кого не таясь, спокойно прошел на замковую кухню и вынес оттуда горящую головню. Вскоре запылали крыши складов во дворе, и в замке Инабаяма началась паника. Пользуясь ею, бойцы Хидэёси

вырезали всю стражу у ворот, затем сбили засовы и открыли обе створки. В замок хлынули самураи из Овари. Инабаяма пала.

Куми уже давно не мутило от вида крови. Дунианин научился отстраняться от происходящего, как будто смерть сеял не он, а кто-то другой. К тому же его опыт жизни среди аборигенов показывал, что в некоторых случаях небольшая резня позволяла предотвратить действительно массовое кровопролитие...

Уверовав в военные таланты Хидэёси, Нобунага все чаще поручал ему водить армию в боевые походы. Иногда у Куми это получалось хорошо, иногда – не очень. В одной из кампаний он рассорился с Сибатой Кацуиэ и самовольно покинул армию. За такое могли казнить. Но Ода знал цену верным людям и простил Хидэёси. Через полтора десятка лет службы бывший носитель сандалий получил в управление целую провинцию и отстроил крепость уже для себя. Все чаще дунианин забывал, что он гость на этой планете, и думал он уже почти так же, как и аборигены.

А еще через несколько лет восстал Акэти Мицухидэ. Один из лучших полководцев Нобунаги не смог забыть смерти своей матери, погибшей из-за жестокости и вероломства Оды. Акэти собрал армию, но повел ее не на запад, куда должен был идти по приказу своего повелителя, а ворвался в столицу и окружил Нобунагу, ночевавшего в храме Хонно-дзи с одними только телохранителями. Даймё, поставивший на колени почти всю страну, был вынужден покончить с собой, чтобы не попасть в руки предателю.

Куми удалось разобраться в сложной ситуации раньше всех. Хидэёси быстро увел армию из непокоренной еще провинции на западе и разбил войско Акэти Мицухидэ в кровопролитной битве у горы Теннозан. У врага погиб каждый третий, у Куми – каждый шестой, но это уже совсем не беспокоило дунианина. Он привык к крови, привык к войне. Он ясно увидел цель – стать правителем этой страны, и двигался к ней последовательными, тщательно обдуманскими шагами. В следующем году он покончил с самим Сибатой Кацуиэ, а еще через год начал войну против Токугавы Иэясу. Тот разбирался в войне гораздо лучше Куми и нанес Хидэёси несколько чувствительных поражений, но в конце концов был вынужден признать его верховенство.

В этой стране издавна верховным правителем считался император, но Небесный Хозяин давно уже не имел никакой реальной власти. Правила от его имени сёгуны. Но и те утратили любое влияние на самовольных даймё. Сам Нобунага когда-то изгнал из столицы последнего сёгуна, Асикагу Ёсиаки, который выступал против клана Ода. Куми попытался договориться с Ёсиаки, чтобы тот признал дунианина своим сыном, но упрямый Асикага наотрез

отказался. Тогда Хидээси обратился к императору Огимати. Тот назначил Куми кампаку, высшим советником, который имел право говорить и действовать от имени императора. Разумеется, не просто так. Куми пришлось построить своему номинальному сюзеру новый дворец в столице и пожертвовать немало денег. Внук Огимати, Катахито, унаследовав престол после отречения деда, пожаловал дунианину аристократическую фамилию Тоётоми, титул тайко и должность главного министра. Теперь Хидээси мог успокоиться: его власть получила подтверждение от императора. Те, кто выступал против него, сразу же считались врагами Небесного Хозяина.

Часть 5. Тоётоми Хидээси

За несколько лет Куми объединил всю страну под своей властью. Громадная армия из двухсот тысяч опытных воинов могла выступить по его приказу в любой момент. Но куда? Все острова покорились ему. Никто не осмеливался бросить вызов могущественному Тоётоми Хидээси. А те немногие, кто на это решался, потом горько сожалели...

Тайко в сопровождении телохранителей направлялся в храм Дайтокудзи, чтобы почтить память своего бывшего господина Оды Нобунаги. У ворот, опирающихся на мощные красные деревянные столбы, он внезапно остановился.

– Когда здесь появился второй ярус?

– Мастер Сэн-но Рикю пожертвовал храму деньги на перестройку ворот, – почтительно ответил лысый послушник школы Риндзай.

– А что там сверху? – подозрительно осведомился Куми.

– Статуи Будды, его учеников и шестнадцати просветленных. Один из просветленных – сам мастер Сэн-но Рикю.

– Сам Рикю? Веди меня на второй ярус! – потребовал Куми.

Поднявшись по скрипучей лесенке, он вошел за послушником на галерею, где увидел новенькие изваяния. В центре сидел Будда Великое Сияющее Солнце с учениками – Кашьяпой и Анандой. По обе стороны от них расположились просветленные. Окинув их быстрым взором, Куми заметил статую Рикю. Мастер чайной церемонии в кимоно, кожаных сандалиях и с тростью в руке выглядел почти таким же, как и в жизни. Выбритая наголо голова была похожа на гигантское яйцо. На большеносом скуластом лице явно читалось не смирение, более подобающее подобной статуе, а превосходство. И тут Тоётоми вспылил. Он вспомнил, как Сэн-но Рикю убедил его вернуть из ссылки Кокэя Сотина, настоятеля храма Дайтокудзи, оскорбившего Исиду Мицунари. Из-за этого Хидээси чуть не поссорился с самым верным своим

полководцем. Затем тайко восстановил в памяти жалобу на Рикю от монахов Кофукудзи. Те обвиняли придворного мастера чайных церемоний в жульничестве при оценке редких вещей.

Гнев переполнил душу Куми. Рикю считает себя просветленным! Бездельник, не запачкавший себя кровью, не видевший, как гибнут в бою друзья, а лишь возившийся с чашками и вазочками, посмел поставить себя выше главного министра, объединившего страну и изнемогающего в постоянных трудах на благо всех ни-хондзин! Да как он посмел? Куми вспомнил, как высокомерно вел себя мастер, когда выслушивал его пожелания о золотой чайной комнате, которую тайко заказал перед визитом императора.

Но прежде чем что-либо делать, дунианин решил еще раз насладиться искусством чайной церемонии. Может быть, он слишком утомился, и привычный ритуал поможет вернуть ему спокойствие, так нужное главному министру.

Почтив память Нобунаги, тайко собственноручно начертал письмо, в котором, согласно традиции, испрашивал формальное приглашение от хозяина чайного домика. Послав гонца в собственный дворец Дзюракудай, Хидзэси вспомнил историю, которую рассказывали в столице о Сэн-но Рикю. Однажды тот отправил сына подметать дорожки и убирать сад перед чайным домиком. Наследник мастера отнесся к делу со всей ответственностью и серьезностью, он собрал весь мусор, все сломанные веточки, всю опавшую листву, вымыл каждую ступеньку, каждый камешек. Но отец оставался недоволен и отправлял сына начинать работу заново. Когда тот взмолился, что все сделано уже по три раза, и что он уже не знает, что можно сделать еще, Рикю заворчал, спустился в сад и потряс стволы деревьев. На безукоризненно чистую дорожку упали желтые и красные листья, и лишь после этого мастер чайной церемонии посчитал уборку оконченной.

Вскоре вестовой принес ответ от Сэн-но Рикю. Искусно начертанные иероглифы, которым позавидовал бы знаток каллиграфии, сообщали, что мастер ждет любого, кто зайдет к нему с чистым сердцем и добрыми помыслами. Куми заскрежетал зубами: при каждом удобном случае Рикю показывал, что считает себя выше и лучше своего повелителя.

Как-то весной тайко узнал, что в чайном саду расцвели асагао белого цвета. Чтобы посмотреть на это диво, он бросил все дела и выбежал из дворца Дзюракудай. Но, проходя по дорожкам сада, он не находил ни одного цветка. Все белые асагао оказались срезанными. Удивившись, Хидзэси вошел в чайный домик и увидел там вазу с единственным белым цветком.

– Зачем ты это сделал? – спросил он у Рикю.

– Ты разве не увидел, что этот асагао вобрал в себя красоту всего сада?

Тайко тогда промолчал, не желая спорить с мастером, но в его понимании тот лишь испортил то прекрасное, что уже получил от природы...

Чтобы попасть в чайный домик, нужно было согнуться, ибо мастер церемоний посчитал нужным сделать дверь такой же маленькой, как в рыбацких хижинах. Тем самым он хотел заставить любого гостя, вне зависимости от его чина или звания, склонить при входе голову и показать смирение и почтение к хозяину. Обычно Куми не обращал на это внимания, но сейчас обычная процедура еще больше разозлила тайко. Всю церемонию он просидел с каменным лицом, а когда Рикю подал ему чашку черного цвета, которую дунианин терпеть не мог, гнев захлестнул его черной волной. Лишь огромным усилием воли Хидзэси сдержался. Ему никогда не нравилась керамика мастера Орибэ, он предпочитал чашки, которые сделал Танака Тёдзиро, и Сэн-но Рикю прекрасно это знал, но снова поступил по-своему...

Тоётоми подошел к дежурному секретарю и приказал:

– Пиши! Придворному мастеру чайных церемоний Сэн-но Рикю надлежит покинуть Киото на тринадцатый день второй луны и отправиться в Сакаи для проверки чайных складов. А затем оставаться в Сакаи в распоряжении Исиды Мицунари. Без указа первого министра выезжать из Сакаи запрещается.

Куми надеялся, что успокоится, пока Рикю не будет в столице. Как ни сердился он на мастера чайных церемоний, но предавать его смерти все же не хотел. Он хорошо усвоил опыт Нобунаги, использовавшего сильные стороны всех своих приближенных и прощавшего им какие-то ошибки.

Спустя несколько дней Хидзэси получил письмо от Исиды Мицунари. Тот сообщал, что, по сведениям от шпионов, Сэн-но Рикю вступил в сговор с Токугавой Изясу и собирался отравить тайко во время чайной церемонии, подсыпав яд в горячую воду. Начинавший утихать гнев снова переполнил дунианина:

– Вернуть сюда Рикю немедленно и доставить во дворец Дзюракудай! Я повелеваю, чтобы он покончил с собой в двадцать восьмой день второй луны!

Но смерть мастера чайных церемоний не успокоила Тоётоми. Он повелел, чтобы злополучную статую убрали из храма Дайтокудзи и выставили у позорного креста для воришек. Затем изваяние Рикю утопили в реке.

Временами Куми вспоминал, что когда-то прилетел на эту планету с Дунии и где-то потерял Шоку. Имплантат-ассистент напомнил, куда могла упасть геолог. На том полуострове располагалась страна Тё-сэн, где жили канкоку. И Куми решил, что полагает их ему вполне по силам. Заодно найдется занятие для самураев, привыкших к войнам и не знавших, чем занять себя в мирное время. За несколько лет был отстроен флот из тысячи кораблей. А чтобы получить формальный повод для войны, он направил вану Сонджо письмо с вежливой просьбой пропустить самурайскую армию к границам Великой империи Мин и предложением принять участие в этой кампании. Но осторожные канкоку долго тянули с ответом, а потом все-таки отказали. Именно этого и ждал воинственный тайко. Он отправил огромную армию под командованием Укиты Хидэиэ на завоевание Тё-сэн.

Канкоку оказались не готовы к вторжению. За две луны самураи захватили обе столицы Тё-сэн, северную и южную. Ван бежал до самой пограничной реки Амноккан, откуда молил императора Чжу Ицзюня о помощи. Властелин Поднебесной долго не мог решиться, но в конце концов направил армию в Тё-сэн. Это сразу изменило ход войны. Самураям Укиты Хидэиэ пришлось отступить. Зная, каков Хидэёси в гневе, главнокомандующий не сообщал ему о поражении, а, напротив, рапортовал о новых победах. А в доказательство отправлял на родину засоленные носы и уши убитых канкоку, поскольку везти целые головы было бы слишком накладно. Убивали без разбору всех, кто не выказывал достаточного почтения к захватчикам. За время этой войны население Тё-сэн сократилось на треть.

А в Киото и Окаяме появились курганы, сложенные из отрубленных носов и ушей – Ханадзуки. Хидэёси милостиво разрешил монахам молиться возле них за упокой душ десятков тысяч канкоку, убитых его войнами. Тайко не испытывал по этому поводу никаких угрызений совести, ведь он только нес закон и порядок непонятливым жителям Тё-сэн. И если у них не хватило ума их принять, то это свидетельствовало лишь об их несовершенстве.

Часть 6. Куми

– Как вы оцениваете результаты этого эксперимента, уважаемый Саге Кванза?

– Я нахожу его блестящим и очень поучительным, драгоценный Чави Пили. Мы получили массу сведений на стыке многих дисциплин, которые окажутся чрезвычайно полезными нашей науке.

– А как вы полагаете, стоит ли возвращать Куми на Дуню?

– Что вы! Зачем нашей родной планете такое чудовище?

Виктор Банев
СВАТОВСТВО НИДУСА ПЕННЕТА

Наш герцог Кьюфог – храбрый малый,
Геройской славой окружен,
И, не задумавшись, бывало,
Бросался в гущу боя он.

Но стоит лишь завидеть деву,
Он вдруг краснеет от стыда,
В таких боях наш герцог смелым,
Поверьте, не был никогда.

И вот пропал покой и сон,
Наш герцог, кажется, влюблен!

Шут, распевая песенку, бил в тамбурин, прыгал и кривлялся, забавляя стражников и забывшую о делах прислугу. Герцог Кьюфог глядел на это веселье из окна башни.

– Что он там поет? – спросил он и тут же отвлекся, погружившись в мысли. – Так, – сказал он, прохаживаясь по комнате. – Я начну так. Любезная Кариада, сегодня замечательная погода... Ну нет, про погоду я говорил в прошлый раз. Может быть, рассказать про вепря, что мы забили на охоте? И что он распорол ногу загонщику Гураю Уну? Нет, это, наверное, слишком жестоко для такого момента. Как же мне признаться?

Оруженосец Кунлли Ун стоял и ухмылялся. Герцог заметил это и недовольно сказал:

– Убери противную ухмылку с лица.

Кунлли Ун тут же насупил брови и, опустив голову, поглядывал исподлобья.

– Ухмыляется он, – проворчал герцог. – Это тебе не дворовая девка, понимать должен. Подготовиться надо. Как ты думаешь?

– Я не знаю, господин герцог, у нас, у гоблинов, принято женщин красть.

– Вот поэтому вас все и считают глупцами, – укоризненно промолвил герцог. – Не можете беседу поддерживать, а сразу хватаете и... Хм, украсть.

Он сел на стул и, подперев голову рукой, задумался.

– Пожалуй, я скажу, что, мол, сплю плохо, аппетит пропал, и все из-за нее. Ерунда какая... Украсть... украсть... А может, и в самом деле – украсть?

Герцог снова посмотрел на Кунлли Уна. А тот вовремя спохватился, ухмылка соскочила с его лица и сменилась показной серьезностью.

– Ладно, – решительно сказал герцог, – последняя попытка объясниться. Если не получится, украду, клянусь!

* * *

Конная прогулка на свежем воздухе в ясную и теплую погоду, конечно, весьма приятна, если только не одолевают тяжелые мысли. И Кариада, посмотрев на задумчивое лицо герцога Кьюфого, улыбнулась и сказала:

– Отчего вы так печальны, герцог?

Тот замялся и с трудом выговорил:

– Настроение не очень хорошее...

И тут же трижды проклял себя за такую фразу.

– Отчего же? Что, никого не убили сегодня? – спросила Кариада и, увидев, как герцог опешил, звонко рассмеялась. – Простите меня, я пошутила.

Герцог Кьюфог грустно усмехнулся:

– А мне, знаете ли, не до шуток. Мысли одолевают.

– И о чем же вы думаете?

– Да так, – герцог опять замялся. – О жизни, и вообще...

Кариада вновь заливисто рассмеялась. И герцог Кьюфог заметил, что, как только она начинает смеяться, у него тут же сбиваются мысли.

– А вы знаете, почему вас прозвали Нидус Пеннет? – спросила Кариада.

Герцог отрицательно покачал головой.

– Говорят, вы бросаетесь в бой без лишнего размышлений, не заботясь о своей голове, как будто у вас ее нет.

– Мало ли что люди болтают, – смутился герцог.

Кариада смеялась.

Они выехали на живописную лужайку. В центре ее была растелена скатерть, уставленная хмельными напитками и яствами. Герцог и Кариада спешили, чтобы передохнуть. Слуги суетились, отводили коней, подносили еду, разливали вино, собаки путались под ногами... Герцогу кусок в горло не лез.

К нему подошел отец Кариады, тучный господин Трюхус, передал любимого сокола слуге, снял перчатку, взял Кьюфого под локоть и спросил:

– Почему вы ничего не едите, герцог?

– Я не голоден, – ответил тот, с трудом натягивая на лицо улыбку.

– Вы уж не обижайтесь на мою дочь, она вся в мать, так же остра на язычок. Вы знаете, как я с ней намучился в свое время? Я имею в виду мою жену. С ней было совершенно невозможно сладить. И ее родители, и моя матушка, и все наши родственники – все были согласны на наш брак. А она ни в какую. И вы знаете, что я сделал? Я похитил ее, – господин Трюхус засмеялся. – Вы представляете, я – и похитил? Ну, не без помощи слуг, конечно, но все же...

А герцог Кьюфог подумал:

«Что за день сегодня? Все как сговорились. Крадут, похищают...»

– Все, решено, украду, – сказал он, когда в сопровождении слуг и оруженосца возвращался в свой замок.

– Послушайте, господин герцог, – повернулся к нему Кунлли Ун, – вы не переживайте. Я все устрою, дело нехитрое.

– Да, конечно, – произнес герцог задумчиво. – А что они делают, когда их похищают?

Кунлли Ун пожал плечами:

– По-разному бывает. Лучше, конечно, если она от страха лишится чувств, тогда и связывать не надо.

– Связывать Кариаду? О боги... – покачал головой герцог.

– А может, замок штурмом взять? – засмеялся Кунлли Ун.

– Посмейся у меня, – сурово посмотрел на него герцог.

Солнце катилось к закату и пряталось за полог из густых облаков.

– Ночь будет темной, – заметил кто-то из слуг.

– Вот и хорошо, – подхватил Кунлли Ун и поднятой рукой остановил их небольшой отряд. – Самое время, пока отъехали не слишком далеко. Разобьем здесь лагерь, свяжем штурмовые лестницы, а как стемнеет, возьмемся за дело.

– Сегодня? – вздрогнул герцог. – Нет-нет, сегодня нельзя, нужно подготовиться.

– Да что там готовиться? До темноты успеем.

– Нет, мне нужно все обдумать. Лучше завтра.

– Да вы не бойтесь, господин...

– Я ничего и никого не боюсь! – прорычал герцог.

Кунлли Ун пожал плечами.

– Как скажете, – произнес он, махнул рукой, и отряд двинулся дальше.

А ночью герцогу Кьюфогу приснился сон, что он залез в спальню к Кариаде и пытается ее связать. Он обматывает ее веревками, но, проклятье, они не хотят наматываться. И еще – потерялся второй конец, и узел завязать не получается. К тому же

ему постоянно мешают и отвлекают. Кунлли Ун стоит и противно ухмыляется, а господин Трюхус пыхтит толстым носом и при этом приговаривает:

– Да-а, в наше время все было гораздо проще...

«Что проще?! Что?! – подумал герцог, выходя из себя. – Веревки были другие, что ли? Более послушные?!»

Вдруг он почувствовал прикосновение Кариады.

– Успокойтесь, господин Пеннет, – сказала она. – Вот же конец веревки.

Герцог проснулся совершенно разбитым, с тяжелыми мыслями, что этот сон явно что-то значит. Все утро и почти весь день он как будто находился в другом мире. И даже на замечания Кунлли Уна, что, мол, надо было все устроить вчера, тогда сегодня беспокоиться не о чем было бы, не обратил внимания. И только ближе к вечеру он взял себя в руки.

* * *

Двадцать крепких рук подняли тяжелую лестницу и приставили ее к раскрытому окну наружной башни замка. Услышав возню, во дворе замка залаяли собаки. Яркая луна светила на небе. Герцог Кьюфог поморщился.

Кунлли Ун, проверив надежность лестницы, поклонился и, взмахнув руками, произнес:

– Вот путь к вашему счастью, господин герцог.

А герцог нахмурился и, взглянув на окно, спросил:

– Что там?

– Там покои госпожи Кариады, – ответил Кунлли Ун.

– Что за чушь? – сказал герцог сердито. – Как покои госпожи Кариады могут находиться в сторожевой башне? Она что, стражник?

– Я все узнал. Ошибки быть не может. Она там.

Герцог покачал головой.

– Если это одна из твоих шуточек, – сказал он, ставя ногу на первую ступень, – и я вытащу оттуда какую-нибудь кухарку, то заставлю тебя жениться на ней.

– Возьмите факел, господин герцог, – усмехнулся Кунлли Ун. – А когда рассмотрите все, что вам нужно, просто выбросите его в окно.

– Не надо, – ответил герцог и полез наверх.

– Может, все-таки возьмете с собой пару человек? – бросил ему вслед Кунлли Ун.

– Нет, я сам, – возразил герцог, не оборачиваясь.

Он лез по лестнице, и в голове у него свербила мысль, что это какой-то розыгрыш. Что это все неправда, да и не может быть

правдой. Какая-то странная опочивальня, и стражи нет на стенах, и собаки надрываются, но их никто не слышит...

Он влез в окно и осмотрелся. И в лунном свете разглядел, что в маленькой комнате вроде тех, в которых стражники отдыхают, когда находятся в карауле, стоит кровать без полога, и на ней спит женщина.

Но Кариада это или нет?..

Это была она. Герцог узнал ее голос.

– Господин Пеннет? – спросила она, словно во сне. – Я вас ждала еще вчера. – И вдруг, будто проснувшись, приподнялась на кровати и воскликнула: – Кто здесь?!

И случилось то, чего герцог никак не мог ожидать. Она упала в обморок.

Герцог подошел к кровати: вот она лежит недвижимо, и можно уже похищать, – но он никак не мог сообразить, как и за что ее хватать. Он размышлял и медлил. И за дверью забрезжил огонь, и кто-то постучал в дверь и голосом Трюхуса спросил:

– Кариада, у тебя все хорошо?

И тут герцог перестал что-либо соображать. Он со стремительной решимостью закатал Кариаду в покрывало и взвалил на плечо. И почувствовал, что она гораздо тяжелее, чем он предполагал. Герцог подошел к окну, а там уже торчала голова Кунлли Уна. Герцог хотел крикнуть: «Что ты здесь делаешь?» – но в дверь снова постучали, и собака залаяла за дверью. И он молча вылез в окно.

С помощью Кунлли Уна герцог Кьюфог стаскивал Кариаду вниз и думал:

«Сейчас Трюхус с его людьми ворвется в комнату, и на наши головы посыплются стрелы. Нет-нет, стрелы не полетят, и горящая смола не польется, а просто нас схватят внизу, и будет стыд и позор, стыд и позор».

Но их не схватили, ни внизу и ни после, и они далеко отъехали, и рассвет забрезжил, и кони ступали мерным шагом, а Кариада сидела перед герцогом укутанная и все еще без сознания.

– И долго будет длиться обморок? – спросил герцог Кунлли Уна.

А тот лишь пожал плечами.

И когда они въехали в ворота замка, она еще была без сознания. И когда герцог Кьюфог нес ее наверх, в опочивальню, она находилась в глубоком обмороке. Но только он положил ее на кровать, как вдруг обнаружил, что ее руки странным образом обвилились вокруг его шеи, и он увидел, что она смотрит на него.

– Вы пришли в себя? – пробормотал он.

Она улыбнулась и разжала объятия.

А герцог выпрямился и начал задумчиво ходить по комнате, сбивчиво объясняясь:

– Кариада, я вас похитил. Но на самом деле это вы похитили меня, то есть не меня... а мое сердце.

Кариада звонко рассмеялась.

– Просто в моем окружении почти одни гоблины, – продолжал герцог, стараясь не сбиться, – а у них принято красть женщин.

– Это вам ваш оруженосец сказал? – спросила Кариада, смеясь.

– Откуда вы знаете? – удивился герцог.

– Прости меня, дорогой Пеннет, это я ему подсказала, просто ты был таким нерешительным... Пришлось тебя немножечко подтолкнуть.

«Ну и дела, – подумал Пеннет. – Может, и обморок-то был ненастоящим?»

И тут он вспомнил о Кунлли Уне.

– Вот мерзавец! – воскликнул он и выскочил из комнаты.

Смех Кариады летел ему вслед.

Он нашел Кунлли Уна и схватил его за грудки.

– Почему ты мне не сказал, что все это было подстроено?! – заорал Пеннет.

– Я обещал не говорить, – ответил тот спокойно.

– Предатель, я велю тебя палками гнать! – не унимался Пеннет.

– Госпожа не позволит, – возразил Кунлли Ун уверенно.

– Какая еще госпожа?

– Госпожа Кариада.

Нидус Пеннет покачал головой. Криво улыбаясь, отпустил Кунлли Уна, разгладил ему мятую одежду и сказал язвительно:

– Молодец!

И подумал, что наверняка и Трюхус был в сговоре, и они вели его, Нидуса Пеннета, герцога Кьюфога, как на поводке. И хоть он и чувствовал какой-то подвох, но все же шел, словно послушная овечка.

«Сон в руку, сон в руку».

У него пересохло в горле. Он сел за стол, толкнул в сторону Кунлли Уна кубок и приказал:

– Налей вина.

А когда он пил вино большими глотками, Кунлли Ун вдруг сказал:

– Простите, господин герцог, но если у вас родится дочь, она из вас будет веревки вить.

Герцог Кьюфог чуть не поперхнулся...

* * *

Под всеобщее веселье, под хлопки в ладоши, топот ног и звонкий грохот тамбурина шут прыгал, кривлялся и распевал:

Наш герцог был подобен льву,
Когда собирался на войну,
Он, словно тур, вздымал рога,
Когда стремился на врага,

Но, лишь заслышав голос звонкий
Любезной жenuшки своей,
Он вмиг становится ягненком,
Он вмиг становится котенком,
И даже иногда зайчонком,
И кем он станет, ей видней.

ПОЭЗИЯ**Николай Проценко
ОХОТА НА ЧЕЛОВЕКА****ПОЛНОЧЬ**

***«Чувство глубокого неудовлетворения
и тревоги вызывали у меня случаи, когда
смерть внезапно настигала человека».***

Александр Мень

За шуршанием ветра шагов он не слышал,
Не испытывал страха в полуночный час.
Он прошел по оврагу. К опушке он вышел.
И не чувствовал взгляд ненавидящих глаз.

Был удар топора сокрушающе мощный.
Голова раскололась. Убит наповал.
На развилке дорог, у желтеющей рощи,
Не успев даже вскрикнуть – убитый, – упал.

Где-то филин кричал заунывно-тревожно.
И далеким гудком отзывался вокзал.
Из разбитого черепа месиво мозга
Серый дождь вымывал, вымывал, вымывал...

ШОРОХ

*«Животные всегда боятся чужого,
чужой – это первый враг, даже если это
представитель того же вида».*

Александр Мень

Я спрятался за кустами.
А он убить меня хочет.
И расстояние между нами
 Всё короче.

Он – перебежками, пригибаясь;
И – очередь по кустам!
Он знает, что там **я** есть,
Хоть и не видит меня там.

Я убивать его не хотел.
Но иначе я б выжить не смог.
Я взял его на прицел
И нажал спусковой крючок.

Череп снесло ему над глазницами,
Смерть наступила мгновенно-быстро.
Чтоб в смерти его убедиться мне,
Не нужен контрольный выстрел.

Но я подошел – и в грудь.
И перевернул сапогом.
Я хотел еще раз перевернуть...
 Шорох – за кустом!

Юлий Шанс
ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ

ЧЕРЕМУХА

Что же ты, Черемуха, среди бела дня
Соблазняешь гроздьями многих и меня?
Ты зачем, родимая, вышла на дорогу
И стоишь, открытая всем ветрам, под богом?

Как-то Добрый Молодец потерял дар речи,
А Кощей Бессмертный от тебя ослеп...
От любви нечаянной – только время лечит,
А от страсти пагубной – средства вовсе нет!

Все подружки из лесу выстроились в ряд,
Их глазенки черные завистью горят!
Лишь сосна усохшая, стоя на холме,
Знает, чем все кончится – знает по себе...
1986

ГУДБАЙ

Я больше не хочу играть тебе Ромео,
Уж слишком я устал, чтоб слушать твою суть.
На улице коты – Луна им светит с неба,
Хочу я от тебя два года отдохнуть!

Меня не вдохновляет покупка новой шубы,
Мне очень далеки подобные мечты,
И не рыдай по мне, размазывая губы,
Схожу я на Луну – и не звони мне ты!

И угрызенья совести меня совсем не гложут,
Я больше не плетусь, как бобик, за тобой.
Я выпью за тебя – пусть Бог тебе поможет!
Моя любовь – гудбай, моя печаль – долой!
2011

КАРМЕН

Опрокинулась в цех панорама,
Загудел недовольно мартен...
Посреди грязно-красного хлама
Я увидел цыганку Кармен!

Значит, вовсе ее не убили –
Обманул гениальный Бизе!
Ее просто слегка напоили –
И отправили к нам на мартен.

Побежал за красоткой я было,
Но споткнулся о жесткий предмет –
И видение тихо поплыло...
И растаял ее силуэт...
2013

Стефан Брег
ДЕМОН

Вызов демона сразу пошел не по плану: Амфис начал заикаться, читая заклинание, а черный кот, наблюдавший за колдовским ритуалом, вдруг спрыгнул со шкафа и принялся кататься по полу, играя со своим хвостом. Разумеется, не нашел для игры места лучше, чем у искусно нарисованной пентаграммы и защитного круга. Когда Амфис увидел, какую прореху оставил хвост кота на начертанной мелком окружности, то стал заикаться еще сильнее. Вмиг задрожавшей рукой указал собрату Вергилию на неожиданную оказию. Тот неторопливо отложил манускрипт, но, увидев причину беспокойства, кинулся к кругу, словно горный козел через расщелину. Успел нацарапать стертый участок в самый последний момент. Ругаясь и брызжа слюной, с силой пнул ошалевшего кота.

– Говорил же – нечего этого шерстяного террориста сюда тащить!

Амфис на замечание не отреагировал, вновь и вновь повторяя последнюю часть древнего текста.

В центре пентаграммы вспыхнуло пламя, а через мгновение в ее пределах проступили очертания крупного рогатого создания. По подвалу прокатилась волна жара и отвратительного серного запаха. Кот прижал уши и смотрел на это безобразие с явным любопытством.

Наконец ужасное существо предстало перед колдунами во всей своей потусторонней красе: более двух метров роста, могучие когтистые лапы и выступающая нижняя челюсть, полная смертоносных клыков. Существо оглядело вызвавших его людей и округлило налитые кровью глаза.

– Опять вы?! – прогремел над сводами подвала свирепый голос.

Амфис в ответ лишь виновато пожал плечами: мол, да, виноваты, но куда ж деваться.

– Я говорил вам в прошлый раз, чтоб вызывали духов! – ужасный демон сжал кулаки, а пламя за его спиной вспыхнуло с удвоенной силой. Так и потолок подкоптить можно.

– Духи, – скривился Амфис. – Да от них же ничего не добьешься. Вызывал дух алхимика, а он ни в какую – лишь завывает, и все. Тут нужен кто-то посговорчивее.

– Посговорчивее?! – демон затрясся от такой наглости. – У меня свои дела есть!

– Да тут дел-то на пару секунд.

– Вызывайте других демонов, забудьте это заклинание!

– Так не знаем других, – встрял в разговор Вергилий.

– Я уж подскажу, – недобро прищурился потусторонний гость.

– Это после, – махнул рукой Амфис. – Для начала просто ответь: какую кость надо добавить в отвар левитации? Столько добра зазря перевели. И черепа, и ребра, и берцовые кости кидали – все бестолку.

– А чтоб вас! Из-за этой дребедени меня вытащили? У вас глаз нет или мозгов? В каждом втором трактате найти можно. Не буду отвечать, отправляйте назад.

– Библиотеку уже закрыли, а нам срочно надо.

– Отправляйте назад, ироды! – бесновался демон.

Амфис и Вергилий молча смотрели на него – не впервой эта истерика.

– До чего ж вы тупы! – закатил глаза монстр. – Крылышко, обычное куриное крыло бросьте!

Колдуны радостно переглянулись, словно вспомнили то, что давно знали. Амфис хлопнул себя по лбу:

– Ну конечно же, все так просто! Изыди, друг!

Демон пытался выкрикнуть что-то про новое заклинание, но пламя тут же поглотило его, и он исчез в клубах едкого дыма.

Вергилий с тряпкой склонился над пентаграммой, а его коллега вдруг почесал затылок:

– Погоди, а корень добавлять лопуха или папоротника?

– Тьфу ты, и я забыл! – нахмурился Вергилий. – Давай сюда мелок.

Екатерина Алексенцева КОШМАР

Патрик Хэмиет почти бежал по коридору, едва замечая здоровящихся с ним людей. Срочное совещание наконец-то закончилось, а в медицинском отсеке его ждали пациенты. Коридор плавно изгибался по окружности, повторяя контуры корабля. Патрик остановился перед входом в медицинский отсек, наскоро провел рукой по волосам. Он – главный судовой врач и должен выглядеть соответственно хотя бы перед своими подчиненными. Дверь открылась с тихим шипением, и он вошел.

В медицинском отсеке царила деловая суета. Почти все койки были заняты, корабельные врачи ходили между ранеными. Все работало как часы, без лишней суеты. Патрик удовлетворенно улыбнулся. Он сам отбирал себе людей, присматривал за ними, разъяснял особенности работы в космосе, позволял наблюдать во время сложных операций. Космический флот определенно мог гордиться и этим кораблем, и его медицинской службой.

– Доктор Хэмиет, у нас восемь тяжелораненых и пятнадцать в стабильном состоянии, – старшая медсестра Дженикс подошла и протянула ему список пациентов. – Мы можем начать операцию в любой момент.

– У кого меньше всего времени? – спросил Патрик. Сегодня у него было много работы, и надо было успеть. Непременнo успеть – он не собирался терять ни одного человека.

– Думаю, лейтенант Варникова. Она в тяжелом состоянии, мы ее стараемся стабилизировать, но если ситуация не изменится в ближайшее время, спасти ее не удастся.

Патрик ценил ее именно за такую прямолинейность – она никогда не приукрашивала состояние пациентов.

– Но и остальным семерым тоже будет нужна ваша помощь, – добавила Дженикс.

Патрик кивнул и направился к койке Варниковой, на ходу натягивая медицинский халат и перчатки. Упругий пластик плотно облепил тело, не оставляя ни кусочка свободной кожи.

Пациентка была совсем молоденькой – она закончила академию и пришла на корабль перед самым полетом. Патрик помнил ее, как и все пополнение – он проводил осмотр новичков и заносил данные в базу корабля. Лейтенанта Варникову считали очень одаренной, она была моложе всех своих сокурсников. Талантливый инженер, техника ее слушалась, словно дрессированная.

Как сказал их главный инженер Сэмми Уоткинс, в нее влюблены все компьютеры корабля. Красивая девочка, только очень худая.

– Черепно-мозговая травма, переломы двух ребер, подозрение на разрыв легкого, – зачитывала диагноз старшая медсестра Дженикс.

Патрик Хэмиет слушал внимательно, мысленно перетасовывая повреждения в порядке их жизненной важности. Сначала надо было исправить то, что могло убить ее. С остальным разберутся его коллеги.

– Доктор, я умру? – лейтенант Варникова открыла глаза и посмотрела на Патрика.

– Нет, деточка, ты не умрешь. Я постараюсь и заштопаю тебя, – ласково ответил он.

Хэмиет приказал перевезти девушку в операционную и направился следом.

Хирургия – это то, ради чего он и пошел во флот. Самая травмоопасная работа была именно здесь, в космосе. На обжитых и давно изученных планетах неприятности случались гораздо реже. Да и романтика исследователей неведомых миров... Для него, тогда еще совсем юного, это было так привлекательно.

Операция продлилась чуть больше часа, потом он уступил место доктору Ли. Остальное было уже не так сложно, опасность миновала. Варниковой еще долго придется болтаться в регенерационном растворе, но она поправится.

После нее Хэмиет оперировал и других. В основном, инженеров, но были и двое из охраны, те, кто первыми прибежали на место происшествия. Патрик резал, скреплял, заживлял, реанимировал. За это время им доставили еще троих. А еще через четыре часа в медотсек зашла капитан Элена Дарвич.

– Патрик, как тут у тебя? – поинтересовалась она, когда Хэмиет закончил очередную операцию.

– Элена, у нас лучшее оборудование и лично мной натасканные специалисты. Все было бы просто замечательно, если бы постоянно не приносили новых, – ворчливо ответил Патрик. В былые времена, на других кораблях, да где угодно и когда угодно, эти же операции занимали бы часы. С каждым. Но здесь он создал для себя маленький рай с лучшим оборудованием и сплоченной командой врачей и очень им гордился. И сегодня этот рай проходил проверку на профпригодность. – Что там вообще происходит?

– Там все еще очень опасно, – ответила Дарвич.

Она держала постоянную связь с инженерным отсеком, и ее уверяли, что угрозу обязательно ликвидируют. Сэмми Уоткинс, главный инженер корабля, не вылезал из машинного отделения, пытаясь удержать разваливающийся на части двигатель. Элена

даже представить себе боялась, что будет, если он тоже окажется в медотсеке.

Авария произошла внезапно, ничего не предвещало, никто не ожидал. Большая часть экипажа отдыхала, только несколько специалистов в инженерном отсеке проводили диагностику. От первого взрыва тряхнуло весь корабль, на несколько секунд прервалась подача энергии. Сразу же взвыли сирены, врубилась все стабилизаторы и компенсаторы, активировались аварийные службы. Потом было еще несколько взрывов – гораздо более слабых. К счастью, удалось избежать разгерметизации. Корабль встал, аварийная система заглушила все двигатели. Такая поломка в открытом космосе может стоить жизни всему экипажу, так что регламент безопасности очень строгий, а дублирующих систем – более чем достаточно.

В первые же минуты капитан Дарвич собрала экстренное совещание. За это время система успела охладить пострадавший двигатель, дав туда доступ инженерам и спасателям. Первые раненые оказались в медицинском отсеке, потекли данные о причинах и последствиях поломки. Впрочем, первое было пока неизвестно. Даже Сэмми не смог с ходу сказать, почему случился первый взрыв. Диагностика ни разу за все время полета не выявила ни одной аномалии.

– Ты плохо выглядишь, Элена, – Патрик обеспокоенно покачал головой.

Конечно, он и сам смертельно устал, ему безумно хотелось спать. Но Дарвич была бледной, с нездоровыми синими кругами под глазами. И ему не нравилось выражение ее глаз.

– Ну спасибо, Патрик! – устало рассмеялась Элена Дарвич. Они с доктором знали друг друга уже очень давно и могли позволить неуставную откровенность. – У меня зверски болит голова.

– Давай-ка я тебя продиагностирую, – предложил Патрик, думая о том, что негоже капитану ходить с головной болью. Это позорит всю медицинскую службу корабля!

– Обойдусь. Не бери в голову, пара таблеток анальгетика и оптимистичный доклад Сэмми – вот и все, что мне сейчас нужно. – Элена улыбнулась и хлопнула своего главного медика по плечу. – Будем надеяться, что я скоро получу и то, и другое.

Патрик кивнул. И он, и она будут работать до самого конца. Когда-то они и сошлись именно на этой общей черте – оба были слишком упрямы. Даже если корабль будет разваливаться на куски, он будет сшивать и резать своих пациентов, а она – руководить эвакуацией.

...Ситуация с двигателем прояснилась только через три часа. Сэмми Уоткинс разобрался в причине поломки и смог ее устра-

нить, и взрывы прекратились. Поток раненых иссяк, и Патрик наконец смог вздохнуть с облегчением. Работы было еще очень много, но по крайней мере новой не прибавлялось. Медицинский отсек был на высоте, Патрик мог заслуженно гордиться своими людьми.

Вскоре дали отбой тревоги, и ремонтная бригада занялась двигателем. Остальные расходились по каютам и местам штатного дежурства. В медицинском отсеке тоже стало спокойней. Пациенты были погружены в искусственный сон, почти весь персонал отправился спать. Патрик и сам уже собирался идти к себе, когда в отсек зашла капитан Дарвич.

– Ну что, как у тебя? – устало спросила она.

– Все в порядке, потерь нет, Элена, – ответил Патрик и полез за кружками для кофе.

Репликатор наполнил их горячим ароматным напитком.

– Ну и отлично, Патрик, – улыбнулась Дарвич, принимая у него кружку. Улыбка получилась какой-то неживой, но Патрик списал все на усталость.

Он отхлебнул густой, исходящий паром кофе и блаженно закрыл глаза. Тепло растеклось по телу, возвращая его к жизни.

– Кажется, мы справились, – тихо произнесла Дарвич.

– Да, Элена, мы справились. И будем вспоминать это как страшный сон. Всего лишь как сон...

– Патрик! Патрик, очнись! – чей-то голос едва пробивался сквозь стрекот выстрелов, шипение плавящегося металла и грохот взрывов.

Хэмиет шевельнулся и застонал. Цепкие пальцы небытия не хотели отпускать.

– Очнись, Патрик!

С трудом разлепив глаза, Хэмиет перекатился на бок, его стошнило. Пахло горячим металлом, озоном и горелой плотью. Рядом с ним за баррикадой из какого-то покоруженного до неузнаваемости оборудования и кусков внутренней обшивки корабля, скорчившись, сидел Сэмми Уоткинс. На его каске виднелись подпалины, а бронежилет был порван на левом боку. В своих больших ладонях Уоткинс сжимал штурмовую винтовку.

– Что случилось, Сэмми? – с трудом проговорил Хэмиет. Во рту было сухо и кисло, слова проталкивались, царапая воспаленное горло и цепляясь друг за друга.

– Тебя оглушило взрывом гранаты, я уж думал, ты не очнешься, – хрипло ответил Уоткинс. – Давай, приходи в себя.

Сэмми как-то дико усмехнулся, прикусил губу и приподнялся над баррикадой. Прошил пространство короткой очередью и

снова нырнул вниз. В тяжелые оплавленные листы брони, прикрывавшие их убежище, ударили потоки плазмы, дробно отстучал град пуль.

Война шла уже пять лет и не собиралась заканчиваться. Цивилизация сейчас больше всего походила на дрейфующий в космосе корабль со сломанными двигателями, экипаж которого медленно вымирает. И причину поломок никто так и не смог определить.

– А Елена? – все еще не до конца придя в себя, спросил Патрик.

Он помнил ее неживые глаза и улыбку из сна, и не ждал хорошего ответа.

– Там, – коротко ответил Сэмми, кивая куда-то себе за спину.

Она лежала, уставившись в потолок, холодная и мертвая. Ей снесло полголовы, каска не спасла. Патрик на секунду прикрыл глаза.

«Элена, ну зачем ты так?»

– А Варникова? Что с ней?

Уоткинс дернул плечом. Девчонка, совсем новичок. Ей бы в мирное время родиться, далеко пошла бы. Компьютеры ее любили, по-другому не скажешь.

– Умерла, минут десять назад, думаю. От кровопотери.

Что еще он мог сказать? Она ушла незаметно, тихо, как и жила. Просто уснула под перестрелку и взрывы, как под колыбельную.

– Тебе привиделось что-то хорошее, Патрик? Ты улыбался.

– Нет, это был кошмар, – вздохнул Хэмиет.

– При кошмарах не улыбаются...

Сэмми высунулся из-за баррикады и снова выдал короткую очередь. В этот раз он едва успел присесть – тонкий луч скользнул по самой макушке шлема, оставив на нем еще одну черную полоску.

– Это самый страшный кошмар, – сказал Патрик. Он подтянул к себе винтовку, проверил заряд. – Дженикс, мне нужны патроны.

– Держите, – медсестра протянула две новые обоймы. Надежная и верная подруга даже в кошмаре.

– Сэмми, знаешь, что страшнее всего во сне? – Патрик пружинисто встал и выстрелил. Три коротких очереди по три патрона в каждой. Три трупа. – Его нереальность.

Как еще назвать мир, где он мог спасти жизни, а не отнимать? Мир, где все кризисы уже пройдены, все поломки исправлены. Мир, в котором живы лейтенант Варникова и капитан Дарвич. Мир, где нет и не было этой бессмысленной войны. Только кошмаром, потому что он нереален. Мечта, которой не суждено сбыться.

Патрик снова выпрямился и снова выстрелил.

– Мы должны удержать эту точку любой ценой, – прохрипел Уоткинс. Кажется, он даже не очень вслушивался в то, что говорил ему Патрик. Пусть несет любую чушь, главное, чтобы жил и стрелял.

– Удержим, Сэмми! – Патрик зло оскалился и вытащил из нагрудного кармана гранату – одну из последних. Специальная разработка для ведения боя на космических кораблях – обшивку не пробивает, зато живую силу противника косит на ура. – Удержим. Мы ведь самая лучшая команда. Гордость флота. Удержим.

Война длилась уже больше пяти лет и не собиралась заканчиваться...

2017

Станислав Никишкин ПИСЬМО ИЗ БУДУЩЕГО

Пожалуйста, не удаляйте это письмо, не дочитав его хотя бы до середины. Не беспокойтесь, это не вирус, и, поверьте, это не спам.

Если я не ошибся, вы сейчас находитесь где-то в 2017-м, а может быть, и в начале 2018 года. Да, именно находитесь, потому что вы движетесь по линии времени, точно так же как и по линии пространства. И точно так же как может быть нелинейно пространство, может быть нелинейно и время. Не забивайте себе этим голову, потому что я пишу вам из будущего не для того, чтобы подтолкнуть вас к научным открытиям, которые уже сделаны в моем прошлом, и являются обыденностью в моем настоящем, а для того, чтобы предостеречь вас.

Все началось в 2020-х годах. Корпорация «UniStar» вывела на рынок премиум-технологий разработку по расширению возможностей человеческого мозга. Речь шла всего лишь об увеличении объема человеческой памяти, с возможностью избирательного хранения информации и доступа к ней. Устройство получило название «IDS-интегрированный накопитель данных». К новинке отнеслись с опаской, но вскоре продажи стали расти.

Хорошо обеспеченные люди по достоинству оценили возможности устройства: в один миг в вашей памяти могли всплыть точные цифры финансового отчета, данные по всем сделкам за любой период, любая информация, попавшая в поле вашего зрения хоть на долю секунды, все что угодно. Например, прочитав книгу однажды или даже просто пролистав ее, вы можете просматривать в памяти какие-то отдельные ее главы или создать раздел памяти с понравившимися цитатами. Ухудшение человеческой памяти с возрастом легко компенсировалось памятью программной. После усовершенствования IDS информация, хранящаяся на нем, могла выстраиваться в логические цепочки с вновь появляющейся информацией. Стоит отметить, что это привело к большому скачку как в науке, так и в других сферах человеческой деятельности.

Но у каждой монеты есть и обратная сторона.

Технологии менялись, устройство становилось сложнее, умнее, совершеннее и опаснее. Был создан модуль «Cerebrum», его стали вживлять всем новорожденным. С его помощью человек получил возможность просматривать информацию о состоянии своего организма, всего лишь запросив анализ работы всех

систем; вести диалог, не открывая рта, при этом собеседник мог находиться в любой точке планеты, и таких диалогов можно было вести одновременно десятки и сотни; обмениваться любой информацией, вплоть до метафизических переживаний и ощущений. Последнее в свою очередь породило абсолютно новый вид индустрии нелегальных развлечений. Например, вы можете испытать дурманящее воздействие наркотических веществ, избежав при этом ломки и зависимости – наркотики примет другой, а вы просто присоединитесь к закрытому каналу передачи его мироощущения именно в пиковый момент наслаждения. То же относится и к сексуальному удовлетворению, истязаниям и даже смерти.

Доступ к миру индивидуальных восприятий позволил далеко шагнуть медицине. Границы разума были уничтожены.

Если взять быт, то люди, живя вместе в одном помещении, могут воспринимать его совершенно по-разному, избегая конфликтов и больше не ища компромиссов. Достаточно настроить отображение цвета стен, потолка, пола, их фактуры и иных характеристик по своему усмотрению, просто вообразив это – и все. Мир стал действительно индивидуальным. Настолько, что мы перестали понимать, где реальность, а где наша программная адаптация.

Новости информационных каналов сыплются нам прямо в мозг. Данные о новых правилах и законах поступают моментально всем людям. То же происходит и с информацией о правонарушениях, которые немедленно фиксируются службой охраны порядка. У нас нет судов, потому что доказательства собирает сам преступник.

С помощью мозговых модулей были побеждены терроризм и бесконтрольная рождаемость.

Но со всеми плюсами мозговых имплантатов вскрылся и минус: их научились взламывать. И научились этому практически сразу, с момента их появления. Но сей факт тщательно скрывали, до тех пор, пока применение имплантатов не стало обязательным и повсеместным. Брейн-хакер мог одной только мыслью заставить миллионы человек, например, выброситься из окна или вскрыть себе вены, перевести все свои сбережения на определенный кодированный счет, устроить оргию или революцию. В ответ появились системы защиты с полным доступом ко всему содержимому вашего сознания, барьеры, препятствующие передаче данных; эти барьеры могли локализовать вспышку вирусной активности. Но все усилия мировых властей были тщетны. Наши технологии обернулись против нас, и мы оказались полностью беззащитными перед ними.

Наши мозги взламывают, заставляя нас жить и работать на загрязненных и не пригодных для этого территориях, облачая их в футуристические пейзажи иллюзорных надежд человечества. Мы больше не хозяева своего разума, мы – рабы. Рабы, не умеющие отличить истину от лжи. Открыв для себя невероятную свободу, новое измерение, мы сами заперли себя в клетку и обрекли на гибель.

Вчера мой модуль вышел из строя. Я не знаю причину отказа, и не знаю, как скоро это заметят. Что случится со мной после того как неисправность будет выявлена, я тоже не знаю, но могу предположить. Возможно, мне просто заменят модуль, стерев из памяти события последних дней. Вероятно, меня отправят в лабораторию для проведения полного расследования причин отказа, чтобы разработать новый мод для мозговых чипов. А может быть, просто уничтожат. В любом случае, сейчас это уже не важно. Если задуманное мной удалось, то все, что уже случилось, так и останется лишь тупиковым ответвлением временной ветви. Я транслировал текстовое сообщение электромагнитным импульсом, со скоростью, многократно превышающей скорость света, в ту же точку, откуда я пишу. Но благодаря искривлению времени оно должно оказаться у вас. Если это так, отправьте его своим знакомым, а те пусть отправят его своим. Вы должны предотвратить массовое использование мозговых чипов. Не дайте им завладеть реальностью.

Я слышу чьи-то шаги... у меня почти не осталось времени, но оно есть у вас...

Вадим Чеботарев СИСТЕМНЫЙ ТРЕПЕТ

Пыльная лампа свисала с потолка на длинном шнуре. Прямо под ней, в пятне света, сидели шестеро, стуча костяшками домино. То и дело проносящиеся в тоннеле поезда заставляли лампу раскачиваться, отчего по лицам людей скакали причудливые тени. С краю стола, неподалеку от электрического щита, расположились еще трое не принимающих участие в забаве.

Петюню не взяли по молодости, Рябой уже продулся и ревниво следил за игрой, а Сильвер устроился с книгой, задумчиво перелистывая страницы.

Все вокруг выглядело таким скучным и обыденным, что Петюня опустил голову и тихонько вздохнул.

– Тяжело, небось, с непривычки, – сочувственно заметил Сильвер, поглядев на него.

– Тоскливо как-то, – признался Петюня и слегка покраснел, отчего круглое, конопатое лицо его сделалось совсем детским.

– Не бойсь, молодой, – немедленно встрял Рябой. – Выдадут зарплату – сразу повеселеешь!

Он беззвучно изобразил всю палитру наслаждений, которая доступна человеку со средствами.

– Я не из-за денег, – сказал Петюня, покраснев еще больше. – Товарищ на железную дорогу устроился и уже столько всего повидал... – Он снова вздохнул и уныло покачал вихрастой головой. – Сначала завидовал мне – когда узнал про метро, а теперь говорит: «Поехали со мной».

Сильвер задумчиво пощипал редкую бородку и негромко продекламировал:

– Всем скажу: «Оревуар» – и уеду в Сыктывкар...

– Во-во! – подхватил Рябой. – Сык, тык и в кар, а деньги за сапоги так и не отдал!

– Ну как же вы не понимаете! – воскликнул Петюня. – Люди в космос летают, а тут... – он махнул рукой.

– Мы, Петюня, не просто аварийная бригада, – сказал Сильвер. – Это, чтоб ты знал, – экспериментальная модель будущего!

Доминошники затихли, с любопытством прислушиваясь.

– Умные головы давно сообразили, – продолжал Сильвер, закрывая книгу, – что как ни крути, всегда останутся вещи, которые можно сделать только руками.

– Точно, – снова вмешался Рябой. – Вот как-то раз у соседа на даче сортир обвалился, и я...

– Тихо, ты! – пихнул его локтем сосед. – Дай послушать!
Вся бригада уставилась на Сильвера, ожидая продолжения. Он не спеша налил из термоса чаю и с наслаждением отхлебнул.

– Ну давай уже, не тяни, – не выдержал кто-то.

– Так вот, – Сильвер поставил кружку. – Ученые взяли и посчитали, сколько для этого потребуется рабочих рук. В общем, получилось, что треть населения будет занята физическим трудом, а остальные – наукой, искусством и другими творческими кренделями. Чтобы не портить природу, все производство спрячут под землю. Ну и работяг тоже... Поближе к рабочему месту, да и вообще – для порядка.

– Это что же, – не выдержал Рябой, – наверху сплошь члены партии, а внизу аварийные бригады вроде нас?

Все возмущенно загалдели.

– Чего-то ты, Сильвер, загнул, – укоризненно прогудел бригадир, перекрывая гомон.

– А в увольнение пускать будут? – спросил кто-то.

– Будут, будут, – успокоил Сильвер. – Но только по ночам...

– А если я жениться захочу? – поинтересовался Рябой.

Рабочие начали многозначительно переглядываться, подмигивая и скрывая улыбки. Кто-то из игроков уронил костяшку и полез под стол, а бригадира одолел кашель.

– Тут так получается, что интерес будет, скорее, гастрономический, – ответил Сильвер, когда веселье улеглось.

Рябой заерзал на скамейке:

– Погоди, как это – гастрономический?

– А вот так, – сказал Сильвер. – Апофеоз социальной справедливости. Те, кто внизу, питаются теми, кто наверху...

Все потрясенно молчали. За стеной прогрехотал очередной поезд, лампа качнулась, и следом потянулись тени, отчего слова Сильвера показались особенно жуткими. Во всяком случае, Петюня ощутил липкий холодок страха.

– А как ученые про это узнали? – несмело спросил он.

– Экстраполяцию провели, – туманно ответил Сильвер.

Он огляделся и, видя сомнение на лицах, добавил:

– Послали подготовленного человека. Разведчика. Со специальной аппаратурой. Чтобы, значит, пробить пространственно-временной континуум и проверить...

– Брехня, – разочарованно произнес Рябой.

Бригадир досадливо крикнул, но ничего не сказал, только покачал головой и отвернулся. Игроки зашумели и вернулись к недоигранной партии, а Сильвер снова взялся за кружку.

– Я, кажется, фильм такой видел, про машину времени, – смущенно сказал Петюня.

Сильвер хладнокровно пожал плечами:

– Идеи носятся в воздухе... Говорю же: экспериментальная модель.

На какое-то время все замолчали. Остался лишь привычный повседневный шум метро, перемежаемый стуком домино.

Первым не выдержал Рябой.

– А что, молодой, – подтолкнул он локтем Петюню, – интересно было бы узнать, что будет лет через сто?

Петюня помотал головой:

– Такое только в кино бывает...

Сильвер опустил кружку, склонился над столом и сказал, доверительно понизив голос:

– Между прочим, реальные разработки ведутся уже давно.

– Разве можно обогнать время? – усомнился Петюня.

– Так ведь что такое время? – поглядел на него Сильвер. – Такой же поток, как в задаче про бассейн и трубу...

– И как труба, все время что-то новое приносит! – заржал Рябой, но, встретив взгляд Сильвера, умолк.

– Уравнение давно известно, – продолжал тот. – Его еще в восемнадцатом веке решили... Слышал про закон Бернулли?

– Мы его, кажется, еще в школе проходили, – неуверенно ответил Петюня.

– Вот видишь? – удовлетворенно сказал Сильвер. – А ты говоришь – кино...

– Где же такую трубу взять? – удивился Петюня.

Сильвер поболтал чай в кружке и показал Петюне.

– Видишь воронку?

– Вижу, – подтвердил Петюня.

– Вот тебе ускорение и сужающаяся труба. Для наблюдателя в ее центре все будет происходить настолько быстро, что его можно назвать путешественником во времени, а сам он останется на месте. Нужно только раскрутить побыстрее... Говорят, что даже на простой центрифуге будильник отстает на полминуты.

– Точно! – оживился Рябой. – Я на карусели катался в Луна-парке. Написано: три минуты, а по моим получилось – две с половиной! Подошел, значит, к мужику, который билеты проверяет...

– Да погоди, ты, – отмахнулся Сильвер.

Он снова испытующе посмотрел на Петюню:

– Ты про коллаидер слышал?

– Кто же про него не слышал, – обиделся Петюня.

– Большой Агромный Коллаидер, – сострил Рябой.

– Думаешь, просто так его круглым сделали? – Сильвер с намеком повертел кружкой. – И никто даже особо не скрывает, чего они там разгонять собираются...

– Ух ты! – восторженно выдохнул Петюня. – Ничего себе...
– Вот такие дела, – подвел итог Сильвер. – А ты в проводники собрался...

Петюня поник головой и уставился в стол. Он выглядел таким несчастным, что даже Рябой изобразил укоризненную гримасу, встретив взгляд Сильвера. Тот покачал головой и добавил:

– Так, глядишь, и сингулярность наступит, а ты будешь пассажирам выдавать...

– Какая еще сингулярность? – попытался отвлечь его от Петюни Рябой.

– Технологическая, – кратко ответил Сильвер, все еще поглядывая на Петюню.

– Сильвер, будь человеком, объясни по-нормальному, – возмущился Рябой. – Что еще за сингулярность?

– У тебя мобильник есть? – поинтересовался Сильвер.

– Ну, есть – и что?

– То самое! А лет десять назад ты про них и не слышал. Это вообще были какие-то подрасстрельные понты – только для господ офицеров...

Рябой почесал в затылке.

– Все равно не понял, – признался он.

Петюня поднял голову и застенчиво сказал:

– Я тоже...

Сильвер улыбнулся:

– Можно сказать, что это такой момент, когда скорость развития достигнет максимума. Выстрелит, как пробка от шампанского. Сплошной технологический фейерверк...

– Это что же, конец света, что ли? – озабоченно спросил Рябой.

– Наоборот! Наступление сингулярности будет началом нового мира, – воодушевленно сказал Сильвер.

– А старый куда денется?

– Исчезнет потихоньку...

– Эй-эй, – забеспокоился Рябой, – как это – исчезнет? Я в деревне домик присмотрел, и недорого... Хотел в порядок привести, чтобы все как у людей, а теперь что получается?

– Да это не скоро будет, – успокоил его Петюня.

– Как посмотреть, – возразил Сильвер. – Кому скоро, а кому и шиш с маслом. Это ведь не день рождения – назначил дату и жди подарков. Технологическую революцию в избушке не пересядишь...

– Может, и не будет никакой Сингареллы, – огрызнулся Рябой, подозрительно глядя на Сильвера. – Ты-то откуда знаешь?

– Сам подумай, – рассудительно сказал Сильвер. – Пока колесо изобрели, пока телегу к нему приладили – тысяча лет прошло. Древние греки даже самогонку гнать не умели...

– Да ну! – поразился Рябой.

– Вот тебе и ну, – парировал Сильвер. – Брагу пили и водой разбавляли – такая вот технологическая отсталость. Над ними там смеялись всем древним миром. Только они быстро поумнели и научились всяким полезным штукам. А самых смешливых начали в катапульту заряжать – для перевоспитания. Тут прогресс и пошел... Следующую тысячу лет поживее крутиться стали: корабли строить, мельницы ветряные, да и насчет самогонки сообразили. А потом и вовсе вскачь понеслось – аэропланы, электричество, компьютеры... Сейчас вообще, – оглянуться не успеешь, как пластмассовая жена будет тебе нанокотлеты жарить...

– Почему пластмассовая? – заерзал Рябой. – Мне, между прочим, настоящую невесту в компьютере нашли!

– Он ходил с полочки в какой-то салон, – охотно пояснил один из игроков, – поджениваться хотел, да не туда зашел, деревня, – он обидно захохотал.

– Аферисты, небось, – ухмыльнулся Сильвер.

– А вот и нет! – обиделся Рябой. – Наука! Планирование... э-э... успешной семьи и брака. Надо только правильную женщину встретить – ну, там, здоровье, вес, рост...

– И сиськи! – выкрикнул кто-то.

Вся бригада дружно закатилась смехом.

– Да ну вас! – насупился Рябой.

– Вот видишь, – сказал Сильвер, обращаясь к Петюне, – у каждого есть мечта. Только она должна быть достойной эпохи. Тогда за нее стыдно не будет...

– А из чего можно выбирать? – жадно спросил Петюня.

– Да из чего хочешь, – пожал плечами Сильвер. – Хочешь – по космосу путешествоуй, а хочешь – молнии руками лови.

– Хорошая тема, не сомневайся, – вмешался Рябой. – Я слышал, они больших денег стоят!

– Кто?

– Молнии!

– Это он про фульгурит, – пояснил Сильвер. – Я как-то рассказывал, так он неделю потом не появлялся. Больничный взял, а сам бегал по родной деревне с лопатой...

– Вот и неправда, – обиделся Рябой. – Я для поправки ездил, молочка парного попить.

– Рассказывай... – усмехнулся Сильвер.

– Погодите, а что такое фульгурит? – заинтересовался Петюня.

– Застывшая молния. – Сильвер пошарил по карманам и вытащил кусок провода. Намотав его на гвоздь, он ловко снял изоляцию и протянул Петюне. – Вот примерно так она и выглядит. Там, где молния ударяет в землю, остается окаменелый след, вроде такой трубочки. Его еще пальцем дьявола называют.

– А почему трубочкой? – не понял Петюня.

– Загадка природы, – заявил Рябой. – Но дорогущая... Ты, молодой, подумай! Вдвоем копать легче...

– Я имел в виду не фульгурит, а настоящие молнии, – сказал Сильвер. – Человек будущего сможет усваивать энергию в любом виде. И использовать как угодно, на свое усмотрение.

– Да ну, – угас Петюня. – Опять фантастика какая-то...

– Это не фантастика, – серьезно сказал Сильвер. – Это у тебя системный трепет...

– Чего? – удивился Петюня.

– Системный трепет, – терпеливо повторил Сильвер. – Предвкушение мечты, для которой требуется пересмотреть всю систему взглядов...

– И хочется, и колется, и мама не велит, – перевел Рябой. – Короче, это такая реальная маза, что тебя трясет, как перед свадьбой!

– Вроде того, – согласился Сильвер. – Если ты его преодолеешь и поверишь в свои силы – сможешь добиться всего, чего только захочешь.

– Что, на самом деле смогу молнии руками ловить? – недоверчиво спросил Петюня.

– Подумаешь, молнии! – Сильвер огляделся и незаметно подмигнул Рябому.

Поднявшись из-за стола, он подошел к стене и открыл дверцу электрического щита. Внутри тянулись разноцветные шины и ровные ряды здоровенных предохранителей. Игроки обернулись на скрип заржавленных петель и затихли, предвкушая представление.

– Эй! – подал голос бригадир. – Может, хватит дурью маяться?

Сильвер успокаивающе махнул ему рукой и посмотрел на Петюню.

– Значит, говоришь, фантастика?

Он поджал одну ногу, взялся за предохранитель и выдернул его из зажима. Польхнула короткая дуга, но Сильвер как ни в чем ни бывало шагнул к столу.

– Держи.

Он вложил Петюне в руку теплый керамический цилиндр, неторопливо опустился на скамью и снова взялся за остывшую кружку. Все выжидательно молчали.

Петюня недоуменно огляделся и поднялся из-за стола. Подошел к щиту, заглянул туда и повернулся к остальным, округлив глаза:

– Не может быть!

Словно по команде, все оглушительно захохотали. В приступе веселья сосед по столу колошматил Рябого по плечу, повторяя:

– Не может быть!

Когда смех начал утихать, Петюня робко улыбнулся и, снова поглядев на переплетение проводов, хитро подмигнул Сильверу.

– Стой! – закричал тот, но было поздно.

Петюня старательно поджал одну ногу, как это делал Сильвер, и решительно ткнул предохранителем внутрь щита.

Дуги в этот раз никто не увидел. Раскинув руки, Петюня отлетел от щита и опрокинулся на стол, чудом не зацепив лампу. Все повскакали со своих мест, ошарашенно глядя на распростертое тело.

– Что же ты парню дырявые сапоги подсунул? – спросил Сильвер Рябого, глядя на подошвы Петюни. – Хорошо, я фазу вырубил, это его остаточным долбануло...

Словно услышав, Петюня открыл глаза, приподнялся на локте и попытался что-то произнести дрожащими губами.

– Вот вам и системный трепет, – хладнокровно заявил Сильвер.

Бригадир сверкнул на него взглядом и открыл было рот, но тут на стене ожил селектор.

– Аварийная, что там у вас?

– Петрович, – вдавил кнопку бригадир, – кажись, конденсат в щите коротнул, – он беззвучно погрозил Сильверу кулаком. – Уже все исправили...

– Тогда дуйте срочно в третий коллектор, там решетку главного насоса забило, – прохрипел селектор и затих.

– Опять какая-нибудь дохлятина застряла, – уныло вздохнул Рябой.

Бригадир махнул рукой, и все зашевелились, разбирая нехитрый инструмент и то и дело оглядываясь на Петюню.

– С тобой, фокусник, потом поговорим, – пообещал бригадир Сильверу. – Этот пусть здесь остается, пригляди за ним, а как очухается – догоняй...

Он подтолкнул замешкавшегося Рябого и скрылся за дверью. Сильвер не спеша разулся и начал натягивать длинные резиновые сапоги. Петюня сполз со стола и уселся на лавку.

– Это же протез! – воскликнул он, глядя на ногу Сильвера.

– Ага, – ухмыльнулся тот, – сплошной пластик. Стал бы я без изоляции в щит соваться!

– Я думал, «Сильвер» – это из-за фамилии, – сказал Петюня растерянно. – Значит, все не по-настоящему – сингулярность, и чтобы молнию голыми руками...

– Дурак ты, Петюня! – рассердился Сильвер. – Надо же сообщать, где – маза, а где – фаза!

Он нахлобучил оранжевую каску и с сомнением поглядел на Петюню.

– Ладно, держи, – Сильвер протянул вынутый из-за пазухи томик. – Глядишь, ума наберешься ...

Петюня растерянно принял потрепанную книгу и посмотрел на обложку. На ней крупными буквами значилось: «Трансчеловек». Он поднял глаза, но Сильвер уже отвернулся, взял прислоненный к стене багор и шагнул прямо сквозь стену, догоняя ушедшую бригаду.

Екатерина Филиппова УКРОТИТЕЛИ ДРАКОНОВ

Драконы – собирательное название всех местных и приходящих из-за грани существ. Подразделяются на опасных, полезных и бесполезных.

Учебник для подготовительного класса начальной школы. Седьмое издание, исправленное и дополненное. Мерранский университет, 610 год.

На вершине холма ветер внезапно поменял направление и теперь дул в спину. Шлейф красноватой пыли, тянущийся до самого горизонта, накрыл и телегу, и уныло плетущегося драка. Огромный зверь оглушительно фыркнул и прибавил шагу, пытаясь обогнать пыльное облако. Телегу начало трясти еще сильнее – если это вообще было возможно. Рени попытался отряхнуть куртку, но только размазал жирную латеритовую пыль, превратившую синюю кожу в ржаво-красную с противными коричневыми разводами.

Возчик, прикорнувший на мешках с зерном, даже не проснулся, только повернулся на бок и сдвинул на лицо потрепанную шляпу. Похоже, что его не беспокоили ни пыль, ни изнуряющая жара, ни тряска. Рени привстал и начал вглядываться в дорогу, надеясь увидеть сквозь пыльную завесу долгожданную деревню. Внизу, под холмом, просматривался какой-то забор, только был ли это Синий Лес или просто очередной хутор? Телегу подкинуло на особенно большой кочке, и Рени едва успел ухватиться за край мешка, чтобы не свалиться. Драк перешел практически на бег, колеса ровно застучали по камням мощеной дороги. Возчик рывком подскочил, едва не потеряв шляпу, и натянул поводья. Драк пошел ровной иноходью, пыль развеялась, и вдали показалось легко узнаваемое стандартное здание трактира со сторожевой башней.

Возчик зевнул, потянулся, повернулся к Рени и вновь повел расспросы, которыми мучил пассажира чуть ли не всю дорогу:

– Значит, мастер, на практику едете?

– На практику, на три месяца. Только я уже говорил, что я подмастерье, а мастера получу после практики и диплома.

– Ну, нашивка с драконом есть, значит – мастер. А ежели нет нашивки – то не мастер. Вот у нашего Дариса нашивка такая же, только красная, и сразу видно, что мастер. А почему у тебя зеленая?

– Красная – у мастеров-укротителей, а зеленая – у подмастерьев.

– А зачем вокруг белые и черные точки?

Рени машинально погладил круглую нашивку и устало ответил:

– Это не точки, а маленькие дракончики.

– А почему маленькие? – Не дожидаясь ответа, возчик натянул поводья и довольно пробурчал: – Вот и приехали.

Драк остановился у забора трактира, несколько раз переступил на месте колоннообразными ногами и тут же попытался ухватить пробиравшегося мимо кисика. Пушистый дракончик с роскошным полосатым хвостом взмявкнул, метнулся в дом, драк получил вожжами по морде и обиженно засопел.

Возчик примирительно забормотал:

– Ну, сейчас, сейчас дам.

Он достал из-под мешков упаковку сушеного мяса, развернул листья, отломил половину и ткнул в сторону оперативно присутствующей пасти. Длинный язык в мгновение ока слизнул немалый кусок вместе с листьями. Возчик беззлобно выругался, попытался пристроить куда-нибудь оставшийся без обертки второй кусок, плюнул в пыль и отдал его довольному зверюге.

Из-за сарая выметнулась толпа мальчишек. Подбежав к драку, они привычно начали распрягать меланхолично жующего ящера. Самый старший гордо повел драка за собой куда-то за угол, тот покорно шел, воровато поглядывая по сторонам – а не бегают ли здесь кто-нибудь мелкий и вкусный.

Возчик одобрительно кивнул, поднялся на крыльцо и крикнул в приоткрытую дверь:

– Эй, Нелька, друга своего прозвала, его уже в стойло повели!

Из двери выскочила совсем мелкая девчонка, охнула, метнулась обратно, выбежала уже с туго набитым холщовым мешочком и рванула за еще видневшимся из-за угла толстым драковым хвостом, приговаривая:

– Да как же так? Я ведь с утра ждала! Вот драчиков сушеных припасла.

Рени с трудом сполз с горы мешков, потопал затекшими ногами, потер поясницу, поправил посох за спиной и неуверенно посмотрел на дверь – вроде бы декан говорил, что его должны встретить. Или ему прямо в башню идти?

На крыльцо суетливо выбежала сухонькая старушонка с пестрым половичком, трянула его пару раз, постелила у порога и приглашающее махнула Рени:

– Да заходи уже, только отряхнись сначала и ноги получше вытирай, а куртку у порога оставь, ребята протрут и принесут.

Рени послушно пошел к крыльцу, волоча за собой походный мешок. Возле лестницы попытался отряхнуть пыль, закружившуюся красным облаком и осевшую обратно, повесил куртку на

столбик крыльца, положил рядом мешок, пошаркал ногами по половику и вошел в дверь.

Зал трактира выглядел привычно: выскобленные столы, тяжелые, даже на вид неподъемные табуреты, парочка гномов за дальним столом, заставленным пивными кружками и мисками с огромными кусками жареного мяса, унылый эльф, грустящий над бокалом вина и тарелкой с какой-то травкой. Интересно, почему в каждом трактире обязательно сидят компания гномов и эльф? Рени покосился на мясо и непроизвольно сглотнул – завтрак был давно, обеда не было вообще, может, хоть с ужином повезет?

За стойкой что-то зазвенело и забулькало, и над ней сначала возникли два кувшина с пивом, потом медленно воздвиглась внушительная фигура трактирщика в потрепанной пятнистой куртке. Солнечный свет, внезапно проникший через мозаичное окошко, окрасил и куртку, и грубо вылепленное лицо хозяина в пронзительный зеленый цвет.

Два огромных кулака легли на стойку, маленькие и не очень добрые глазки уставились на Рени:

- Ну и кто к нам пожаловал такой красивый?
- И тощий, – раздалось из гномьего угла.
- Я на стажировку, к мастеру Дарису.
- Последний курс? А зовут-то тебя как, недокормыш?

Рени обиделся. Да, не богатырь, сколько ни ешь и ни тренируешься, все равно выглядишь тощим и нескладным. Наверное, это из-за роста, на взгляд он не ниже трактирщика будет – только в объеме раза в четыре меньше. И в тренировочных боях всегда в первой десятке был. Обидно. Тем не менее он вежливо приложил руку к левому плечу и представился:

– Рейнегард А'Нерсис, шестой курс Мерранского университета. Можно просто Рени...

– Столичная штучка, значит. Ну и что ты тут стоишь? В лесу прорыв, все ваши там, едва справляются, из города команду мастеров уже вызвали. Что заметался? Давай рысью, вниз по дороге к лесу, после второй просеки...

Не дослушав, Рени скатился со ступеней и неуклюжей трусцой побежал к воротам. Там его настиг вопль трактирщика:

– Куда понесся, так все три арга и будешь бежать? Эй, бездельники, драка верхового ведите. Ты хоть верхом умеешь?

К воротам подлетел давешний мальчишка на уже оседланном поджаром драке, соскочил, посадил Рени в двойное седло и хлопнул ящера по основанию хвоста. Рени едва успел поймать стремя, как драк сорвался в галоп. За спиной раздался крик:

– Его Бонго зовут!

Драк неся по вымощенной серо-голубой брусчаткой деревянной улице, подруливая хвостом на поворотах. На самом выезде из деревни из-за ствола огромного синего ильма наперерез драку бросилась девчонка:

– Стой! Да стой же, мне тоже к прорыву.

Резко затормозив, драк осел на задние ноги. Одним махом взлетев во второе седло, неожиданная попутчица хлопнула драка по спине, ткнула Рени в бок и закричала ему прямо в ухо:

– Гони! Там раненый!

Драк помчался дальше. Проселочная дорога нырнула в лес, запетляла между могучих стволов. Рени едва держался в седле, припав к шее ящера и вцепившись в боковые гребни. Девушка сзади покрикивала: «Давай, Бонго, быстрее, быстрее!» – и вроде бы даже магичила.

Вытянув вперед острую морду, ящер неся по переплетениям корней, практически прижавшись к земле и бешено работая лапами. Низко над головой пролетали толстые ветви с синей хвоей, где-то впереди нарастал неприятный, на грани инфразвука, гул. Промелькнула первая просека, дорога стала уже, стволы с серо-голубой корой слились в единую стену. Неожиданно возникла новая просека, и драк резко остановился. Рени едва не вылетел из седла, с трудом удержавшись за драков гребень, и посмотрел вперед. Неизвестно когда соскочившая с ящера девчонка уже бежала к мерцающему за второй просекой мареву.

Драк присел, Рени спустился на землю и тоже помчался через просеку, левой рукой вытаскивая из-за спины посох, а правой нащупывая на боку меч. Зеленоватое марево с красными всполохами начиналось сразу за просекой. Перед ним полукругом стояли пятеро воинов – четверо с обнаженными мечами и в середине пятый, с поднятым посохом, из которого редкие молнии били в почти вылезшую из прорыва жуткую тварь – покрытое слизью червеобразное туловище с огромной пастью, по бокам – наполовину вышедшие из тумана извивающиеся щупальца с присосками и крючками. В двух шагах от него лежал человек, прижатый к земле одним из щупалец.

Рени бросился вперед и встал рядом с мастером. Направил свой посох на чудовище и, запинаясь, начал проговаривать заклинание. Мастер отодвинул его плечом в сторону, выхватил из руки Рени ученический посох и быстро произнес:

– Я твоим поработаю, а ты возьми мой, там еще немного осталось, и вытаскивай Анроя.

Пригнувшись и уворачиваясь от щупалец, Рени попытался приблизиться к лежащему на земле мужчине. Щупальца хлестали справа и слева, одно из них зацепило сапог и дернуло вверх.

Каким-то чудом сапог соскользнул с ноги. Рени, прихрамывая, подбежал к Анрюю и, вскинув посох, выпустил слабенькую молнию, одновременно нанося мечом удары по прижавшему мужчину чудовищному отростку. Меч соскальзывал с покрытой толстым слоем слизи шкуры – или просто сил не хватало? В отчаянии Рени вместе с ударом направил на щупальце посох. Молния была совсем никудышная, видимо – последняя, но в сочетании с рубящим ударом подействовала. Шкура лопнула, и из широкого разреза хлынула зеленоватая жидкость. Надрубленное щупальце дернулось, разбрызгивая вонючую жижу, развернулось, отбросив Анрюю в сторону, и втянулось в марево.

Не обращая внимания на происходящее вокруг, Рени бросился к раненому. Возле него уже суетилась давешняя девчонка, разрезая рукав куртки на явно сломанной руке. Зыркнув на Рени, она скомандовала:

– Доставай бинты из сумки, нужно руку зафиксировать.

Рени слегка отодвинул ее, поднял на Анрое рубашку и стал рассматривать глубокую рваную рану у него на животе. Кожа вокруг раны уже вздулась и потемнела. Девушка попыталась оттолкнуть Рени и вновь скомандовала:

– А ну, быстро выполнять и нечего тут тарашиться! Я целительница и знаю, что делать – в отличие от всяких.

– Сначала нужно разобраться с раной на животе, там явно какой-то яд, поэтому он и без сознания, – возразил Рени.

– Ты что, целитель? Если тебе руку сломать и об землю шваркнуть, ты тоже будешь без сознания.

– Нет, я подмастерье укротителя. По микродраконам.

– Это что за фигня?

– Ну, такие совсем маленькие драконы, которых не видно, если не знаешь, как смотреть. Они тоже бывают полезные и вредные. Наш выпуск первым будет, сразу и укротители, и целители. А гранд-мастеров пока вообще всего два.

За спиной что-то ухнуло и загрохотало, запахло паленым. Не отвлекаясь, Рени сел рядом с раненым, постарался расслабиться и расфокусировал зрение, как делал сотни раз на занятиях. Рана приблизилась, заволоклась дымкой, заняла все пространство перед глазами. Вот разорванные тонкие трубочки, по которым обычно носятся крошечные дракончики, разнося по телу силу. Сейчас их трупки толстым слоем лежат на дне ущелья, а оставшиеся в живых пытаются закупорить разрывы, но все время срываются и падают вниз. А это что такое? Грязно-зеленые монстры выталкивают дракончиков наружу, все больше и больше разрывают стенки трубочек; в отдельных местах они вышли в окружающее пространство и выгрызли целые пещеры. И большие отряды за-

хватчиков уже двигаются по трубам вглубь. Рени поводит рукой над телом – да, прошли уже далеко, почти одну шестую пути до главного насоса. И где же драконы-защитники? Их слишком мало, на место одного побежденного монстра встает сразу десяток, они не успевают, и даже голосов их не слышно. Что же делать? Про этих зеленых хищников на занятиях не рассказывали. Только если методом тыка.

Чуть выплыв из транса, Рени спросил:

– Эй, целительница, у тебя противоядия есть какие-нибудь?

– А что тебе нужно?

– Все подряд из тех, что против запортальных ядов, по одной капле куда покажу. Начинать с купавника болотного.

Так, большая желтая капля накрыла поле битвы. Зеленые замедлились, остановились – и снова пошли в атаку. Еще одна желтая капля, потемнее – опять не работает. Розовая, белая, опять белая, голубоватая...

– Еще что-нибудь давай, быстро!

– Ну нет у меня больше противоядий.

– Все подряд капай, хоть желудочные, хоть от кашля.

Прозрачная – а вот это интересно. Зеленые остановились, стали съеживаться. Драконы-защитники набросились на них с новой силой.

– Что это было, последнее?

– Да просто примагиченный раствор морской соли слабенький, от насморка.

– Так, лей его по всей ране, погуще. И настойки купавника добавь пару капель. Ее ведь обычно внутрь дают? В рот ему тоже накапай.

Рени последний раз взглянул на рану глубоким зрением: защитники почти очистили поле битвы от хватчиков и продолжили охотиться за ними в глубине тоннелей и каналов. Подмастерье послал им заклинание направления и силы. Подумал секунду и добавил заклинание благодарности и ласки. Дракончики задвигались еще быстрее, помчались вглубь тела, догоняя и окружая редких уже зеленых монстров, послали в ответ просьбу о пище.

– Сок лайры разведенный есть? Давай ему понемногу.

Ответил Рени прерывающийся мужской голос:

– Ненавижу лайру, она кислая и привкус противный.

Целительница радостно заворковала:

– Очнулся? Вот и хорошо, сейчас рану закроем, не бойся, шить не буду, заклинанием. Ручку твою зафиксируем, сращивать уже дома будем. И все остальное проверим. – Она пошарила в мешке, достала бутылочку, выдернула пробку и поднесла горлышко к губам слегка приподнявшегося мужчины. Обернулась к

Рени: – Может, лучше настойку трисса? А ты пей, Анрой, не так уж и кисло, и привкус не противный, а смолистый.

– Нет, – задумавшись на мгновение, ответил Рени. – Они лайру просят.

– Ну, если просят... А почему именно лайру? И как ты их слышишь? Потом мне вообще все про мелких драконов расскажешь, главное, как на них смотреть. И в школе занятие проведешь. И у меня два сомнительных больных есть – вроде бы помогают зелья, но как-то слабо, и еще...

Поток вопросов и заданий был прерван насмешливым голосом:

– Остановись, неугомонная. Видишь, парень едва сидит, побелел, аж в синеву отдает, потом допросишь. Анрой, а ты куда под щупальца сунулся? Ладно, лежи, с разбором полетов подождем, поправься сначала.

Рени с трудом поднялся на ноги и оказался лицом к лицу с женщиной в такой же, как у него, синей куртке. Ох, да он же свою в трактире забыл, сейчас тоже выволочку получит за то, что без защиты на укрощение полез.

Мужчина насмешливо улыбнулся, явно прочитав мысли подмастерья, и подмигнул:

– Для первого укрощения неплохо, хотя суетился много, и с мечом тебе еще работать и работать, удар совсем никакой. Так, будем знакомиться. Ты, как я понимаю, Рейнегард, поступаешь под мое начало на три месяца. Я – твой стр-р-рашный и злобный начальник Дарис А'Нарсис. Эта решительная дева – наша целительница Мариола. А вот лежит растяпа Анрой, которому ты жизнь спас. Первое задание: сейчас вернемся домой и ты подробно опишешь и зарисуешь гадов, которых в крови увидел. И ход лечения тоже, в город отправим. Можешь гордиться, первооткрыватель, – такое чудище в первый раз прорвалось.

– Удалось укротить? – спросил Рени, озираясь.

– Нет, – с сожалением ответил Дарис. – Пришлось убивать. Судя по всему, из разряда опасных, хотя старшие мастера тушу еще посмотрят, вон валяется, что от нее осталось.

Осталось не очень много – голова с частью туловища, пара кусков щупалец и лужа зеленой слизи.

– Сейчас патруль из города доберется, вот и они.

Дарис приветственно замахал рукой заходящим на посадку драконам. Рептилии с трудом вписались в узкую просеку и тяжело плюхнулись на землю, подняв вихрь пыли, сорванной листвы и обломанных веток. С драконов стремительно соскочила группа мастеров и воинов. Старший, с черной нашивкой высшего мастера, подошел к Дарису:

– Молодцы, сами справились! Умеешь ты места для порталов выбирать, более неудобного не нашлось? А пришельца зачем в лапшу порубили, может, он полезный?

– А это вы сами уже разбирайтесь, какой он полезный, – ответил Дарис, приветственно хлопая начальника по плечу. – Что ядовитый – это точно! Вон, Анроя едва откачали. И если бы я места для порталов сам выбирал, у себя во дворе и открыл бы, чтобы далеко не бегать.

Начальник обернулся и внимательно осмотрел Рени.

– А, так это ты обещанный специалист по малым драконам? Это хорошо, давно пора вас в поле выводить, а то гранд-мастера зашиваются. Потом еще вокруг туши посмотришь, чтобы никакой заразы не занес, хотя это вряд ли. Да, называем его кальдером, категория – опасные, полезность не выявлена. Рисунки прикладываем. Мариола у вас художник, пусть в нескольких ракурсах делает. Так, тушу забираем и летим.

Останки опрометчиво полезшего в новый мир кальдера были уже оплетены защитным заклинанием и лежали возле дракона, готовые к транспортировке. Даже лужа зеленой слизи куда-то исчезла – видимо, тоже была собрана и упакована.

Гранд-мастер повернулся к Дарису:

– Поганый у тебя портал открылся, раз сразу такая мерзость полезла. Хотя... Он какой был? Зеленый с красными сполохами? Ну, не худший вариант. Серые с фиолетовым намного хуже. Теперь постоянный пост прямо здесь поставим, пока первая активность не утихнет. Я тебе пару своих ребят оставлю. Все, мы полетели, вторая группа остается на неделю, потом свяжемся.

Он развернулся и побежал к своему летуну. Драконы взлетели и пошли вдоль просеки, быстро набирая высоту.

Дарис обернулся к Рени:

– Возвращаемся. Зови своего драка, прихватывай девушку, а нашего раненого мы сами доставим.

Деревня встретила приветственным шумом толпящегося у околицы народа. Не успел Рени спешиться, как Бонго уже кто-то увел, а его самого Мариола потащила к крайнему дому:

– Вот здесь у нас все практиканты живут, с хозяйкой сам познакомишься, а вечером в трактир придешь, праздновать будем. – Махнула собранными в длинный хвост волосами и убежала.

В доме Рени был обласкан и накормлен хозяйкой, и наконец-то добрался до койки, возле которой уже лежал его походный мешок, а поверх него – вычищенная куртка.

«Я только чуть-чуть полежу с закрытыми глазами», – подумал Рени...

И провалился в глубокий сон.

Проснулся он только утром от громкого стука в дверь и еще более громкого голоса Мариолы:

– Эй, засоня, вставай быстрее, у тебя в школе сегодня выступление.

– Какое выступление, о чем?

– Ну ты же вчера обещал, помнишь? Сегодня первый день занятий, по традиции всегда укротитель перед первыми классами выступает. Дарис сразу сказал, что ты вместо него будешь, и о малых драконах расскажешь, и вообще...

Рени неохотно поднялся, натянул форменную синюю куртку и вышел из комнаты. Мариола нетерпеливо подпрыгивала у двери. Схватила Рени за руку и повлекла за собой, он только и успел схватить со стола кусок хлеба и начал жевать на ходу.

Девушка втащила его в здание школы и втокнула в класс.

– Знакомьтесь, дети. Это – Рейнегард, стажер из столичного университета. Он проведет у вас первый урок.

Перед Рени сидели десятка два мальчишек и девчонок и с интересом ожидали начала представления. Уже знакомый паренек из трактира помахал ему рукой и гордо сообщил соседу:

– Я с ним еще вчера познакомился.

Рени почувствовал, что наконец-то проснулся – преподавать ему нравилось. Он подошел к учительской кафедре, улыбнулся и предложил:

– А давайте все сделаем наоборот: вы мне будете рассказывать, что знаете о драконах, а я буду слушать. Кто первый расскажет, почему всех тварей называют именно драконами?

Поднялся лес рук. Рени кивнул сидящей за первой партой девушке. Она встала, повернулась к классу и начала заученным речитативом:

– Когда шестьсот одиннадцать лет назад наши предки прибыли сюда на большом космическом корабле и впервые спустились на землю, маленькая дочка капитана Геррона, Джана, посмотрела на небо и крикнула: «Смотрите, летят драконы и огнем дышат!» Когда все посмотрели на небо, она опять крикнула: «Смотрите, и из леса выходят огромные драконы, и по полю бегут маленькие дракончики!» Теперь всех так и называют: драконы. Даже тех, кто потом стал выходить из порталов. – Девчушка помолчала и тихо добавила: – Тогда драконы их почти всех убили и корабль драконьим огнем уничтожили. Поэтому мы потеряли, – она запнулась и продолжила по слогам, – тех-но-логии, и должны были изобретать все сначала.

Трагическую историю первых поселенцев знал каждый на планете. О них были написаны тома исследований, романы, песни и сказки. Памятник Джане стоял на центральной площади

столицы, а то, что осталось от корабля переселенцев, до сих пор пытались изучать мастера.

Рени понял, что молчание затянулось, и продолжил урок:

– Вижу, что вы все хорошо знаете нашу историю и историю драконов. Да, колонистам было тяжело, через год после посадки их осталось меньше двух тысяч – одна десятая тех, кто должен был основать колонию. Множество колонистов погибло в первые дни от нападений больших и малых драконов. Еще больше погибло, когда начали открываться порталы и из них стали выходить твари еще более опасные, чем местные чудовища. Кто скажет, что изменило нашу жизнь?

Класс загомонил. Каждый пытался перекричать соседа. Кто-то вещал о мастере Геррале, первом укротителе драконов, потомками которых стали ездовые, верховые и летучие драки. Кто-то рассказывал о первых прошедших через порталы гномах и эльфах, принесших на планету магию. Кто-то просто пел: «Драконы наступают, беги, Джана, беги!»

Когда все накричались, Рени продолжил:

– Мастера-укротители охраняют порталы и защищают нас от опасных драконов. Бесплезные живут в резервациях. А еще бывают драконы условно полезные, это те, про которых мы пока не знаем, какую пользу они могут принести. Они тоже живут в отдельных резервациях, а мастера их изучают и пытаются приручить. А кто может назвать хоть одного полезного дракона?

Девчачий голос пискнул:

– Кисики, они мягкие, пушистые и ловят драчиков, которые грызут зерно. И с ними можно играть. И если что-нибудь заболит, они ложатся рядом и лечат.

За спиной у Рени тихо хмыкнула Мариола. Ну, хмыкай не хмыкай, а по паре кисиков в каждом доме живут, и да, лечат, хотя целители до сих пор уверяют, что это самовнушение.

Дверь распахнулась, заглянувший в класс Дарис крикнул:

– Портал замерцал, ждем новый прорыв, бегом, твой драк у крыльца!

Рени рванул за ним, притормозил, обернулся к детям: «Продолжение завтра!» – и поспешил вслед за командиром.

Знакомая дорога через лес показалась короткой. За просекой мерцал портал, все такой же зеленоватый, только всполохи были не красные, как в прошлый раз, а ярко-изумрудные. Мастер и стажер встали бок о бок, подняли посохи и направили их на портал. За ними полукругом расположились бойцы с мечами. Портал запылал еще ярче, вспучился, с хлопком прорвалась пленка, и из разрыва выскочили две фигурки в каких-то черных балахонах, явно женские, но очень уж маленькие. У каждой – голова, две

руки, две ноги; у одной длинные распущенные светлые волосы, у другой – темные.

«Вроде бы не опасные, – подумал Рени, – на нас похожи, только мелковаты и кожа белая».

Пришелицы прижались друг к другу и издали долгий пронзительный вопль:

– Ооо-орки!

Дарис опустил посох и повернулся к Рени:

– Беспольные дракошки. Вы таких проходили? Нет? Не опасны, ограниченно разумны, но очень приставучие. Все время что-то бормочут, да так выразительно, и на песке рисуют. Язык выучить не способны, только жесты понимают, но могут выполнять простые работы. Да жалко их напрягать, мелкие уж очень и хрупкие. Надо вызвать патруль с транспортником, пусть их в приморскую резервацию отвезут, они обычно плавать любят. Там таких уже штук сорок набралось. Плохо только, что опять самочки, самцов там всего четверо, а эти через порталы так и лезут, особенно в последние годы.

Подошедшая Мариола ласково поманила пришелиц:

– Пойдемте, девочки, вас не обидят. Мы сейчас вас покормим, отвезем на море, пойдемте.

Пришелицы отрицательно замотали головами, плюхнулись на траву, обнялись и зарыдали. Очутись рядом знаток иномирных языков, он смог бы разобрать среди всхлипываний:

– Ну, Сонька, дура, ты куда нас затащила? Смотри, какие страшные ящеры! А эти зеленые с палками – ну точно орки, огромные какие! И злобные. Вон тот с длинными волосами нас подманивает, смотри, клыки показывает.

И такой же захлебывающийся ответ:

– Так я к эльфам портал открывала, все по книге, и свечи зеленые сама делала. Может, они нас все-таки не съедят? А мы им что-нибудь изобретем. Пистолет, там, или железную дорогу.

Знатоков иномирных языков рядом не оказалось, неразборчивая для нормального уха речь с трагическими подвываниями продолжалась.

Рени убрал посох за спину и обратился у Мариоле:

– Оставь, сейчас мастер по бесполезным драконам прилетит. И успокоит, и отвезет куда нужно. Лучше мне объясни, почему ты думаешь, что настойку трисса можно вместо лайры давать?

Он снял куртку и перебросил через плечо. Приобнял девушку, сорвал с куста желтенький цветочек, аккуратно засунул ей за острое зеленое ушко, и они пошли к Бонго, меланхолично жуящему неудачливого мелкого драчика.

Владимир Торин
ЛЕМОНИ

Еще одна история из жизни стимпанкового города Габена.

– Уазаа! – Это вы морщитесь, жуя горькую пилюлю.

Как будто вы взяли рыбью чешую, смешали ее с крысиным пометом и обмакнули в слюну гремлина. Вы наивно решили, что мигрень пройдет, стоит вам бросить пилюлю в рот, разжевать, проглотить и... что ж – мигрень действительно постепенно проходит, но ее заменяют тошнота, озноб и покалывание чуть ниже спины.

Лекарства – они такие – порой кажется, что они делают лишь хуже. Они горькие, противно скрипят на зубах, вызывают усталость и сонливость – общую вялость. Они напоминают отраву занимательного действия, а «занимательное» оно лишь для коварных интриганов с черными саквояжами и строгими бакенбардами – для докторов, которые прописывают наивному обывателю порошочек или же мазь, а потом «наблюдают его», что с их языка переводится как «любопытно, что эта обезьяна будет вытворять, если угостить ее пилюлькой со вкусом пыльного пианино?»

Что касается Габена, то здесь лекарства действительно часто делают лишь хуже. И дело не только в их гадостном вкусе (если вы их жуετε) или в том, что они застревают в горле (если вы их глотаете), а в побочных эффектах. Сама суть местного аптекарского дела строится на упомянутых эффектах. У каждой мази, притирки и пилюли, у каждого порошка и экстракта, у каждых капель есть то, что не позволяет покупать их необдуманно.

Скажем, у вас побаливает сердце от постоянных прыжков веры в лапы кредитных сообществ и неизменного разочарования в порядочности банковских клерков, и доктор прописал вам «Зеленые капли Поупа», но от этих капель у вас разовьется хроническая чихота (с присвистом). Если бы вы ушибли руку ставнями, пытаясь влезть в чужое окно, вам прописали бы мазь «Неболитта», но она вызвала бы у вас рвотный рефлекс от каждой шестой ложки еды (в независимости от того, что вы едите). И так вот со всем. И все об этом знают, но ничего не могут поделать: уж лучше раз в день забывать, где находишься, чем изо дня в день терпеть хроническое невыносимое жжение в подмышках из-за гребли веслами через лужу быта (образно выражаясь, естественно). И тогда они идут в аптеку, к примеру, в «Горькую пилюлю Лемони», выставляют очередь, покупают свои таблеточки, глотают их, морщатся

– уээээ! – и отправляются по своим делам, чтобы вскоре вернуться и купить уже другие пилюли – от недомогания, вызванного первыми. А добродушные аптекари в Габене только и рады вам услужить, ведь вы, ваши мигрени, расстройство ваших нервов и желудков, ваши ссадины из-за спортивного боксирования с обезьянами в пабе и прочее – их хлеб, а иногда даже пирожные с заварным кремом.

В Тремпл-Толл, Саквояжном районе Габена, всего две аптеки: «Аптека Медоуза» на перекрестке Бромвью и Харт – весьма успешное дело, и крошечная «Горькая пилюля Лемони», знававшая и лучшие времена – времена, когда за стойкой стоял ныне покойный батюшка теперешнего аптекаря, наделенный несравненным честолюбием и совершенно лишенный совести. Об этой аптеке речь у нас и пойдет.

Располагается она на углу зеленого дома на улице Слив, буквально в двух шагах от трамвайной станции. Неподалеку шумит листьями на ветру парк Элмз, с другой стороны доносятся глухие удары и гудки пароходов с канала Брилли-Моу.

Здание, в котором приютилась аптека, давно не ремонтировали, флюгер на крыше проржавел, а краска на ставнях облупилась. Местный дворник, мистер Петерс, не особо обременяет себя подметанием листьев возле «Горькой пилюли Лемони», а почтальон, мистер Бомни, частенько забывает занести туда свежий выпуск «Габенской Крысы». Сказывается близость к каналу и Фли, Блошиному району, который простирается за ним. И верно: до Фли рукой подать, а сам мистер Лемони из окна своей квартирки над аптекой пару раз видел в подзорную трубу гигантских блох, которые прыгали там по крышам домов. Нечего удивляться, что в аптеку частенько захаживает всякий сброд.

К слову, о сброде. Неподалеку от входа стоит, прислонившись к стене, Шляпс. Он играет на расхристанной, как пьяный моряк, гармошке и подпевает ей. Надеется, что кто-то швырнет ему мелочи.

Эй, милый Доктор, вылечи же меня скорей!

Эй, милый Доктор, или попросту меня прибай!

Я ненавижу всех кругом с девяти до пяти часов.

Я запер свою жалкую-жалкую жизнь на засов!

Узенькая задняя дверь, прячущаяся под аркой, открывается, и из нее выползает местный цепной пес – сгорбленная и всклокоченная мадам Клопп.

Мадам Клопп недовольна буквально всем буквально всегда. Мадам Клопп – вдова и живет над аптекой, а еще она теща аптекаря.

– Пошел вон отсюда, проходимец! – вопит она и корчит жуткую рожу. – Вот позову констебля – он не будет с тобой возиться!

Шляпс подбирает с брусчатки шляпу и в страхе ретируется в сторону Зеленой улочки. Повисшая на ремне гармошка сходится и расходится, будто улыбка, она болтается, шумит и гудит, вторя отдаляющемуся топанию Шляпса. Но со временем она затихает.

Мадам Клопп возвращается в аптеку.

– Лемюэль! – вопит она с порога. – Снова этот бродяга ошивается поблизости! Когда ты с этим что-то сделаешь?!

– Да, мадам! – устало отвечает аптекарь.

– Что «да»? Ты должен отравить его, засунуть в мешок и отнести к каналу!

– Но он ведь ничего такого ужасного не сделал!

– Он поет эти паршивые песни и распугивает клиентов! Ты должен рассказать о нем мистеру Тромперу, пусть отделает его своей дубинкой! На тебя совсем нельзя рассчитывать, Лемюэль! Лучше бы Хелен вышла замуж за констебля, а не за тебя!

– Да, мадам.

Тут он с ней согласен. Лучше бы Хелен вышла замуж за констебля, а не за него. Но ничего поделать с этим он не может. Разве что умереть. Но, если по правде, умереть он тоже не может. Ему нужно поддерживать семейное дело. Он не может подвести прадедушку, ведь прадедушка наблюдает за ним. Вернее, не он сам, а его череп в стеклянной витрине. Он стоит там, на полке, в своем лимонном парике, подходящем формой на луковицу, и оглядывает общий зал. Недовольно взирает на пыльные стекла витрин, на паутину на плафонах газовых ламп, на скрежещущий, как якорь, протянутый по морю гвоздей, кассовый аппарат, на странную женщину, которая устроилась на стуле с длинными ножками. Стул этот примостился в самом темном углу аптеки, вырастает едва ли не до потолка, и к его сиденью ведет лесенка. Оттуда эта странная женщина неусыпным взглядом озирает общий зал, очередь посетителей и, конечно же, человека за стойкой.

За стойкой неизменно можно обнаружить самого мистера Лемони. Это невысокий тихий человек с неприметным лицом и невыразительными бакенбардами. Большие глаза выглядывают из мешков вокруг них, словно испуганные мыши. Редкие черные волосы аптекаря не только зачесаны не на ту сторону, которая нравится ему, а на ту, которая нравится его жене, так они еще и напوماжены сверх меры, из-за чего он постоянно чувствует себя втиснутым в баночку с ваксой.

– «Горькая пилюля Лемони». Чем я могу вам помочь?

Мистер Лемони – плохой аптекарь. Ему не нравится отпускать лекарства. Это буквально сводит его с ума. Но больше всего ему

не нравится поддерживать общение с людьми. С момента, как он открывает входные двери в девять утра и до того, как он гасит фонари на улице в пять часов вечера, жизнь его представляет собой резиновую рутину и сплошные нервы.

А как иначе, ведь есть такие люди, которые могут вывести из себя даже чугунный фонарный столб. Речь идет о старушках, совершающих променады, нечто вроде круиза по городу, и один из портов, куда они заходят, – традиционно «Горькая пилюля Лемони» на улице Слив. Они выползают из трамвая, кряхтят, страдают, еле тащатся, заходят в аптеку, отрепетированно жалуются на жизнь, после чего пытаются пообсудить с господином аптекарем все, начиная с их облезлых котов и заканчивая их облезлыми внуками. Поделившись со всей аптекой сведениями, которые никому не нужны и не интересны, да и занудны настолько, что хочется взять и застрелиться, они покидают «Горькую пилюлю Лемони» и направляются дальше – мучить господина газетчика, господина молочника, господина сапожника и господина констебля на углу. А затем – мороженое, воздушный шарик, любимая газета, скамеечка в парке Элмз и путь домой – они боятся опоздать к обеду: одной ненавистью окружающих к себе сыт не будешь.

Есть также помешанные на своих питомцах чокнутые дамочки и патетичные джентльмены, приносящие ручного хрякка, замotanного в шарфик, или вваливающиеся вместе с огромным монстром породы грибальд, расталкивающим очередь, рассыпающим кругом шерсть и лающим так, что стекла выпрыгивают из окон и бегут в сторону канала топиться. Эти уважаемые владельцы животных активно имитируют иностранцев (делают вид, будто не понимают языка, на котором с ними говорят) и начинают спорить, вопить, угрожать и слезливо молить – чаще всего именно в таком порядке, пытаясь выклянчить лекарство для своей прямоходящей крысы на поводке или бескрылой птицы в шляпе, или даже аквариума, который ее сердобольный хозяин приволок с собой. Они не понимают, когда им говорят, что здесь не продаются лекарства для животных, что им следует обратиться к звериному врачу из переулка Трамм или еще откуда. Приходится продавать им толченый мел, только чтобы они убралась: «Да-да, от этого чудесного порошка ваш карликовый слон вырастет, а ваша собственная лысина зарастет, как вырубленные джунгли Кейкута после ливня». И только тогда они уходят, уволокивая на поводке своего спрута, оставляющего фиолетовый след на полу, или улетаая (вернее, упаряя прочь) на стае толстых пчел с ниточками вокруг брюшек.

А мистер Лемони остается, выжимает полотенце, которым он вытирал лоб, и украдкой поглядывает на своего извечного надсмотрщика мадам Клопп, делающую вид, что читает газету на своем стульчике под потолком.

– Лемюэль! – громко вещает она, высунув нос из-за газеты, словно перископ.

– Да, мадам? – хмуро глядит на нее мистер Лемони, ожидая новую порцию оскорблений и унижений.

– Покупатель ушел недовольным, Лемюэль!

– Кто именно, мадам?

– Ты должен был заметить! Джентльмен с простуженной стрелкозой, кто же еще?!

Также нередкие гости – напыженные личности с плохим зрением и отвратительной грамотностью. Когда очередь до них доходит, они извлекают из кармана рецепт и пытаются произнести то, что там написано. Щурясь и корчась, они изобретают парочку совершенно новых лекарств, пыhtят, ругаются и наотрез отказываются отдать аптекарю рецепт, чтобы он разобрал кривой докторский почерк, прочитал все, что там написано, и, собственно, принес медикаменты. Они, мол, сами. У них, мол, гордость. «Или вы считаете, что у меня плохо со зрением? Или вы полагаете, будто я читать не умею?!»

Он стоит, глядя на них, на то, как их пот капает на бланк рецепта, переминается с ноги на ногу, покачивается, как пьяный маятник, чтобы в очередной раз сказать им: «Простите, такого у нас нет. Такого вообще нигде нет! Уверен, там написано что-то другое. Вы позволите?» И он тянет руку за рецептом, но слышит возмущенное от мадам Клопп:

– Лемюэль! У нас есть! У нас все есть! Вряд ли мистер Медоуз с перекрестка Бромвью и Харт когда-то в своей жизни говорил, что у него чего-то там нет! – Мадам Клопп никогда не упускала случая упомянуть главного конкурента мистера Лемони, мистера Медоуза, с его здоровенной трехэтажной аптекой, штатом аптекарей, учеников и даже посыльных, если вы захотите заказать пилюли с доставкой домой. – Принеси господину его заказ! И поживее!

И Лемюэль Лемони идет в провизорскую комнату, набирает пару пакетиков толченого мела, приносит и с вымученной улыбкой отдает: «Ваш заказ, сэр». И он знает, что в действительности велика вероятность того, что толченый мел поможет им. Нет, разумеется, он не вылечит их, но они настолько гордые, настолько уверены в том, что им прописал доктор, что, как бы ни продолжали потеть, валяться в жару, биться в ознобе и мочиться в постель, не вернуться, пока не выпьют весь порошок.

А чего только стоят эти стеснительные, робкие громилы из портов или с канала, которые вдруг превращаются в розовощеких детей и неловко топчутся у стойки, не зная, как сказать, с чего начать и чем закончить. Они озираются, лишь силевые привлекая к себе внимание, пытаются понизать голос, подавая знаки мимикой, как будто поднятые домиком брови и неуверенный оскал переводятся как «дюжину пилюль от неправильного использования шила (в одном месте), пожалуйста». Господину аптекарю приходится угадывать, подталкивать их, требовать разъяснений, что вгоняет их в еще больший ступор, и тогда им уже требуется отпустить в довесок «Порошок Грюмма для забывчивых», чтобы они вспомнили, как связывать слова на родном языке.

Но забавнее (утомительнее) прочих хитрецы, которые считают, что если они как следует завуалируют заказ, то никто ничего не поймет.

– Простите, у вас есть клаксоны?

– Клаксоны?

– Да, клаксоны. Как на велосипедах и экипажах.

– Почтенный, вы ведь осведомлены о том, что здесь аптека?

– Да-да, разумеется, – озирается он и кусает губы. – Но мне нужен не совсем клаксон.

– Не совсем?

– Ну, скажем, вещь. Или, вернее, предмет. Да, предмет. Который как бы очень похож на клаксон. Только у него... э-э-э... нет трубы. На ее месте у него... э-э-э... дуло, как у револьвера. Нет, не совсем! Форсунка, как у паяльной лампы!

– Предмет, который похож на клаксон, но у него вместо трубы форсунка, как...

– У паяльной лампы, – радостно кивает клиент.

Господин аптекарь наконец догадывается:

– А, так вам нужна спринцовка! Сейчас принесу.

И он выносит спринцовку, а также конвертик с нюхательной солью от стыдливых обмороков.

Кого только не заносит в аптеку, но хуже всего эти проклятые ипохондрики, которые если чем-то и болеют, то переизбытком фантазии. Они придумывают себе хворь, сами себе ставят диагнозы по принципу «это пятно на коже похоже на гиппопотама с зонтиком, значит, я умираю!» и болеют совершенно всем, от насморка левой пятки до гнойного опухания сердца из-за того, что споткнулись на брусчатке и стукнулись о... лужу (когда-то в детстве – но не в их собственном детстве, а в детстве их близкого друга). Ох уж эти недуги людей с недуготворческим кризисом. И, как правило, эти типы приставучие, словно репейник с болезненной тягой к обниманию. Они раздражают неимоверно, а особенно

тем, что громко, надуманно чихают, кашляют, плюясь, и шмыгают носами, чтобы убедить всех в своей исключительной заразности.

– Ну дайте, ну дайте, ну дайте! – канючит ипохондрик, заламывая ручки, пуская слюнки и перетаптываясь на трясущихся ножках у стойки.

– Сэр, вы совершенно здоровы, – тяжело вздыхает мистер Лемони.

– Нет, я болен! Болен я! У меня боли-ит!

– Где?

– Всё!

И тогда мистер Лемони перегибается через стойку, стучит надоеде по его надоедливому носу и радостно сообщает:

– Теперь у вас болит! Свинцовая примочка за счет заведения!

А потом он слышит: «Дорогой, что это ты делаешь?», открывает глаза и понимает, что он замечтался наяву, а гадкий ипохондрик уже подключил к нему механический насос, трубки и педаль и с заискивающей улыбкой принялся качать его кровь. При этом он не расслабляется и незаметно подготавливает машину, чтобы тянуть жилы из бедного аптекаря. Он по-прежнему стоит и весь трясется у стойки, то бледнея, то краснея, а еще обильно потея от бессмысленных попыток развить в себе явное опухание чего-либо, что должно убедить мистера Лемони в его крайней, отчаянной болезненности.

А жена бедного аптекаря, миссис Лемони, такая вся из себя жалостливая и сопереживающая, укоряюще глядит на супруга:

– Ты что, не видишь, дорогой? Джентльмен страдает, отпусти же ему лекарства! Давайте ваш список, сэр! Мистер Лемони все принесет! Что это за рулон? Ах, это ваш список? Ну что ж... бедный вы, бедный. Дорогой, прошу тебя... Мама, скажи ему!

– Лемюзль!

И мистер Лемони, ненавидя всех, плетется за мешком и телегой, ведь иначе из аптеки не уволочь все, что этот болезненный там себе понапрописывал (помимо прочего, эти профессиональные больные ловко составляют списки из сугубо безрецептных лекарств).

И так проходит день за днем. Люди приходят, толпятся, ругаются с ним и друг с другом, и десертной ложечкой выедают ему мозг в голове. Хелен и мадам Клопп вечно присутствуют, вечно унижают его и попрекают, и порой кажется, что чем больше в общем зале народу, тем лучше для них. А он все делает не так. И то, и это, и вон то! Не то что мистер Медоуз с перекрестка Бромвью и Харт. Вот мистер Медоуз все делает правильно, он – живой пример для подражания: он никогда не рассказывает клиентам о побочных эффектах лекарств, не отговаривает ипохондриков,

он советует больным (а иногда не-таким-уж-и-больным) те или иные дополнительные пилюли, и они верят – ведь аптекарь дурного не посоветует. А Лемюзлю Лемони должно быть стыдно, как стыдно его прадеду за своего нерадивого потомка. Мадам Клопп дежурит в общем зале, а Хелен спует по провизорской комнате, наблюдает, как он смешивает лекарства, и вечно критикует его – не тот конвертик он взял, не те весы использовал, не ту ступку, не ту склянку, не ту, не ту, не ту...

Не ту женщину он выбрал... Так считал мистер Лемони, но было уже поздно. Хелен Клопп (в девичестве) и ее мамочка (пояныне) объявились неожиданно и никуда уходить не собирались – еще бы, ведь такое-то перспективное предприятие! Семейное дело, известное на весь Габен и за его пределами! А он стал будто бы просто жертвой похищения...

Колокольчик над дверью звенит. Скрипят петли, и дверь грохочет, захлопнувшись. И откуда столько силы в таком хрупком теле?

– Мама послала меня за пилюлями для терпения, – говорит тоненьким голоском откуда-то из-под стойки и тянет ручонку с тремья пуговицами в два фунта.

«Мама послала меня за пилюлями для терпения, – еще более пискляво повторяет голосок в голове мистера Лемони. – Ну еще бы! И как такое чудо можно долго терпеть?»

Действуя ловко и точно под увеличительным стеклом на ножке, аптекарь при помощи скальпеля раскалывает крошечную пилюлю на восемь долей. Одну восьмую он ссыпает в бумажный конвертик. Пилюли для терпения дорогие, иначе их принимали бы все, всегда, причем нарочно превышая дозировку. Это ведь Габен – тут быть терпеливым трудно.

Вот и мистери Лемони трудно. Но он терпит. Он копит все это, рассовывая обиды и огорчения по конторским ящичкам души, и имитирует – нет, не счастье (в его счастье никто бы не поверил) – он профессионально имитирует удовлетворенность происходящим. Мистер Лемони жалеет, что не может выпить пилюлю терпения – ведь его злобная теща не смыкает глаз.

Время близится к полудню. И судя по тому, как медленно продвигается очередь, и исходя из того, какие в ней кипят страсти, вскоре, вероятно, здесь развернется кровавая бойня. Очередь будто бы вскрывает в людях худшее. Каждый взгляд – словно прикосновение раскаленного утюга, каждое слово – будто ругательство, а каждое ругательство – как... хотя ругательство ни с чем не спутать.

Воздух настолько спертый и плотный, что его можно не только потрогать, но при особом желании и усесться на него, как в кресло. Но сидеть некогда. Все торопятся. Даже если у них

впереди весь день, а от праздности началось ожирение вкупе с облысением. Но они не хотят тратить хотя бы лишнюю секунду в очереди. Чтобы уступить кому-то? Ха! Нашли дураков! (Кстати, не забыть бы порошок от глупости, четверть унции. Да, больше, пожалуй, и не нужно. Слишком умнеть не больно-то хочется: все слишком умные болеют от горя и чахнут в одиночестве – их ведь не проведешь. А четверти унции как раз хватит, чтобы толкать дверь в правильную сторону и не садиться мимо стула.)

Нередко можно услышать: «Господа, я опаздываю!», и тут же укоряющий ответ: «Мистер, тут все опаздывают!», а сильнее всех возмущена и громче всех кричит какая-нибудь старушка, у которой последние дела были с полвека назад, а все поезда, на которые она могла бы опаздывать, уже давно сдали в утиль. Но старушка эта пришла в аптеку не за мазью от подагры и притиркой от ломоты в костях, нет, она пришла за настоящим лекарством, которое никогда не подводит: теплым и милым сердцу скрытным издевательством над ближним.

Кто-то куда-то опаздывает по-настоящему, и в какой-то момент глядит на жилетные часы в последний раз, проклинает все и вся, машет рукой на это безобразие и покидает очередь. В таком случае его ждут как злорадные взгляды (еще одна жертва не выдержала, спеклась и приказала долго жить, а значит, можно занять ее место), так и завистливые (еще один счастливчик сбежал, схватился за соломинку, выбрался из этого тягостного, пропахшего лекарствами болота).

Звонит кассовый аппарат. «Я ненавижу их всех, – думает кто-то в аптеке, и, может быть, даже сам мистер Лемони. – Как же я их всех ненавижу! Это не люди! Это монстры, пожирающие воздух...»

Мистер Лемони с конторской улыбкой обслуживает посетитель. Стремительный взгляд в окно – проверить, там ли они. Они там. В окне рядом располагаются три кошачьи морды, упершие носы в стекло. Следят за каждым его движением. Ууу, блохастые пройдохи... ждут, когда он отвернется, чтобы проникнуть в помещение и украсть пилюли валерьяны.

Аптека «Горькая пилюля Лемони» полнится недобрыми предчувствиями. Темный силуэт замер за мутным стеклом двери. Колокольчик звенит, петли скрипят. Пугающий незнакомец входит в аптеку. Черное пальто, цилиндр и круглые черные очки, какие носят слепцы. Бледное лицо. Воротник высоко поднят, руки в карманах. Человек этот выглядит так, словно только что ушел от погони. Либо так, будто погоня – это он сам. Он не похож ни на одного из тех посетителей, что обычно выводят бедного господина аптекаря из себя. Он не старушка, не выглядит стеснительным

или рассеянным, не похож на ипохондрика, да и животных никаких у него при себе не видно.

Дверь открывается, когда кто-то покидает аптеку, и с улицы доносится:

Эй, милый Доктор, вылечи же меня скорей!

Эй, милый Доктор, или попросту меня прибей!

Шляпс, судя по всему, вернулся позлить мадам Клопп.

А незнакомец тем временем становится в очередь, будто врасстает в нее. Превращается во всего лишь еще одно пальто, еще один цилиндр в этом вяло движущемся людском гардеробе. Губы его едва заметно шевелятся, он бормочет что-то себе под нос, словно спорит с кем-то невидимым. Украдкой поглядывает то на часы на стене, то на дверь за спиной. И каждый раз вздрагивает, стоит колокольчику зазвенеть, а петлям скрипнуть.

– Лемюэль! – визжит мадам Клопп. – Ты что, заснул?! Нельзя спать за стойкой! Вряд ли мистер Медоуз позволяет себе спать в служебное время!

– Да, мадам.

– Пошевеливайся! Отпусти джентльмену бинты. Он ведь разваливается на части!

Аптекарь вспоминает о клиенте, который ожидающе на него глядит, истекая кровью и зажимая рукой вспоротый живот, и извлекает из ящика под стойкой рулон бинта на барабане.

– Сколько отрезать, сэр? – спрашивает он.

– Мне бы перевязать раны, будьте любезны...

– Полагаю, девять футов хватит.

– Главное, чтобы не шесть... ха-ха... – пытается пошутить почти мертвец.

Мистеру Лемони импонируют люди с хорошим чувством юмора. Он крутит барабан, отмеряет девять футов, берет ножнички и отрезает бинт.

Когда дверь за раненым человеком закрывается, мадам Клопп осуждающе прикрикивает:

– Лемюэль! Ему было все равно! Нужно было отпустить ему десять футов, а то и дюжину!

– Но, мадам...

– Лемюэль! Не спорь!

– Да, мадам.

Очередь постепенно продвигается. В общем зале будто бы поселилась стая мух: посетители жужжат, кто-то шуршит газетой. За окном проехал трамвай.

– Лемюэль? – раздается едва слышный мерзкий голосок. – Кто такой Лемюэль?

Говорит редкостная мразь, состоящая из одной лишь кривой ухмылки. Она стоит рядом с пугающим незнакомцем в черных очках. Но ее никто не замечает.

Незнакомец продолжает глядеть перед собой, словно ничего не услышал.

Темные Попутчики не любят, когда их пытаются игнорировать. Они вообще очень злятся, когда их не замечаешь: они ругаются, царапаются и пытаются вывести из себя. Они могут делать что угодно, и никто им не указ. Они не свихнувшиеся – это ты свихнувшийся, а они – лишь следствие этого безумия. Не полноценные личности, а осколки, наполненные гноем и злобой, лишенные сопереживания, ненавидящие. Они всегда с тобой, незримо для других сопровождают тебя, где бы ты ни был.

– Думаешь, это умно? – спрашивает редкостная мразь у незнакомца в очках. – Молчать и делать вид, что меня нет? Мы ведь это уже проходили...

Темный Попутчик, чтобы привлечь к себе внимание, хватается себя пальцами за уголки рта и пытается вывернуться наизнанку – чего только не вытворишь, чтобы тебя заметили.

– Что мы вообще здесь делаем, в этом унылом месте? – Он нетерпеливо обхватывает себя за плечи и начинает грызть губы. – Выбираем новую жертву? Что скажешь об этой вороне в шали? Ее визги меня раздражают...

Упомянутая «ворона» трясется всем телом на своем насекомье-стульчике и кричит какому-то Лемюэлю что-то о том, что «если они нищие, то пусть убираются, и нечего их жалеть!»

Кто-то спешно покидает аптеку.

– Ты видел? – спрашивает Темный Попутчик. – У них там череп в витрине! – И обращается уже к черепу: – Что уставился?

Но его продолжают игнорировать. Он мог бы взять молоток и разбить все витрины, мог бы вытащить из кармана нож и воткнуть его в парочку стоящих рядом людей, мог бы запрыгнуть на стойку и станцевать на ней – все равно никто бы ничего не заметил. Бессилие... бессилие вызывает холодную ярость. И чем сильнее эта ярость становится, тем сложнее ее сдерживать.

– Хватит стоять здесь в очереди, как дурак. – Темный Попутчик презрительно озирается, нагло заглядывает в глаза людям вокруг, нетерпеливо смотрит в начало очереди, где аптекарь упаковывает в бумажный пакет лекарства для какой-то девочки, у которой вместо ног два колеса с ржавыми спицами. – Ты только погляди на этих людишек. Нет, ты погляди! Ты знаешь, что нужно делать! Ты ведь терпеть не можешь очереди! Ну не можешь ведь! Я-то знаю! Что это у тебя за бумажка в кармане? Рецепт? Рецепт, как быстренько сократить очередь?!

Очередь продвигается, девочка с колесами вместо ног проезжает мимо, в сторону двери. Она подталкивает себя тростью, а Темный Попутчик незнакомца в очках пытается засунуть ей палку в колесо, чтобы она грохнулась на пол, а он посмеялся. Но у него ничего не выходит. Девочка покидает аптеку, а он злится еще сильнее.

– Ну, давай же! – он начинает орать на всю аптеку. – Режь их! Режь их! Режь всех!

– Отвяжись! – бормочет незнакомец себе в воротник. Его голос обманчиво тверд – он пытается сохранить самообладание, но с каждой минутой это делать все сложнее, а очередь движется слишком медленно. – И без тебя здесь полно бубнящего народу. Просто помолчи, проклятый голос в моей голове!

– Вот именно! – радостно восклицает нечто злое внутри, приплясывая от нетерпения снаружи. – Полно народу? Нууу...

– Замолчи, – сквозь зубы цедит незнакомец и уже громче добавляет, склонившись к женщине, стоящей перед ним: – Мэм, вы скоро?

Его Темный Попутчик невероятно утомленно хватается за щеки, будто пытается содрать с себя лицо.

– Ты погляди! – говорит он. – Эта тетка пришла в аптеку, как на рынок. Она будто закупает лекарства на целую армию стариков с амнезией и слабым желудком! «Прошу вас, дайте мне вот то. И еще вот это. Немного того и совсем чуть-чуть вот этого! Если будете так любезны...» Какая вежливая и м-м-медленная мисс! Это же просто невыносимо!

– Молчи. Она уже уходит! Наша очередь!

Женщина со здоровенным бумажным пакетом, полным лекарств, недовольно косится на человека в пальто. Она спешит покинуть аптеку.

– Наша очередь! Наша... Я знаю, что она наша! Я тебе говорю, хватит терпеть!

Темный Попутчик опирается на стойку всем телом и принимается скрести длинными ногтями по гравированному боку кассового аппарата. «Грр-грр, грр-грр, грр-грр...»

– Ты погляди на этого унылого доктора и на его унылые бакенбарды, – презрительно говорит он, наблюдая за тем, как человек за стойкой, задрав голову, что-то тоскливо отвечает старухе на высоком стульчике под потолком. – Он же просто иллюстрация к своей бессмысленной жизни. Угнетаемый тещей и женой, вечно потакающей мамочке. Прирежь докторишку! Избавь нас от скуки, а его от мучений!

– Это не доктор. Это аптекарь.

– Доктор – не доктор, – безразлично напевает Темный Попутчик. – Все равно. Убей его!

– Молчи. Мы здесь по делу.

Сзади кто-то перетаптывается, и это перетаптывание действует на нервы.

Темный Попутчик оборачивается. Прямо за ними стоит молодая женщина в шляпке с сухими цветами на тулье. Судя по ее вытянутому лицу, она недовольна тем, что человек перед ней позволяет себе никуда не торопиться.

– Ты погляди на эту старуху, которая сопит за спиной, многозначительно подгоняя нас, – раздраженно говорит Темный Попутчик. – Она что, не видит, что мы тут по делу? Кажется, из нее вот-вот посыплется пыль. А давай-ка проверим! Ты берешь нож, а я метелку – подмести старухины пыльные внутренности!

Темный Попутчик лезет в карман человека в очках, пытаясь достать оттуда нож – он знает: его хозяин взял с собой нож, ведь это он сам подложил его ему в карман, когда тот отвернулся.

Незнакомец отталкивает его руку. Должно быть, со стороны это выглядит весьма странно.

Аптекарь мистер Лемони привык к судорогам посетителей. Он спрашивает:

– Чего вы желаете, сэр?

– Да, чего вы желаете, сэр? – заливается смехом прямо в ухо незнакомцу его злобный невидимый компаньон. – Вскрыть чье-то брюхо?

– Таблетки от маниакальной тяги к убийству окружающих, пожалуйста.

– У вас есть рецепт? – осведомляется мистер Лемони.

– А у нас есть рецепт? – недоверчиво спрашивает Темный Попутчик. В его голову прокралось подозрение. От былой веселости не осталось и следа. Ему не нравится то, что намечается.

– Разумеется, у меня есть рецепт.

– Позвольте взглянуть?..

Покупатель протягивает аптекарю сложенную бумажку, и тот читает одну лишь фразу, написанную столь криво и неровно, будто ее писали левой рукой, в темноте и в трясутемся на брусчатке экипаже:

«Помогите! Сообщите в полицию!»

Мистер Лемони недоуменно глядит на листок, покупатель глядит на него затравленным взглядом, а его Темный Попутчик от нетерпения вонзает зубы в стойку.

– Принеси лекарства, Лемюэль! – со своего стульчика велит мадам Клопп. – Чего застыл?!

Аптекарь вздрагивает.

– Но... – начинает он.

– Никаких «но»! – перебивает его теща. – У мистера Медоуза с перекрестка Бромвью и Харт не бывает никаких «но»!

Но мистер Лемони по-прежнему нерешителен. Руки его потеют. Он глядит на листок.

– Он что, читать не умеет?! – взывает Темный Попутчик. – Ты что, читать не умеешь?! Можно скорее?! У нас еще куча дел! Еще куча неубитых людишек ошивается по городу!

– Вы дадите мне мои таблетки? – дрожащим голосом спрашивает покупатель. Его глаза за стеклами очков судорожно моргают, словно пытаются выморгать пару булавок, гвоздь и кусок проволоки.

– Хорошо, – неуверенно говорит мистер Лемони. – Сколько вам таблеток?

– Боюсь, нам ничто уже не поможет, – с деланным сожалением заявляет Темный Попутчик. – Мы просто вышли прогуляться в публичное место с ножом в кармане и ненавистью в сознании. Ты что, не видишь? Мы безумны!

– Дюжину, пожалуйста, – говорит покупатель. – И еще что-нибудь, чтобы заглушить голоса в голове.

– Эгоист! – возмущенно визжит Темный Попутчик.

– Что-нибудь еще?

– Капли для терпения. У вас ведь есть в каплях? Хорошо. Еще порошок, чтобы не замечать кое-чье невежество, и... – покупатель бросает выразительный взгляд вбок, туда, где никого нет.

– И? – с подозрением спрашивает Темный Попутчик – что-то ему не особо нравится список покупок.

– И? – спрашивает мистер Лемони.

– Кружку воды, пожалуйста.

Темный Попутчик в ярости. Он не готов уходить. Он хватается своего хозяина за воротник пальто и начинает трясти.

– Будешь пить это все прямо сейчас? – вопит он. – Да ты спятил! Это невежливо – брать и выгонять гостей! Это грубо!

Мистер Лемони с испугом глядит на то, как незнакомец трясется. Но тот вдруг словно вырывается из рук... самого себя и выжидающе поворачивается к аптекарю.

– Выпьете прямо сейчас? – спрашивает мистер Лемони. – Х-хорошо.

Аптекарь отправляется в провизорскую, наливает из графина воду в кружку.

– Лемюэль! – несетя ему вслед. – Вода у нас тоже не бесплатная!

Аптекарь возвращается с кружкой воды и протягивает ее покупателю. Тот забрасывает пилюли в рот, начинает их жевать, запивает...

– Благодарю, – морщится он.

– Нет! – кричит Темный Попутчик. – Нет! И нет!

Его начинает крочить, он отрывает от себя куски, но они превращаются в дым и развеиваются. В какой-то момент от него не остается ничего, кроме пыли, которая оседает на пальто человека в очках, аптекарскую стойку и старый пол.

Из-за окна вдруг раздаются знакомые звуки гармошки и не-резвое вытье Шляпса:

Эй, милый Доктор, вылечи же меня скорей!
Эй, милый Доктор, или попросту меня прибей!
Что-то не так с твоей жизнью –
Будто ноздри, но без носов.
Да у тебя и нет больше жизни. Лишь время...
С девяти до пяти часов.

– Он снова здесь! – Мадам Клопп разгневанно сползает по лесенке со своего стульчика и ковыляет через провизорскую к задней двери, чтобы подкрасться к этому наглецу и напугать его посильнее.

А мистер Лемони глядит на то, как незнакомец в черных очках и цилиндре покачивается из стороны в сторону. На его губах, на миг показавшихся из-за высокого воротника пальто, расплывается коварная улыбка.

Кто-то зашел в аптеку. Жужжание очереди словно усилилось. Как будто ты наблюдал за мухами в банке, но вдруг оказался внутри этой банки, среди них. И они гудят, как паровозы. И часы отбивают половину пятого. И, кажется, уже не в первый раз.

Люди в очереди словно срастаются друг с другом. Из-за стойки можно разглядеть лишь их шляпы. Лица их утрачивают черты, они начинают течь, и теперь ни за что не отличить хромого старика от маленькой бледной девочки. Аптекарь вдруг понимает, что все они одеты в черные пальто, у всех подняты воротники, у каждого на голове – высокий цилиндр. Восковые лица заполонили общий зал, и будто пары черных дыр на месте глаз – это круглые очки.

Мистер Лемони пытается пересчитать покупателей, но не может – их то семь, то тридцать четыре. А незнакомец в очках прямо перед ним улыбается, как маньяк. Он держит кружку в руке, а его губы мокрые. Вода капает с них, течет по подбородку.

Аптекарю становится страшно, его руки начинают дрожать, и он прячет их под стойку.

– С вас... с вас... – он пытается назвать сумму за лекарства, но не может.

Он сбивается и вдруг понимает, что не помнит, сколько стоит то, что покупатель только что выпил. В горле пересыхает, а еще появляется мерзкое ощущение, как будто что-то ползает во рту.

А незнакомец в очках все улыбается. Перед стойкой стоит редкостная мразь, состоящая из одной лишь кривой ухмылки.

– Лемюэль! – раздается знакомый крик из провизорской комнаты.

– Да, мадам!

– Хватит торчать у стойки и играть в лунатика! Запирай аптеку! Целый день никого не было! И уже никого не будет!

Мистер Лемони вздрагивает:

«О чем это она?»

Оглядывается кругом... Он здесь совершенно один. Лишь череп прадедушки в лимонном парике глядит на него осуждающе.

Аптека пуста, но где же очередь, где все?

Они все исчезли, а губы мистера Лемони мокры, а еще этот горький вкус таблетки в горле.

О Лемони-Лемони...

Кружка с водой – в его руке. Где же все?

Александра Ковалевская ЗВЕЗДОВОЗ, КОТОРЫЙ ВСЕГДА ОПАЗДЫВАЕТ

Помотавшись по Солнечной системе много лет, я все чаще нахожу повод поразмыслить: почему все решили, что ангел-спаситель говорит на правильном космолингве? Разве не может быть так, что он родом из какого-нибудь занюханного местечка на планете-маме и изъясняется на местном диалекте? Или он шутник еще тот?

И вспоминаю одну историю...

Любой провинциальный космопорт похож на трубопровод изнутри, а если застрял в нем надолго, то с каждым часом все назойливее становятся мысли о толстом кичешнике, в котором скапливаются пассажиры, выжидая и тоскливо поглядывая на лепестковую диафрагму выхода. Вот и мои ребята, расплотив седла скафандров по зеркалу хромированных стульев, уныло ждали местный межпланетник.

От Европы-Ю до городишек на орбите Титана лететь всего ничего, но межпланетник ювропников опаздывал. И кто бы сомневался?

– Бригадир, – сказал мне гидрогеолог Жека, – ты бы толковал с диспетчершей, сколько еще сидеть. Мож, свалим в гостиницу, а?

Жека умеет прицепиться, «как лишай до пионера», – так говорят местные, да и делать мне все равно нечего, в «олигарха» я не играю, а говорок ювропников усвоил без проблем. Скажу вам, стремнее общаться с потомками экипажа «Эстонии»: попробуйте произнести «нноволллуннииеее» и не забыть, с чего, собственно, начинали разговор. А для контактов с меркурианскими шейхами, по-хорошему, надо бы писать инструкцию, и первым пунктом указать: «После рукопожатия с шейхом не забудь пересчитать пальцы!»

В общем, я пошел к экрану диспетчера.

То да се, девушка в диспетчерской улыбается шире монитора. Но объяснения у нее какие-то неконкретные: мол, этот межпланетник часто опаздывает, такой он особенный. Нет, от пассажиров претензий не бывает. Когда-нибудь придет, ждите.

– А поточнее сказать можешь? Тока не делай мне невинность на лице, – надавил я.

– Это вы, гражданин, не делайте мне нервы, их есть где испортить!

– Мадамочка, ваши нервы останутся на вас, как хулахуп на талии Сатурна! – вовремя юзанул я с тропы войны, но добавил веско: – Ты посмотри вокруг и трезво содрогнись: ребята месяц маялись подо льдом в батискафах неважного размера, узких в плечах и коротких в росте, а ваш непонятный звездовоз мнит себя единственным транспортом во Вселенной? Так мы плевать хотели на ваш звездовоз! В следующий раз мы найдем извозчика!

– Гражданин, – пропела в ответ шмара с экрана, – у нас статусный космопорт, а не сауна: нема ни голых, ни дурных. И где ты найдешь частника до Титана? Он довезет тебя максимум до внешней орбиты Ю, а потом скажет, что у него остановился термомод: ядра таки устали сливаться три ночи без сна. Предложит всхрапнуть стоймя в криокамерах, и ты еще будешь рад, если криотубусов хватит на всех! Нех (дальше неразборчиво) мальчики, если придется просыпаться в обнимку друг с другом!

Я подумал, что она права. И вернулся к ребятам.

В наушниках звякнули первые ностальгические ноты: «И снится нам не рокот», и голос диспетчерши объявил:

– Внимание! К посадочному шлюзу прибыл межпланетник «Ю-один».

Мы поспешили на выход, сопровождаемые сладкой улыбкой диспетчерши, глядевшей со всех мониторов. Но я зыркнул на ее отражение в стуле, и мой новехонький митральный клапан нехорошо трепыхнулся: лицо диспетчерши растянулось по диагонали зеркального сиденья, рот разъехался, белые кирпичи зубов поодиночке торчали меж красных осклизлых мокриц – напомаженных губ, над изгибом которых, как спутники, вставали голубые глаза навывкате... Я повернулся спиной вперед и, пятясь, сделал три шага, чтобы отогнать дурные предчувствия.

Пассажиры заполнили «Ю-1» едва наполовину.

С нами летела многодетная семья в семейном скафандре, напоминающем гусеницу: много ног, много рук и одно тело, уменьшающееся к хвосту, потому что в хвосте семенил самый младший отпрыск. Когда семейство протопало в корабль и открыло скафандр, из него посыпались три пацана, три девчонки – все разного размера, – а из передних сегментов вылупились папаша с мамашей, в профиль похожие на два соседних пазла. Там, где у мамыши было выпукло, у главы семейства наблюдалась впадина, и наоборот: где у него выступало, западало у нее. Я подумал, что с такой конституцией у них будет много детей в добавку к уже имеющимся.

Еще на борт чинно прошествовали папские нунции, торговавшие непонятными буллами; мелкая разносчица, торговавшая известно чем – булками в целлофане, сырками и рабочими перчатками на любую руку. Последними влезли две пенсионерки – собирательницы дармовых даров природы (видно, смотались на Европу-Ю за лекарственной плесенью и теперь возвращались домой).

Мои ребята забились на задние сиденья звездолета, подальше от остальных пассажиров. После месяца в подледных батискафах начинаешь пахнуть не очень, особенно, если последние носки-одноразовки закончились трое суток назад.

«Ю-1», сыграв веселое «тро-ло-ло», стартовал с опозданием на четыре часа.

Вместо того чтобы сразу уйти в гиперпрыжок, межпланетник завис над миром ювропников и сказал жестяным голосом, устаревшим уже полвека назад:

– Вы не поверите, какой счастливый случай! Вы только посмотрите на панорамные экраны: какое хитрое сплетение линий! И это, уважаемые, есть графика природных форм!

Мы невольно уставились на экраны внешнего обзора. По ледяной поверхности Европы-Ю расплзлась сетка трещин, а больше ничего и быть не могло. Нет, еще был виден космодром и рабочие базы вокруг него, но только потому, что на Европе-Ю хромируют всё, что можно, и арматура жилых модулей бликовала в свете гиганта Юпитера.

– Эй ты, супермозг, давай, вали скорее, мы спешим, – поторопил Жека. Любит человек распорядиться.

Салон запрокинулся, мы упали на сиденья и теперь лежали, задрав ноги выше головы.

– Ну как я взял вас на бздох? Повалил скоро? – отжестянил «Ю-1».

– Думайте, что говорите, с нами дети! – интеллигентно возмутилась многодетная мамаша.

– Верните взад ориентацию салона! – строго произнес ее супруг.

– Хочу есчѐ на бздох! – заканючил младшенький из отпрысков.

«Ю-1» услужливо принялся качать ребенка в пассажирском кресле. Под радостные визги «есчѐ на бздох!!!» мы стоически закатили глаза к экранам: просто чтобы не видеть раздражавшее мельтешение взлетающих над спинкой кресла детских конечностей.

«Ю-1» быстренько изобразил радость:

– Таки мне повезло на тонких эстетов в виде вас!

Мы молчали. Чуйка подсказывала: надо хорошенько подумать над смыслом, прежде чем заговорить с этим кораблем. Поэтому в гробовой тишине мы пялились на экраны.

Клянусь, «Ю-1» проникся уверенностью, что все на борту с головой ушли в созерцание.

– Наслаждайтесь! Портрет первого покорителя космоса! – Он обвел красным контуром хаос трещин на бескрайней ледяной равнине.

И мы, к своему удивлению, увидели совершенно четкое изображение гагаринского лица.

– И, один момент, перед вами храма Василия Блаженного: точь-в-точь как на картине маслом гениальной кисти Аристарха Лентулова!

Мы удивились еще раз: собор Василия Блаженного на Европе-Ю? Действительно чудо!

Папские посланники привстали, чтобы убедиться: «Ю-1» не передергивает, и в смущении вертели пальцами. Теперь они поняли, почему их вежливо, но настойчиво вытурили с планетоида.

– Глазами картину пошкрабаετε! – выдал им наш межпланетник и, дождавшись, когда посланники в прострации плюхнулись обратно на сиденья, нравоучительно добавил: – В храме природы должно вести себя любомудро. Отринем мерзости сепаратизма, содомии, словоблудия, стяжательства, сутяжничества, а тем паче... – электронный мозг на секунду запнулся и тут же отчитался о причине заминки: – ...и иже с ними сорок сороков греховных помышлений на букву «С» из Полного Словаря космического человечества.

– Аминь! – хором ответили мы первое, что пришло в голову, причем на разных языках.

«Ю-1» явно остался доволен нами. Он без перехода любезно предложил показать даму с собачкой.

– А что такое «собачка»? – спросила девочка.

– Это друг человека, который ходит на четырех ногах, – объяснила мамаша.

– Тетя дружит с мутантом? – озадачилась девочка и даже перестала расковыривать дырку в чехле сиденья.

«Ю-1» тем временем обвел для нас контуры смачной дамочки размером с добрую провинцию. Мои ребята присвистом выразили одобрение: совершенно голая красотка, отключив зад, гуляла по льду Европы-Ю. От кисти ее вытянутой руки за горизонт тянулась черта. Мы приятно провели время, обсуждая, как удачно сложились атомы у этой натурщицы, и тут кто-то вспомнил, что к даме прилагается собака.

Наш общительный транспорт немедленно объяснил:

– Тока не кидайте брови на лоб, собака на другой стороне планетоида. Если хотите, я доставлю вас туда, бесплатно стоит взглянуть. И вы не поверите, рядом с собакой иллюстрация из «Камасутры», а для детишек есть картинки с Лунтиком. Вы даете свое «да» на изменение маршрута?

Мы согласились, ощущая редкостное единодушие. Не знаю, когда успели, но мы незаметно стали одной командой.

– Время задержки составит два часа, – предупредил «Ю-1».

Все-таки честный малый этот ювропианский звездозов.

– А, пустяки! – дружно решили мы.

– Тогда, – сказал корабль, – имею посоветовать на подлете к Титану сделать небольшой крюк и посетить галерею ваз. Если кто-нибудь из вас разглядит все двенадцать ваз, он никогда не познает бедность и нищету...

Старушки попутчицы оглянулись на нас, и взгляд у них был умоляющий: бабушкам очень хотелось к вазам Титана. Мы подумали, что дело того стоит, и решили продлить маршрут. Не мешает поискать вазы – когда еще подвернется такой случай?

– Там же находится молот Тора, и есть мнение, он делает мужчинам неуваждающую силу. Для этого придется немножко спуститься на поверхность и потереть его рукоятку. Но вы бы знали, какими восторженными словами пассажиры поминают меня в социальных сетях!

«Ю-1» вывел на экраны «giviinteresno.ko» и добавил булькающее пение мелкой земной птички, почему-то высоко ценимое в лесах северного полушария.

А я подумал, что парни с планеты-мамы, которые загружали словари в память этого космического тарантаса, схалтурили – не потрудились подогнать правила составления предложений под общепринятые в космолингве.

Мы обменялись электронными адресами, чувствуя, что никогда не забудем этот перелет.

А интрига не ослабевала:

– Природа-мастачка приготовила для вас еще немало сюрпризов, хоть и без того дел у нее было за гланды...

На экранах разгоралась заря нового дня над Юпитером.

Я обреченно вздохнул, предчувствуя, что домой вернусь не скоро.

Но, как ни странно, впервые пришла мысль: может, именно сейчас жизнь-то и налаживается, раз ко мне, старому росинанту с окончившейся гарантией, как говорят на Европе-Ю, вдруг взяла и повернулась лицом такая куча красоты.

А потом, на финишном витке вокруг жилых баз Титана, нас встретили патрульные беспилотники и вели до стыковочной

платформы. Прилети мы на любом другом корабле, это был бы плохой знак, но «Ю-1» возил нас к вазам и выпачкался в вазах, как пчела в пыльце, и потому мы отнеслись к эскорту с юмором: вряд ли здешним доводилось принимать у себя красно-фиолетовый в белую крапинку пассажирский межпланетник.

На корабле как раз заканчивалась веселая пирушка, в которую каждый из нас внес свою лепту. У нунциев в саквояжах оказалось неплохое вино; у бабушек – травки-неунывайки; приветливая торговка безвозмездно предложила свой товар, вернее, съедобную его часть в виде сырков и булок. В ответ мои ребята не ударили в лед лицом и развернули сушеных осьминогов. А у многодетной мамыши запас котлет, кашек и мармеладных тянучек был рассчитан чуть ли не на полугодовой перелет. В общем, мы сытно подкрепились и даже хором спели пару разухабистых, но вполне пристойных песен, а звездовоз заводил мелодию. И даже когда на местной радиоволне заунывный голос рассказал слушателю о корабле, внезапно попавшем в поток метеорных тел и заходящем на посадку с мертвыми пассажирами на борту, мы не поняли, что это вещают о нас. И ничуть не удивились, что «Ю-1» направили в грузовой шлюз.

Мои попутчики с гиканьем и визгами скатились по надувному трапу прямо под ноги удивленно замолкшим людям с микрофонами в руках. Встречающие катафалки дали задний ход и скрылись в глубине ангара, теряя в поспешном маневре черные шарики из траурных гирлянд. Семья в гусенице-скафандре побежала задом наперед: наверняка дети погнались за шариками, потянув родителей за собой.

Я выходил из салона последним.

– Специально опаздывал? – спросил я ювропианский тарантас. – Небось, вовремя рассчитал орбиту метеороидного роя?

Корабль вполне натурально вздохнул и ответил без акцента:

– Я жертва заводского брака. Хронометры вечно выходят из строя.

И тут же эта старая жестянка, нацелив динамики на толпу журналистов, жизнерадостно проскрежетала:

– Шикарный вид! Мое вам здравствуйте!

О ПОЛИТИКЕ С ЧИСТЫМИ РУКАМИ

Бульбальганцы в космос вышли давно, тихой сапой плотно уселись в поясе астероидов за Марсом и ковыряют потихоньку с астероидов такую-сякую руду, калийные соли, сланцы и мел. Даже, говорят, торф находят. Еще растят все, что растет: милкивеек, сникерсят, хрюшек-несушек и других неведомых, но питательных зверюшек.

Бульбальганцев сильно греет тот факт, что на старушке Земле они жили в центре Европы и, как и прежде, живут в центре Солнечной системы. Для них почему-то важно, что ничего не меняется. Они до сих пор поклоняются общему прародителю Батьке и в память о нем все выработанные астероиды спрессовывают в форме носатой головы.

Однажды мы летели с Титана на Марс курсом 8-8-8, адской тропой – той самой, которая лежит в гуще астероидного пояса, и с ужасом наблюдали, как Батьки неслись навстречу на скорости двадцать метров в секунду и все – лицом к нам. Гидрогеолог Жека, натура не робкая, в священном трепете прошептал:

– Тайное оружие бульбальганцев! Это психологическая атака, еще немного, и я не выдержу!

Один Батька, у которого орбита совпала с траекторией «Милашки Ко», медленно пролетел у самого иллюминатора, лежа на боку, словно его целью было заглянуть в пассажирский салон. В салоне парни смотрели сериал «Клубничка». Ему это не понравилось, и Батька запустил в нашу «Милашку Ко» бульбу – кусок камня размером с кулак, а хаффова бульба взяла да и пробила защитную мембрану.

Пришлось запросить посадку в бульбальганском ремонтном ангаре.

– Добра! – ответил диспетчер.

Все обрадовались скорой посадке: как у этих бульбальганцев все налажено – принимают без проволочек. Посмотреть на их город было любопытно. Говорят, у них чисто, потолки красят ляпис-лазурью в цвет земного неба и рисуют облака монтажной пеной, полы расписывают малахитом зеленым, косметика у бульбальганцев отменная и девушки у них красивые, хоть уж в этом случае краски ни при чем.

Но я посоветовал своим не очень-то спешить. Я знаю бульбальганцев много лет, ребята они покладистые, но после сорока с ними происходит мутация, они начинают отращивать под носом усы, как у прародителя, и вместе с усами у них отрастает «пра-

вильность» – это когда все делать надо исключительно по закону, а мимо закона – ни-ни.

Лех, пилот «Милашки Ко», тогда еще желторотый стажер, возразил:

– Что за ёксель, дед? Нам пожелали добра – в смысле, скоро откроют причал!

– Тебе сказали «дОбра», а не «добрА»! – поправил я. – Улавливаешь разницу? Хафф кроется в деталях, сынок. Бульбальганцу сказать «дОбра» так же естественно, как тебе выматериться в корму обгоняющего тартара-дальнобойщика, особенно когда он прет заказчику свежий деготь и серу. Бульбальганец будет говорить по космофону, и ты услышишь от него только «добра» и «добренька», а закругляя разговор, он затараторит свое «добра-добра» и «так-так-так» быстрее, чем кванты стучатся в ящик к коту Шредингера, напрашиваясь к несчастной скотинке на постой.

– Кванты? Каких земель ребята? – спросил этот недоучка и перебрал по памяти все населенные углы Солнечной: от меркурианских эмиратов до жилых баз на орбите Титана.

Я махнул рукой.

Все случилось, как я предупреждал: моя бригада зря сидела на рюкзаках, поторопившись спрятать на самое дно карты для игры в «олигарха».

Потом нас впустили, но проверили, не везем ли мы:

а) травки-неунывайки; б) огненную воду в количестве больше трех пузырьков; в) волшебные палочки в подарок женам; вв) палки-стой в подарок тестям; ввв) кукурузные палочки – детям.

Последние, хоть и являлись обыкновенными сладостями, попадали в декларации в графу запрещенных к провозу палочек и портили бульбальганцам вид отчетного документа. Потому что никто не станет вчитываться, какие именно палочки указаны в графе: «Палочки». Просто лучше не лезть в эту графу. По крайней мере так объяснили местные таможенники. Видимо, их народ чувствительный к красоте минимализма, отсюда нетерпимое отношение к бумагомаранию.

В общем, у нас изъяли на хранение всё, что положено было вписывать в лист прибытия – чтобы он остался чистым. Цель приезда попросили черкануть на одноразовом бумажном полотенце и объяснили, что потом опытный каллиграф правильно и без ошибок впишет цель приезда в документ, «штобусёбылОдОбра». Чистые бланки забрали из наших удивленных рук, сравнили межглазное расстояние на фото в мультипаспе с имеющимся на фейсе и... задержали на неопределенный срок. Потому что с нами на Марс летел бывший пилот крошечной «Гваделупы» Педро, он пережил

взрыв канистры с купленным у ромалэ термоядом, и до сих пор его глаза светились, как два маленьких солнца, и немного блуждали, что не позволяло сравнить межглазное расстояние. На таможене Тамбов-Сити дело решилось бы в два счета: скинулись бы с ребятами по бублию, попросили не мурыжить несчастного Педро, и готово. Но с бульбальганцами такой номер не пройдет, у них у самих глаза начинают гореть праведным огнем, а усы – недобро шевелиться при виде взятки. Я уверен, они свято верят в то, что в эту секунду все Батьки, летающие между Марсом и Юпитером, поворачиваются лицом в их сторону и бдят: не появился ли в стройных рядах сознательных чиновников мздоимец?! Честное слово, если представишь картинку в лицах, да еще в лицах с длинными носами, несущихся на космической скорости (а таких наберется миллионов десять, не меньше), то праведный гнев бульбальганских таможенников становится понятным, и не хочется их нервировать.

Мы оставили беднягу Педро скучать в «Милашке Ко» и вышли из посадочной капсулы на станции «Национальная библиотека» – астероиде, стесанном под ромбо-кубо-октаэдр.

Где было разрешено, там и вышли.

– Ну, кто спросит, как пройти в библиотеку в два часа ночи по местному времени? – съехидничал я.

– Разберемся! – отвечала моя команда.

Они хотели показать, что повзрослели за время полета и в моей опеке не нуждаются. Да и чего опасаться – бульбальганцы мирные люди, ничего такого неординарного в их краях не происходит. Ребята только поинтересовались, как по местному будет «ужин», «подайте кофе, чаю».

– Говорите официанту: «вячэра», «данясице кавы, гарбаты», – пробурчал я, заворачивая за угол.

– Что он сказал? – переспросил пилот.

– А, ругается, наверное, старик. Буркнул что-то насчет вечера, мол, донесут горбатых, – ответил гидрогеолог Жека.

– Ну и пусть! Это он цену себе набивает! – хохотнул механик. – Бульбальганцы говорят почти по-нашенски, только с небольшой разницей, но все понятно. О, ребята, гляньте: девушки!

– Хорошенькие!

– Истинно! – восхищенно прошептал Жека, но на бордаж первыми отправил молодых стажеров.

Пилот Лех подрулил к стоявшим у колоннады двум юным продащицам каких-то ночных билетиков. На них были белоснежные блузки с пуговками вдоль застежки под самое горло и легкомысленные шортики. Одна из девушек трепетно прижимала к груди большую жестяную банку с прорезью. Лех уже видел себя на месте квадратной банки. Он потрянул головой и предложил кра-

соткам развлечься с героями космоса. По крайней мере мне так пересказали его слова, после чего поведали о событиях той ночи.

– Ён памылиуся?! – спросила девушка с билетиками свою подругу.

– Не! – ответила та и нахмурила черно-атласные брови.

– Кали не памылиуся, то ён – нягодник?!

Девушка с банкой что-то шепнула подружке на ухо. Они рассмеялись, искоса поглядывая на моих ребят, и не догадываясь, какой пожар разожгли у них внутри. Потом девушка, та, которая построже, всучила Леху электронную карточку, сделала легкий жест кистью, мол, кыш-кыш отсюда и сказала:

– У вас ёсць час на тое, каб выправиць памылку!

Дослушав до этого места, я спрятал насмешку и поинтересовался у своих ребят:

– И что вы сделали?

Желторотые признались, что накупили бульбальганского мыла, лосьонов для душа и шампуней – мылиться так мылиться! Они рванули искать душевые и старательно вымылись, уверенные, что успевают, ведь девушки дали им целый час, значит, ждут, что дело будет сделано самым тщательным образом. Потом вернулись к колоннаде – а девушек и след простыл! С жестяной банкой и с билетами предлагали себя вместо девушек два парня. Ай да бульбальганцы! А как же облик морале, традиционная ориентация и все такое?

Лех пожаловался мне:

– На обратном пути я полчаса влазил в скафандр. Раньше было – скользнешь в скафандр, как смазанный, и готово. А после их «помылиться» я всю смазку с себя смыл. Я в скафандр – а кевлар аж скрипит, не пускает! О! – вздохнул чистый и душистый пилот. С его затылка исчезло пятно, которое все принимали за витилиго.

Я ухмыльнулся:

– Какого звездца вас понесло в душ, если вам всучили карточку «Буль-буль» и послали к автомату с газировкой?

– Как?! – удивилась моя команда. – А помылиться?

– «Памылицца» на бульбальганском значит – «ошибиться». «Памылка» – «ошибка». «Час» значит – «время». Девушкам-волонтерам с избирательными бюллетенями не понравилось, что их приняли за... сами знаете, за кого вы их приняли. Но бульбальганки добрые нравом, поэтому решили не ссориться с космофлотскими придурками – лучше отправить их за лимонадом. А вы смылись. И девушек оставили без напитков.

– И себя оставили без девушек! – вздохнул Лех. – Мне надо вернуться в Бульбальганию! Великий космос, я должен отдать

карточку! – сокрушался он, глядя в иллюминатор на удаляющихся Батек, пасущих стада астероидов посреди тучной звездной равнины.

Гидрогеолог Жека очнулся от тихих дум:

– Бригадир, что ты сказал про избирательные бюллетени у девчонок?

– А что, по-твоему, они держали в руках?

– Ну мало ли что, пригласительные в игорный дом, например. Или визитки на улицу Прекрасных фонарей...

– Не угадал ты, Жека. В ночь, когда мы прибыли, у бульбальганцев начался всенародный праздник, самый любимый праздник в году: выборы.

– Кого выбирают?

– Кого – неважно. Главное – традиция. Раз в году каждый должен опустить в избирательную урну бюллетень, на счастье.

– Избирательная урна это такая квадратная банка с прорезью? – спросил пилот Лех, сладко пожевывая.

– Она самая, – ответил я.

– Старик, а ведь мы могли к хаффу сорвать их выборы, если бы на всю ночь закадрили девчонок-активисток! – всполошился Лех, приподняв с лежака голову с шелковистым, до блеска вымытым чубом.

– Еще как могли бы! – польстил я ему и по-отечески потрепал по голове.

– Теперь понимаю, что значит «делать политику с чистыми руками»... – пробормотал пилот, засыпая.

А я подумал, что неплохо бы ее именно так и делать – хорошенько помывшись перед...

АНГЕЛЫ ИГРАЮТ ЗА «ВСЕВИДЯЩЕЕ ОКО»

– Зови деда в рубку! Срочно! – крикнул Жека в перспективу коридора, на нижнюю палубу, так, чтобы услышал стажер.

Стажер был здоровый кучерявый обормот; он разгонялся, где не следует, он ломал переборки, а в переходные люки не вписывался, зацепляясь за конструктивные части карманами, нашивками и прочими прибабасами на пилотской униформе. С электроникой корабля этот парень тоже не дружил и был уверен, что все можно прикинуть в уме. И по вере своей получил кличку «Прикинь».

Прикинь, гонявший в ноздре козьявку, с неохотой отложил увлекательное занятие, мазнул пальцы о штанину и, задрвав голову, отчитался, как Всевышнему:

– Дед вышел!
– Весь?
– Весь вышел! С чемоданчиком инструментов летел к аварийному выходу.

– Так сгоняй за дедом, идолище!
– Мне наружу выходить? Это ж делов на полчаса – туда одевайся, потом обратно раздевайся... Скафандр лишний раз натягивать...

– В твоем случае: растягивать! – констатировал Жека и, привычно, сноровисто вписавшись в люк, опустил перед стажером на нижнем ярусе. – Толмача подай сюда, вакуум тебе в башку! Наживем международные осложнения: Лех с «Всевидящим оком» столкнуться не может. Сейчас сверзнемся обратникам да на самое чело, в смысле, уроним корабль аккуратно на их базу, и до конца живота своего работать будешь в местных «Кандалах», выплачивая ущерб за битые солнечные зеркала.

Прикинь не все понял, но основной смысл уловил и недовольно загудел:

– А по рации деда вызвать нельзя?
– «Всевидящее око» нам электронику блокирует. Лех им что-то двусмысленное завернул, «Всевидящее» ощерилось стволами, сбить грозитя. Дали нам сроку сорок малых сороков, чтоб мы объяснились, кто есмь будемь. А сорок малых сороков – это сорок наших минут. И как ты с этим «Оком» столкнешься, если, кроме деда, никто язык обратников не ведает?

– А ты на каком языке сейчас говоришь?
– Да я просто нахватался их словес, язык заразный. Повторять легко, а что конкретно делать – непонятно. Ты идешь, уддово ползунище, или тебя ускорить под седалище? – рывкнул Жека.

И снова мне не удалось приладить к солнечным батареям светодиодные кабели, чтобы наша «Милашка Ко» порхала по космосу нарядная, как экзотичная пташка. А впрочем, оно и к лучшему. Староверы-обратники – чинные ребята, и на корабли с модными гаджетами реагируют болезненно, считая их экипажи чуть ли не содомитами и прибежищем всякого непотребства.

Итак, «Милашку Ко» окружил пристальным вниманием патрульный корабль обратников, да так окружил, что бедняжка уж и не знала, как ей стать. Лех, наш пилот, запутался в староверском, и инструкции, поступавшие с патрульника, звучали для него тарабарщиной. Неудивительно: эти обратники еще на Земле вычистили из русского языка все иностранные корни, но потом пришла пора обживать дальние орбиты, и слов им стало реши-

тельно не хватать, и обратники произвели свои слова. И, как ни странно, ими обходятся.

Раздосадованный и запыхавшийся, я ввинтился в пилотскую рубку как раз на исходе отведенных нам сорока сороков. Унылый Лех сидел перед погасшими сигнатурами и накручивал на палец золотой вихор надо лбом.

– Чем грозили? – начал я с места в карьер.

– Та непонятно чем... – отвечал Лех в досаде. Скосив глаза в сторону, он сомнамбулически доложил: – Жижу с собой ввозить не можно, надо у них жижу куплять на потребу лёту, сообразуясь с чреватостью небесной ладьи, ни на вершок более. А посему следует борзо лишние бадьи с ладьи распустить, ибо управу на нас найдут. Уфф! Всё!

– Ты правильно запомнил?

– Собственной шуйцей записал. Потому что обратники первым делом рекли, что шустродельце отымут, покамест не столкнемся. Не знаю, что именно отымут, но я решил, пылица на пульте – точно не шустродельце, мы ее от самого Марса не вытирали. Вот, на пыли все записал.

Я с одобрением кивнул пилоту:

– Тароват!

Лех по тону догадался, что я одобряю его ошуйную (леворукую то есть) стенограмму ультиматума «Всевидающего ока».

– Значит, так: немедленно отсоединяй бадейки с жижей, то есть, по-нашенски –топливники с термоядом, – сказал я ему. И позвал Жеку: – Дядя, найди в закромах хоругвь со Спасителем, а стажер пусть машет люком из лика... э-э-э... наоборот, ликом Спасителя пусть машет из грузового люка. Как раз ему работа по способностям. Зря, что ли, скафандр напяливал, когда за мной выходил?

– Да он снял скафандр, небось...

– Не верю. Он еще долго будет тарашиться на мембрану входа, чтобы подгадать режим сезамничанья лепестков и не тыцкать лишний раз в кнопки пульта.

На «Всевидающем» заметили, что мы отсоединили топливники, и смилостивились. Шустродельце – электроника «Милашки Ко» – снова включилась, пульт ожил, а Лех настороженно уставился на далеглядку. Далеглядка показала кормчего «Всевидающего ока» – русая борода надвое, усы стрижены и на концах подкручены, благообразный, постный, серые очи строгие. Кормчий осенил нас крестом, и понеслось рутинное:

– «Плутовка Ко», куда путь держите? – это прозвучало почти грозно.

Мы с Лехом озадаченно моргнули. Хорошо, я быстро сообразил, что на «Всевидящем» так перевели название нашего корабля. Ответил за «плутовку»:

– Мы рудознатцы и лозоходцы – копачи колодезей, старатели и пытливыц земли и вод на планидах небесных.

– Шустродельная подорожная у каждого?

– Дьяками Межпланидного Приказу заверена, перстоприложение на месте.

– С каким делом пожаловали?

– Летим через ваши веси к шейхам-бусурманам на Меркурий; по-вашему, Просол-Звезду.

– За какую надобностью?

– Страждут без воды аспиды, под боком у Ярилы живут.

– Дорого берете за свои воды?

– По алтыну за каждый хлебальник.

– Дорожитесь!

– Так бусурсманы ж! А мы мастера, и выгоду не упустим! И потом, на каждой мытне свой устав, а нам через все мытни лететь. Без копейки за душой никак невозможно.

Кормчий кивнул с пониманием. Хотел еще о чем-то спросить, но за его спиной возникла маленькая девчонка со светлыми косами и всплеснула руками, и запищала, не сводя глаз с нашего пилота:

– Батюська, такое диво! Ангел Златые Власы!

Благообразный отец-кормчий пошевелил было кадыком, но, глянув на дочь свою, решил не возражать, не лишать дитяtko сказки на сон грядущий. А та прямо заобожала златокудрого и синеглазого Леха, покрасневшего от удовольствия и, сообразно ангельскому чину, склонившего голову.

Я зашипел:

– Эй ты, свежий херувим, кончай красоваться! Требуй назад топливо! Повторяй за мной: «Вашу жижу поимать хочу!»

– Жижу поимать... – проблеял пилот, но я подсуетился, включил ревер, и голос новоявленного ангела многократно повторяющимся эхом ушел в космос, а шустродельце на «Всевидящем» собрало голос из прытковёртов (сказать понятнее: электронов) и швырнуло через ладейные голосники в лицо кормчему и его дочке. Те даже вздрогнули от ангельского рева.

Кормчий, косясь на восторженную дочь, украдкой поморщился, но делать нечего, отстегнул «Милашке Ко» собственные топливники. И даже пикнуть не посмел относительно мзды: кто ж с ангелами торгуется, и в какой монете расчет?

И тут в рубку влетел Прикинъ. Он был увешан белоснежными развевающимися лепестками входной мембраны, потому что

прорвался из узилища, которое сам себе устроил, в чистилище, до сих пор не научившись правильно задавать режим дезактивации, без которого ни одна приличная мембрана человеку – не сезам.

Дочка кормчего пискнула от восторга:

– Прикинь, батюська, еще ангел! Сколько их там набилось?!

– Ты меня знаешь? – спросил озадаченный стажер, перелетая через голову увернувшегося ангела Златые Власы.

Тормозной путь стажера был больше того, который могла предложить пилотская рубка, и Прикинь врезался в дальноглядку, а лепестки мембраны прилипли к экрану.

Восхищенная дочка кормчего тянула к нему ручонки. Стажер, оплывая по экрану вниз, пролепетал:

– Хорошая девочка!

– Почитай родителя! – подсказал я.

– Почитай... родителю... журнальчик... бортовой... – сюсюкнул Прикинь, пытаясь отодрать от экрана наэлектризованные перья-лепестки, за которые ох воздастся ему от команды. Жека и Лех были вне себя, потому что им снова придется менять порванную мембрану.

На «Всевидящем» дрогнул ноздрями такой же недовольный отец девчонки. Ему-то все с нами было ясно, но маленькую дочку разочаровывать не хотелось.

Вдруг в суровых глазах кормчего мелькнула какая-то мысль, и бородач спросил с нажимом:

– Хорошие колобродцы на «Плутовке» имеются?

Я поперхнулся. Моя лингвистическая чуйка заработала на бешеных оборотах, колеся по закоулкам памяти, заваленной парой сотен языков и диалектов, и выдала в качестве перевода «колобродцев» лишь «кругоходы».

С «колом» мы имеем дело, раз копаем колодцы ртутианским шейхам. (Правда, мы закладываем в колодцы лед, который контрабандой тарабаним с Титана, и после нашего отлета воды бусурманам едва хватит на четыре недели. Но кто виноват, что Меркурий – такая жаркая планета? Ну, высох колодец, заказывайте еще, сделаем. На то мы и гидрогеологи, а вы на то и шейхи...)

Так колобродцы ли мы? Условно говоря: да, мы такие.

И я кивнул.

– Мы на Твердь рядим ватагу колобродцев, – сказал кормчий.

– На Всепланидную колобродскую Чару.

«Ага, на Землю собираются! Знать бы еще, какое на планете-маме намечается колобродство».

– На Твердь лететь вmale, – продолжал бородач, – а у нас гульцов недостает, поелику дозорная служба не фунт лакомства,

но бремище тяжкое. Внемли, толмач: выставите двух нестыдных гульцов за «Всевидающее око» – опосля проведу вас мимо дозорных ладей «Божья кара» и «Перст Господень» за круглую дорогу Утренницы.

(За орбиту Венеры сопровождает, значит. А ведь заманчивое предложение! Проскочить с контрабандой мимо всех кораблей обратников – это дорогого стоит!)

Я локтем ткнул Леха под правое ребро.

Торговали мы недаром неуказанным товаром – Лех был уже поднаторевшим пилотом, сигнал понял: вырубил и видео, и звук. И не просто выключил, а так все устроил, как будто солнечная буря пронеслась между далеглядками кораблей.

Пока восстанавливалась связь, я отчаянными взмахами рук собрал команду, голова к голове, и прошипел:

– Какой-токой межпланетный сейшн на днях ожидается на Земле?

Ребята озадачились.

– Не знаю я сейшнов, – протянул Прикинъ. – Я на послезавтра отгул взять хочу. Межпланетный Кубок по футболу будут транслировать, а я все пять курсов играл за Летнюю академию...

– Есть! – закричал я. – Всепланидная Чара по колобродству – это Кубок! По футболу! Прикинъ, ребята: а Прикинъ-то наш – футболист!

– Хе, похож! – разулыбались Жека и Лех, хотя последнему улыбаться было рановато, ведь на «Всевидающем око» от нас ждали не одного, а двух спортсменов. Но Жека и Лех улыбались, потому что сразу стало ясно, почему от Прикиня никакого проку: настоящий, значит, гулец. Нестыдный, значит, колобродец.

Ну что сказать: уговорами, посулами и волшебными пенделями отравили мы с Жекой двух наших ангелов на колобродский Кубок.

И ангелы не подвели. Твердолобый Прикинъ уверенно загребал ножищами черно-белый колоб, пробивая любую защиту. А Лех... тоже бегал неплохо, но немного не туда. Ангел Златые Власы быстро смекнул, что безумно нравится девушкам всех возрастов, даже таким маленьким, как дочка кормчего, и потому даже перед пенальти успевал посылать болельщицам воздушные поцелуи. Пенальти не забил ни разу, но с поцелуями не промахнулся.

Тот рейс к меркурианским шейхам был у Леха последним: диволы рекламщики прибрали нашего ангела к своим волосатым рукам. Не помогла даже шустродельная ладанка – подарок дочки кормчего. А Прикинъ прикинул свои карьерные шансы в космофлоте, рассчитался и ушел к обратникам, в ватагу колобродцев.

Впрочем, это уже другая история.

АВТОРЫ О СЕБЕ

Екатерина Алексенцева. Родилась и живу в Воронеже, училась в Воронежском государственном университете на факультете компьютерных наук.

Сейчас работаю по специальности, параллельно пишу романы и рассказы, в основном, в детективном жанре. Люблю читать. Неплохо знаю английский язык, немного – японский, учу немецкий. Люблю путешествовать.

Д. В. Амурский (псевдоним). Родился в 1970 году в Хабаровске. В 1992 году окончил МГУ.

По образованию – математик. По образу мыслей – доверчивый скептик. Волею судьбы – владелец терьера.

Виктор Банев. «Вещь в себе».

Стефан Брег (псевдоним). Живу и работаю в Тамбове. Фантастикой увлекаюсь с детства. К детству же относятся и первые попытки сочинять собственные истории. В подростковом возрасте эти попытки особенного развития не получили. Во время учебы в институте иногда писал стихи для друзей, играющих в рок-группе. Псевдоним придумал почти одновременно с идеей первого фэнтези-романа «Кровь деспота». В этом году он издан «Альфа-книгой». Сейчас работаю над продолжением, задумываюсь о других проектах и иногда участвую в литературных конкурсах.

Владимир Булат. Родился в 1974 году в Запорожье. В 1980 году переехал в Ленинград. Окончил факультет культурологии Санкт-Петербургского института культуры.

Прозаик, эссеист, публицист, историк.

Александра Ковалевская. Родилась в Речице. Окончила Витебский педагогический институт по специальности «учитель образательного искусства и черчения». Преподаватель изостудии.

Автор стихов, очерков, статей, обзоров, новелл. Пишу в жанрах «история», «фантастика», «юмор». Неоднократно становилась финалистом и победителем литературных конкурсов. Автор трех книг о Речице XVI-XVII веков: романов «Час змеев» и «Бод», повести «Гуда». В 2016 году изданы сборник рассказов «Одиннадцать историй» («Барк», Гомель) и научно-фантастический роман «Война Моря и Суши» («Эксмо», Москва). Кроме того, на моем счету сборник фантастических рассказов «Сто милливольт души» (2015) – совместный проект с белорусским писателем В. Вознесенским и научно-фантастический роман «Ночь всех проверит» (2017).

Игорь Мосунов. Родился в 1973 году в Кривом Роге. В 1994 году окончил Криворожский филиал Киевского государственного

экономического университета. Работал бухгалтером в строительных организациях. В настоящее время – свободный художник. Библиофил.

В 2012–2013 годах участвовал в проекте «СлиШ» (Средняя литературная школа) в Кривом Роге, по результатам которого был выпущен коллективный сборник «СлиШ. Компот», где опубликованы рассказ и стихи. Победитель городских литературных конкурсов «Украина моя цветущая» 2012 и 2015 годов в номинации «Проза». По итогам конкурсов были изданы коллективные сборники «Весна творчества», в которые вошли и мои рассказы. Стихи публиковались в коллективном сборнике «Антракт-2015» (Херсон). В 2014 году выпустил авторский сборник рассказов «Тайная история русской литературы» (Кривой Рог).

Любимый жанр в поэзии – философская лирика, в прозе – мистический реализм, фантазмагория.

Станислав Никишкин. Родился в 1982 году в Омске. В 2008 году окончил Омский государственный технический университет. Женат. Любимую супругу зовут Ольга. Она же и мой главный критик. Воспитываю трех детей: двух дочек и сына.

Когда я пишу, то стараюсь, чтобы читатель не просто прочел слова, сложенные в предложения, но и смог представить движущуюся картинку, подобную художественному фильму.

Наталья Павлова. Родилась в 1986 году в Ленинграде. С недавних пор живу в Екатеринбурге.

По профессии инженер-проектировщик, имею два высших технических образования. Ничто, как говорится, не предвещало, но недавно я начала писать рассказы. Пишу главным образом потому, что мне это доставляет удовольствие. Но если результат моих трудов порадует кого-то еще, то это будет просто замечательно.

Николай Проценко. Родился в 1937 году в Мурманске, окончил Киевский медицинский институт. Врачевал в Херсоне. Работал в Киеве в Академии наук Украины и на научных должностях в институтах биохимии, гидробиологии, физиологии растений, физики, в Главной астрономической обсерватории, в Киевском госуниверситете им. Т. Г. Шевченко.

Автор публикаций по биохимии, биофизике, генетике, физике жидких кристаллов, кибернетике, космологии, философии, научно-популярных статей, рассказов и стихотворений. Постоянный автор альманаха «Порог-АК».

Владимир Торин. Детство провел в Одессе. Жил в приюте мадам Коган. Работал уличным разносчиком газет, а нераспроданные газеты относил тете Соне с рыбного ряда на Привозе. Она заворачивала в них селедку. Тетя Соня была большая любительница рассказать всему Привозу истории из жизни ее мно-

гочисленных знакомых, и большую часть этих самых знакомых она попросту выдумывала. Тогда я впервые узнал, как это, когда человека никогда не существовало, но кто-то взял и придумал его – полностью: от очков с треснувшим стеклышком до потертых ботинок со следами чьих-то зубов. Она никогда не записывала свои истории и часто говорила: «Ой, ну не сиропьте мне душу за шкрябанье бумаги. Лучше не писать вовсе, чем писать, чтобы кто-то потом заворачивал селедку в твою писанину». Что ж, она, наверное, пришла бы в неописуемый ужас, если бы узнала, что мальчишка, который приносил ей газеты и вечно торчал у корзины с камбалой, однажды станет записывать свои истории о людях, которых никогда не существовало. А я могу лишь надеяться, что никто не станет заворачивать в мою писанину селедку.

Екатерина Филиппова. Живу в Москве. Журналист-международник. Работала в журнале «Международная жизнь», затем в посольствах России в Африке и США. Последние годы – в международном туризме. Пишу фэнтези, в основном – о параллельных мирах и путешествиях во времени.

Вадим Чеботарев. Живу в Санкт-Петербурге. Писатель, драматург, музыкант. Был участником джиперского движения и автором путевых заметок об этом. По моему рассказу «Шпион» драматический театр «Событие» (Москва) поставил спектакль с одноименным названием.

Юлий Шанс (псевдоним). Родился в 1966 году. В 1989 году окончил Московский институт электронной техники в Зеленограде. Живу в Новотроицке, работаю начальником информационного отдела городской больницы. E-mail: julius-chance@mail.ru

Анастасия Шацкая. По образованию филолог-лингвист и педагог-психолог, по призванию – геймер, а точнее, думер.

Пишу достаточно много, но не издаю свои рассказы по причине лени: вести блог все-таки проще. Поэтому все написанное оседает где-то в Сети. Там я известна под именами stewra darkness и Руда Стевряка.

**Информацию о выпусках альманаха «Порог-АК» читайте:
в информационном листке украинской фантастики
«OldNews»**

rusf.ru/oldnews/

на библиографическом сайте «Архив фантастики» archivsf.narod.ru/

**на сайте «Лаборатория Фантастики»
fantlab.ru/**

**на сайте «Миров двух между – на пороге»
korepanow.narod.ru/**

Підп. до друку __.11.2017. Формат 60x84 1/16.
Папір офсетний. Друк офсетний. Ум. др. арк. 9,3.
Замовлення № 1235.

Поліграфічно-видавничий центр ТОВ «Імекс-ЛТД»
Свідоцтво про реєстрацію серія ДК № 195 від 21.09.2000.
25006, м. Кропивницький, вул. Декабристів, 29
тел./факс (0522) 22-79-30, 32-17-05
E-mail: design@imex.kr.ua